

Оскар Шейнин

Воспоминания и раздумья на закате

NG Verlag, Berlin 2008

www.sheynin.de oscar.sheynin@googlemail.com

*Памяти Я. Г. Рокотова и В. Файбищенко,
расстрелянных по прихоти Хрущева*

В сокращенном виде эти *Воспоминания ...*, ныне несколько переработанные, были опубликованы в журнале *Edita* (Гельзенкирхен) № 33, 2008, с. 41 – 56. Частично они размещены в Интернете: www.berkovich-zametki.com

1. Несколько слов об отце

Окончив в 1898 г. Витебское коммерческое училище (в аттестате – одни пятерки, даже по Закону Божьему), отец поступил в Рижский политехнический институт, куда евреев, не в пример другим институтам России, принимали без особых стеснений. Примерно в 1915 г. оказался первым русским евреем, получившим диплом помощника паровозного машиниста. Железнодорожное начальство неизменно удивлялось: был бы еще кочегаром, куда ни шло, но помощник машиниста?

Но после Февральской революции 1917 г. он осуществил свою давнишнюю мечту и стал юнкером Петроградской школы подготовки прапорщиков инженерных войск.

По желанию большинства юнкеров (демократия!), хоть и против своей воли, пошел вместе с ними защищать Зимний дворец. Кроме юнкеров был там ударный батальон, казаки и Женский батальон смерти. Ударный батальон – мальчишки – находились там чуть не случайно, голодные и неприкаянные, и разбежались, казаки уехали, Женский батальон отказался впутываться в политику. Кроме винтовок у юнкеров почти не было никакого вооружения, и после залпов *Авроры* их положение оказалось безнадежным. Записи отца на этом прервались, можно, однако, понять, что юнкера сдались, а часть из них, в том числе отец, перешла на сторону нападавших. Но во время защиты они сумели вывести из строя “не менее 50” атакующих ввиду “полной неорганизованности и, я бы сказал, трусости”.

Училище отец всё-таки окончил (выпустили, быть может, скоропалительно), носил на пальце памятное колечко. Потом выкинул его: “Из-за него расстрелять могли”. Жизнь была не дороже пули.

Продекламировал он нам песню, которую, видимо, пели юнкера, а сейчас отыскал я ее в Интернете:

*Все тучки, тучки принависли,
С моря пал туман,
Скажи, о чем задумался,
Скажи, наш атаман.*

И на железную дорогу, и в юнкера отец пошел, в большой степени, чтобы доказать, что евреи не хуже других.

Он стал активным участником гражданской войны. В 1919 г. в Киеве, будучи командиром боевого отряда, воевал с петлюровцами, затем во главе *хлебного отряда* отправлял хлеб из сельских районов в Киев, – нет, не отбирал, а закупал. Был направлен в Академию генерального штаба, год проучился, но за отказ идти слушать доклад Ленина (он, мол, не военный, так что его слушать?) был отчислен.

Далее, как начальник разведки Войск обороны побережья Черного моря получил в отсутствие Командующего обороной телеграфный приказ председателя Реввоенсовета, Троцкого, захватить 20 гидросамолетов, находившихся на борту то ли французского эсминца, то ли его вспомогательного судна на рейде у Одессы и предназначенных для Врангеля. После длительных переговоров отца с командиром эсминца гидросамолеты удалось вытребовать, а телеграфную ленту он долго хранил, потом выкинул: слишком стало опасно держать ее.

Служил отец и в военной разведке, и после гражданской войны был вызван к высшему начальству. Предложили ему стать резидентом в Турции, но сумел разгадать опаснейшую провокацию зам. Председателя ВЧК Петерса: согласись только, расстреляют. Подозревали, видимо, что где-то в разведке оказался предатель, а отцу приходилось иметь дело с совершенно секретными картотеками. Нет, сказал, хотел бы учиться, ведь будущая война станет уже полностью войной техники. Послали в Бауманское (впоследствии так назвали) высшее техническое училище.

В 1925 – 1931 гг., уже инженером-механиком, работал в Англии, принимал заказанные там машины и механическое оборудование. Без спроса (ненужного, казалось бы) во время отпуска уехал в Германию, чтобы присутствовать на техническом международном конгрессе. Об этом узнали, видимо, и потому, что отец послал оттуда открытку в Москву, – соблазнился оказией, полетом дирижабля *Граф Цеппелин* и спецгашением марок. Узнали и отозвали в Москву. А вообще-то он обещал прислать в Москву, в редакцию какого-то журнала, корреспонденцию о конгрессе, за что ему обещали возместить часть расходов.

Но успел стать в Англии членом престижного Института инженеров-механиков, чуть позже – Института железа и стали. Впоследствии получил на этом основании звание доцента. Кандидатом наук не стал, – ну, как бы он смог сдать экзамен по марксистской философии?

По возвращении в Москву стал он у наркома (министра) тяжелой промышленности Орджоникидзе, одного из ближайших помощников Сталина, кем-то вроде инженера по особым поручениям. Давал отзывы на проекты новостроек, раскритиковал как-то один из них, но Орджоникидзе усмехнулся, кивнул на вертушку (телефон прямой связи с высшим руководством страны), предложил: – Скажите об этом Сталину (который этот проект и утверждал).

В 1937 г. его шеф будто бы *застрелился*, и отец перешел на другую работу. Там ему предложили доносить на сослуживцев, он же сбежал и перешел на новое место (с понижением). Его и там нашли, он опять куда-то перешел, и снова с понижением. Больше его не трогали, но кто-то упорно и долгое время продолжал звонить нам на дом, спрашивал его.

Отец перестал подходить к телефону, мы подзывали его только к родственникам, а тому, настырному, неизменно отвечали: *нет дома*. Никаких знакомств отец не поддерживал, никаких разговоров ни с кем не вел, с матерью фиктивно разошелся: если арестуют, она не окажется женой *врага народа*. И главное: в партию не вступил несмотря на давние уговоры Марии Ильиничны Ульяновой. Обошлось, но сколько здоровья это стоило ему!

В 1946 г. в Германии, будучи подполковником (занимался отправкой оборудования в Советский союз в счет репараций), пресёк попытку ставшей обычной незаконной конфискации, т. е. грабежа, чемоданов подразделением военной комендатуры у группы выселяемых из Восточной Пруссии немцев. Мог бы серьезно поплатиться.

Мой брат и я выпустили книжку его воспоминаний: Бер (Борис) Абрамович Шейнин, *Моя жизнь. Революция, Англия, Советская власть*. Берлин, NG Verlag, 2009. Она есть в *Гос. Библиотеке* в Берлине, в Российской *Гос. Библиотеке* и в Библиотеке Салтыкова-Щедрина в Петербурге и Иерусалиме и ее текст размещен в Интернете (www.berkovich-zametki.com), а в журнале *Edita* (Гельзенкирхен), вып. 4 (34), 2008, с. 58 – 73, опубликован ее сокращенный, но улучшенный вариант.

О матери, Саре (Софии) Александровне, урожденной Каган, скажу несколько слов ниже.

2. Англо-Американская школа

Мне шесть лет, идет 1931-й год. Мои родители со своими детьми (мной и младшим братом Лёней) только что вернулись из Лондона в Москву. Спросите: почему родители не пожелали остаться? Да потому, что у каждого из них были в Москве ближайшие родственники, притом занимавшие видное положение. Много позже мы узнали, что в Витебске, к моему дяде с материнской стороны (не в Москве, к другим родственникам), приходил кто-то из органов, расспрашивал про отца, так ведь ничего о нём дядя не знал.

Лёня родился в Лондоне и поэтому впоследствии получил также и английское гражданство. Именно с такой целью мама, как это и полагалось, зарегистрировала его рождение в английском ведомстве. Пошла с этой же целью в консульство, там ужаснулись: “Что вы наделали? Ведь он теперь английский гражданин!” Вот такие были советские порядки, мама же отговорила не знанием.

Во дворе меня окружили ребята постарше. Ты забастовку видел? Не понимаю. Видел, как рабочие с полицейскими дерутся? Не знаю, кто такие рабочие, но не видел. Говори: видел! – Видел ... А ты за кого был, за полицейских или рабочих? Полицейских я представлял себе, все большого роста, в красивых мундирах, один из них со мной разговаривал. – За полицейских. Мне надавали

тумаков, потребовали: говори за рабочих! – За рабочих. Мне вручили зеленую веточку и отпустили с миром ...

Вот что я знал о полицейских:

*If you want to know the time,
The proper Greenwich time,
Ask a p'liceman ...*

Хочешь ты время узнать, настоящее гринвичское время, спроси полицейского.

Отец был инженер-механик, из первого советского выпуска Училища им. Баумана. В Англии работал в Аркосе (Всероссийском кооперативном обществе), принимал на заводах закупленные машины, оборудование. С собой в Москву привез мотоцикл с коляской, большая была редкость. Платили советским работникам недурно, и англичане считали, что мы лишь немного беднее американцев. Сотрудники Аркоса нередко ходили в рестораны, отец же воздерживался. Думаю, что не только деньги жалел, но, как бывший военный разведчик, был особо осторожен.

Привез и патефон (назывался он тогда, быть может не совсем правильно, на английский манер, *граммофон*) со знаменитым названием *His Master's Voice* и подходящей картинкой: симпатичная собака слушает голос своего хозяина, раздающийся из патефона. Много было пластинок на английском языке, и обрывки нескольких песен до сих пор помню. Одна называлась *Донна Клара* (*Oh, Donna Clara, My arms are waiting for you!* Мои руки ждут тебя). Приятная была песенка, но прочел я впоследствии, что любили ее слушать (на немецком языке) немецкие вертухаи. Была песня про шотландца, который возвращался домой откуда-то издалека (*The train that's taking you home, sweet home!* Поезд, который мчит тебя к дому, к любимому дому), и пелась-то она с шотландским произношением.

Скоро меня устроили в “нулевку” англо-американской школы. Три таких школы было в Москве – моя, немецкая и французская, каждая для детей работников Коминтерна. Был, видимо, недобор, понемногу стали принимать детей, говорящих по-английски. Я говорил, хоть и не очень свободно, и даже читал. Выписывали мне в Лондоне еженедельник *Chick's Own* (*Собственный цыплячий*), и мама читала мне его. А потом я каким-то образом начал читать сам, только попросил разъяснить две или три буквы.

Впрочем, думаю, что без блата не обошлось, и что поступить в эту школу помог мне мой дядя Михаил, старый большевик. Чуть ли не в 16 лет, незадолго до революции, вступил в партию, в гражданскую войну выполнял какие-то опасные поручения. Остались ли у него идеалы? Не знаю, но вот знакомства он умел заводить. Позже он 10 лет пробыл директором московского завода *Газоаппарат*.

Коммунистический интернационал (1919 – 1943) руководил компартиями по всему миру. Вскоре он оказался под наблюдением советских секретных служб, а с конца 1920-х годов утратил самостоятельность и стал сталинским орудием.

Так, стало быть, после разгрома революционных движений 1920-х годов в Европе, заново начиналось соединение пролетариев всех стран ... В 1935 – 1938 гг. большая часть сотрудников Коминтерна была расстреляна, см. *Черную книгу коммунизма*. М., 1999, гл. 1-ю части 2-й. Распустили его, как мне помнится, по настоянию наших заядлых союзников, а в 1947 г. был учрежден Коминформ, Информационное бюро коммунистических и рабочих партий. Хрен был чуть послаше редьки. В 1945 г. всю советскую историю иносказательно изобразил Дж. Оруэлл в (английской) брошюре *Скотный двор*. Если не читал хоть в переводе, достань обязательно (*купи, одолжи, укради*).

Видел случайно сохранившееся письмо, написанное дядей, наверное, в 1920-е годы, заканчивалось оно словами “С коммунистическим приветом”. И сохранился экземпляр его брошюры 1930 г. *Борьба с бездорожьём в 5-летке* из серии *Догнать и перегнать*. Много фотографий, одна из них наивная: крестьяне интересуются, сколько стоит легковой автомобиль *Форд*? Ссылки на партийные решения и на будущих *врагов народа* Осинского и Лежаву, цитата из Р. Бэкона, которую трудно проверить: чтобы нация стала великой и благоденствующей, нужны “плодоносная почва, деятельная промышленность и легкое передвижение людей и товаров”. Неплохая была брошюра.

Много было у нас подобной литературы, осталась она от дяди (он жил у нас, пока мы были в Англии). Лежала она на полатях (потолки были высокие), я ее почитывал. Заметил ее отец – рассердился страшно, выкинул всё без разбора. Потом понял я: боялся, что окажутся там *враги народа*.

Было чего бояться! И страху добавил мой кажется ещё семилетний брат Лёня. Рано он начал газеты почитывать, что-то, видимо, дошло до него. Завел он тетрадочку, записывал туда какие-то свои наблюдения за отцом, будто бы за подозреваемым. Увидел отец – поднял бурю. Что, семилетний ребенок не в счет? Вполне могли бы сказать: даже семилетний ребенок что-то заметил ... Объективные доказательства? *Признание обвиняемого – царица доказательств*, вот неофициальное, но фактическое положение. А если не признается? Ну, здесь полный простор ... Был бы человек, статья для него всегда найдется, *законный вид и толк* можно будет придать!

И частично из-за этой страшной действительности заявил отец как-то по поводу моей школы: пусть бы он лучше валенки научился подшивать ...

Прошла в 1947 г. денежная реформа и от наличных денег, и от *золотого займа* (от облигаций, которые можно было продать) осталась десятая часть, вклады же сохранились гораздо полнее, небольшие – полностью. Узнал дядя про это заранее, но отца трудно было переубедить, и остался он со своими облигациями. Но главное: вот что означали знакомства, а ведь был дядя в московском масштабе еле заметен, что же говорить о тех, кто был хоть этажом повыше?

Поясню: золотой заем покупали желающие, а вот на обычные ежегодно распространяемые облигации подписывались в добровольно-принудительном порядке на трехнедельную или месячную зарплату, и деньги за облигации вычитывались в течение 10 месяцев. Помню, что какое-то время можно было продать и эти

облигации, но только за треть их официальной стоимости. Некоторые так и делали: только лишь получают их на руки после 10-месячной выплаты, так несут в сберкассу продавать.

Малая доля облигаций что-то выигрывала (в исключительных случаях – крупную сумму), остальные же постепенно погашались (т. е. возвращались уплаченные за них деньги, но лет через 10, не раньше, притом страшно обесценившиеся за этот срок). Мало того, долг государства за облигации вырос настолько, что Хрущев лет, кажется, на 10 заморозил все погашения. И слышал я, что в каком-то помещении, которое он должен был посетить, стены этими облигациями оклеили.

Все дисциплины в нашей очень небольшой школе преподавали американки и англичанки на английском языке, русского многие из них почти и не знали (был и *Русский язык*, ну не без этого же). Директором школы была Comrade Маневич (и каждая учительница тоже была Comrade) – не родственница ли разведчика Маневича? Был, кажется, этот разведчик из тех, о ком написал Светлов: *Хату покинул, Пошел воевать, Чтоб землю крестьянам В Гренаде отдать.* (Правильно было бы *В Гренаде.*) Нас же учителя называли по имени (меня, на английский манер, с ударением на первой букве). Нас воспитывали в советском духе, мы и пели правильные песни, хоть и по-английски:

*Arise, ye prisoners of starvation,
Arise, ye wretched of the Earth ...
Вставай, проклятьем заклеймённый!*

А муж одной из учительниц по фамилии Либединский (но не тот знаменитый Ю. Н. Либединский) переводил советские песни:

*Captain Sir, Captain Sir, Cheer up, Sir,
For the sea surrenders only to the brave! ...*

*Fly higher, and higher, and higher,
Our emblem, the Soviet star,
And every propeller is roaring Rot Front!
Defending (!) the USSR.
Капитан, капитан, улыбнитесь ... Всё выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц ...*

Стремим мы, конечно же, преобразовали в *стремимый* ...

Недавно, впрочем, нашел я в Интернете другие переводы второй песни, по существу совпадающие, но переводчики были названы иные.

Учительница русского языка организовала самодеятельное представление по книге Горького *Мать* для школьного вечера. Мне дали единственную реплику: *Из нас пьют кровь как сок из клюквы!* Всё это было мне чуждо (а может быть и завидовал тем, кто получил настоящую роль), и я на репетиции каким-то образом перепутал *кровь* и *сок*. Меня погнало, – к моему удовольствию.

Мама моя как-то приехала в школу, стала разговаривать с одной учительницей. Не пошло дело: с английским было у нее неважно, у учительницы лицо даже сморщилось. Но тут мама предложила перейти на французский (она гимназию окончила), та согласилась, полилась непонятная мне речь, и заулыбались они, довольные друг другом. Пыталась мама учить меня французскому, но слишком мягко, и в то время застряли у меня в горле только обрывки языка (*Alons, l'enfants de la patrie ...; Вперед, сыны отечества*). А мама, будучи уже пожилой, заочно окончила институт иностранных языков, начала преподавать французский. Но работу подыскала только под Москвой, с неудобным сообщением, и пришлось ей нелегко.

Среди моих однокашников были талантливые ребята. Тибор Самуэли, названный в честь своего дяди, будто бы расстрелянного в Венгрии. В *Черной книге коммунизма* (М., 1999, с. 262 – 263) сказано иначе, но важнее, что описан он там как один из главных палачей венгерского народа, а в Интернете добавлено: внес он свою лепту в расцвет антисемитизма в этой стране.

Дело это обычное: валить всё на евреев. Слышал я, что некий проницательный еврей сказал в начале 1920-х годов: – Вы, русские, своего Ленина простите, но нашего Троцкого – никогда. Добавлю: простили не только *своего*, но и грузина, и даже кощунственно считают его великим вождем. Но вот был ли Троцкий (или Самуэли, или Каганович, чьим именем Сталин назвал московское метро) *нашим*? Да нет же. Ни у кого из этой своры вообще никакой национальности не было. Пришли к Троцкому евреи, жалуются: погромы ... Что он решил – не знаю, но будто бы ответил: “Я не еврей, а интернационалист”, т. е. вообще не человек.

И вот то же, на бытовом уровне. Какой-то дом в Берлине принадлежал двум сёстрам-израильтянкам, и жители ворчали: – Евреи пьют нашу кровь ... Продали сёстры дом немцу, и прекратилось ворчание. Своё не пахнет! Да, так оно и есть:

Если в кране нет воды, значит, выпили жида ...

*А гроссмейстер Петросян, мать армян, отец армян, –
Евреи, евреи, везде одни евреи...*

Да, армяне ... Умирает старый армянин, наказывает сыновьям: берегите евреев. “Мы ничего против них не имеем, но почему беречь?” “Покончат с ними – за нас примутся”. Во всяком случае, предпочтение отдавалось гораздо более значимому Азербайджану. Нагорный Карабах, населенный почти только армянами, отдали Азербайджану, и даже название, в отличие от почти всех иных автономий, установили не по этническому признаку, а по географическому.

Читатель, поймей в виду: старался я отсечь всё то, что, хоть и было бы интересно, но лишь на бытовом уровне, становился я *на горло собственной песни*. Включил много мелких эпизодов, которые могут дополнить и оживить общие экономические и социальные исследования, частично поэтому нарушал хронологию. А во многих местах нет у меня ссылок, необходимых для достоверности, и кроме того пересказал я несколько историй, услышанных от других, но в весьма высокую вероятность моих высказываний можешь поверить. Но вполне можешь не согласиться

с ними, тем более с моими пересказами. Это твоё право, ведь сказал же какой-то английский лорд, что не обязан читать (даже!) *Архипелаг Гулаг*. Можешь также спросить: разве не было в Советском Союзе ничего хорошего? Было, конечно же, но что может перевесить десятки миллионов трупов? Или же, разве можно думать о бесплатной медицине в Германии наряду со злодеяниями Гитлера?

*Теперь для меня равнодушная честь,
Что чудные рифмы рожу я,
Мне только б почище уесть,
Уесть покрупнее ...*

Нет, не буржуя, как хотелось Маяковскому, а весь советский период российской истории. *Овса не ем, повозку с места не столкну*, но что могу, то напишу.

Да, ведь мы пели не только *Одиночная бродит гармонь*, но и

*Сталин – наша слава боевая,
Сталин – нашей юности полет,
С песнею борясь и побеждая
Наш народ за Ста ... за (Путинным) идет.*

Был Пахан I Кровавый; в 1985 г. Юз Алешковский назвал его *рыбой харей* и *усатой падлой*, появился Пахан II, Омерзительный ... И пришли вслед за Первым (только тот, кто дошёл, а не сгинул) в никуда. А как же не идти? Был ведь он непогрешим как Папа римский, да и дивизий имел предостаточно.

Но продолжаю. Был в моем классе и Овидий Горчаков, будущий военный разведчик, писатель и переводчик на английский. Много позже жаловался он, что обязывали его встречаться с иностранными деятелями культуры, вежливо попросили отозваться отрицательно, если не ошибаюсь, о *Докторе Живаго*, но почитать эту запрещённую книгу не дали.

Помню его рассказ о партизане, который должен был взорвать небольшой мост, охраняемый с одной стороны. Подъехал на другой стороне к мосту мальчишка на телеге, партизан и подсунь ему взрывное устройство. Мост рухнул, мальчишка погиб. Морально ли это было? Иезуиты всегда считали, что цель оправдывает средства, а Ленин заявил, что “мораль подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата” (БСЭ, 3-е изд., т. 16, 1974, столбец 1670). Впрочем, в интересах пролетариата было бы отправить всех большевиков на Лу... нет, лучше на Сириус.

Далее, Дориан Роттенберг, впоследствии переведший Маяковского на английский язык; Джордж (Георгий) Маслов, мать которого посадили за *неподходящий* анекдот. Джордж, впрочем, утверждал, что ее оговорили. Отец его, как ни странно, остался на работе в Минвнешторге. Посылали его в командировку за рубеж, – он без жены ехать отказался. Он-то, видимо, и устроил сына в свое министерство, и тот очень далеко пошел. Была Эллис (Шура) Буяновская, будущая редактор переводов на английский. Жила она

в Оружейном переулке, в доме, из которого многих увезли *куда надо*, а ее старшая сестра, как я слышал, была любовницей Литвинова, долголетнего министра иностранных дел. Подружился Сталин с Гитлером, и пришлось Литвинова убрать: кажется, не был он в восторге от подобного поворота политики, да и оставлять еврея на таком посту просто нельзя было, не стали бы немцы с ним говорить.

Учили мы отрывки из Гайаваты:

*If you ask me, whence these stories,
Whence these legends and traditions ...
Если спросите, откуда ...*

Несколько лет назад разговорился я с одним американцем, преподавателем английской литературы, так он и фамилии Лонгфелло не слышал! Я плохо отношусь к подобным узким специалистам.

Был у школы пионерлагерь. Один раз родители заставили меня побывать в нем: год был голодный, и чувствовался он даже в Москве, вообще же мы выезжали на дачу в Томилино, отец вместе с дядей снимали её в Мосдачтресте; да, тогда это было возможно, хотя желающих было много. Лагерь располагался чуть ли не возле Барвихи, на берегу Москва реки, т. е. возле того места, где отдыхало высшее руководство страны. Каким-то образом и дядя Миша лет через десять заполучил в Барвихе малюсенькую дачу. Пошел купаться, а на берегу – милиционер. “Купаться нельзя”. “А Вы знаете, кто я такой? Мой фамилия – Шейнин”. Милиционер стушевался. А дядя как-то сказал нам, что местные жители ворчали: “Нам купаться нельзя, а что, у *них* жопы чище наших?”

Был среди нас мальчишка года на три старше меня, по-английски говорил прекрасно, хотя быть может и не из нашей школы. Фамилия? Бухарин; не сынок ли?

Как-то повели нас на дачу Я. Э. Рудзутака. Был он кандидатом в члены Политбюро, много лет занимал высшие партийные и государственные должности. Политбюро, надо пояснить, состояло не более, чем из 15 человек, и только оно *володело и княжило* Советским Союзом, но внутри него вся власть постепенно перешла к Сталину. Там, на лужайке у Рудзутака, показали нам настоящее кино. Мы видели двух женщин, членов его семьи, самого его не было. БСЭ указало дату его смерти, 1938 год, а вот про то, что сгинул он по велению Великого Вождя и Учителя, энциклопедия умолчала. *От каждого по способностям, каждому по труду!*

А в Томилино появились у меня друзья, встречи с которыми возобновлялись ежегодно. Играли в футбол, гоняли на велосипедах. Был у меня английский *Энфильд*, изящный, лёгонький, вначале, в 1931 г., вызывал всеобщее восхищение. Ни взрослые, ни дети, ни в Москве, ни в Томилино никакого антисемитизма в то время не проявляли, я же вообще не представлял себе ничего подобного.

Снова о самой школе и о моих соучениках. Отца Тибора расстреляли (о чем он благоразумно ни слова никому не сказал), его самого посадили во время войны, потому что он назвался

евреем, кем он и был, а не венгром (выходцем из воюющей с нами страны), и даже фамилию свою написал *Самуэль*. Выпустили его по ходатайству венгерского руководства, окончил он исторический факультет МГУ, уехал затем в Венгрию, был послан куда-то в Африку, а оттуда сбежал в Англию и рано умер. Был профессором в Венгрии, а в Англии к тому же и активным общественным деятелем, ориентированным в соответствии со своим советским опытом. Написал несколько книг (конечно же, на английском языке), которые в Союз если и попадали, то держались под замком, название одной мне известно: *Коммунизм и свобода*. Получил там гражданство, и слышал я: мог бы и членом парламента стать.

Дориана тоже во время войны посадили. Он был в нестроевой части, ел как-то брюкву в колхозном поле. Ему приписали воровство в крупных размерах, а психика у него слабая была, в лагере он чуточку тронулся. Переводить хоть сколько-нибудь *сомнительных* советских поэтов отказывался, так что кроме Маяковского вряд ли что-нибудь дельное оставил (да, он умер). Что-то он опубликовал на русском языке под псевдонимом *Лев Зайцев*.

Я как-то по методу исключения потянулся к математике. По литературе никак не мог сравниться с тем же Овидием, или с другим, Джозефом Биликом (что с ним случилось?). Тот одно из своих сочинений (на английском языке), навеянное, видимо, *Островом сокровищ* Стивенсона, который мы обязаны были прочесть, начал так: “Я родился в Лондоне в 1684 году”.

Заниматься английским языком профессионально мне вначале и в голову не приходило, да и поленивался я по своей воле читать английские книги, читал по-русски, а стал постарше – почему-то подумалось, что для мужчин это не занятие. А когда нам на уроке истории сказали, что в таком-то веке такой-то город начал процветать, потому что был расположен на перекрестке торговых путей, я подумал: почему же именно тогда начал? Никто такого вопроса не задал, а я постеснялся, но история для меня отпала. Позже сами собой отпали и машины, и механизмы. Помню: еще в Англии отец как-то сказал, что возьмёт меня с собой паровозы смотреть, так мне стало не по себе, я, кажется, заплакал, и отец отказался от своего намерения.

То ли дело, к примеру, диагонали ромба: есть у них определенные свойства, и без всяких *почему*, и никаких громадных паровозов. И вот интересный эпизод. Через много лет после школы спросил Дориана, помнит ли он формулу квадрата суммы двух чисел на английском языке? Нет, не помнит, и мы, мол, в английской школе этого еще не знали. А я-то до сих пор помню! Совсем в другую сторону был он направлен.

3. Русская школа

В 1938-м году все три особые школы закрыли, а ведь как полезны они были. Не было ведь нигде, кроме как в закрытых заведениях, такой возможности *овладеть* иностранным языком, стать великолепным специалистом. Денег, правда, на нас много уходило, для нас, например, переводили и печатали школьные учебники; через много лет специально просмотрел в Ленинской библиотеке

“наш” задачник по алгебре. И разбрелись мы по обычным московским школам, и пришлось мне, казалось совсем ни к чему, учить немецкий:

*Wacht auf, verdammte dieser Erde,
Die stets man noch zum Hungern zwingt!
Снова Вставай, проклятьем ...*

Но были и стихи Гейне и Шиллера, что вряд ли можно сказать про нынешние школы здесь, в Германии:

*Vor seinem Löwengarten
Das Kampfspiel zu erwarten
Saß König Franz ...
Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали.*

Это начало замечательной *Перчатки* (перевод Лермонтова). Прodeкламировал я их как-то одной немке, видимо достаточно образованной по здешним понятиям, она их и не слышала.

Впрочем, начинал я со смешной фразы: *Anna und Martha baden* (Анна и Марта купаются), отстал от одноклассников, ведь пришёл я в середине учебного года. Подогнал и оказался среди лучших, а помог мне мой английский, вначале также и частные уроки. И уж давно заметил: никогда бы не подумал, что по приезде в Германию так мне поможет выученный мной в обычной школе язык. Читали мы тексты и на готическом шрифте. Мне это было совсем нетрудно, но, видимо, оказалось хорошей психологической подготовкой: был я готов к чтению старинной немецкой научной литературы, а ведь кроме того переиздаются иногда старые книги без нового набора. А вот мой внук закончил берлинскую гимназию, но готического шрифта и в глаза не видел.

Школа показалась мне отвратительной, потом как-то привык. Мало что помню о последующих годах, но вспоминаю хорошего учителя математики, Николая Гавриловича Блоцкого. Признаюсь, впрочем, что когда мы начали изучать стереометрию, схватил я пару двоек (уже у другого учителя) – не хватало воображения.

Появилась как-то статья в газете: преподавание математики следует увязывать с жизнью. И пришел к нам на экзамен по геометрии директор школы; фамилия его, помнится, была Рябов, имени и отчества вспомнить не могу. Спросил он одного из нас: вот круглый карандаш, как определить его диаметр? Самому пришлось ответить: обмотай 10 раз проволокой, измерь ее длину и т. д. Сомневаюсь, что это важно было: появились бы подобные задачи в жизни, справились бы. Меня самого спросили в колхозе (*услали поработать с группой студентов*): а ну, как измерить объем стога сена? Я думал, что стог – усеченная пирамида, но оказалось, что не совсем так. Рябов же погиб на войне. Был он спокоен и вразумителен. Таких жалко.

Скверно вышло с физикой, электричества я так и не понял. Учительница должна была бы прямо сказать: не пытайтесь ничего

доказывать, физика – наука опытная, а обоснование возможно только на ином математическом уровне. Не лучше было и с химией, оставалась она мне чуждой. Учительница биологии была у нас слабенюкая, мы над ней подсмеивались. Ни географию, ни историю всерьёз не воспринимал. Писал довольно грамотно, но до литературы не дорос. Письмо Татьяны Онегину меня не тронуло, а фраза *Мой дядя самых честных правил ... он уважать себя заставил ...* была непонятной, и *Евгений Онегин* оставался лишь формально необходимым чтением. Через много лет случайно узнал, что в те времена *уважать себя заставил* кажется означало *умер* и сомневаюсь, что хотя бы наша учительница знала это. Грибоедов тоже остался в стороне, красоты его языка я не оценил. Так ведь и направлена школьная литература была на наше идейное воспитание, а не на изучение стилистики.

Началось в девятом классе военное дело. Точно не помню, но девочек, наверное, учили оказывать первую помощь, нас же, мальчиков, кроме обучения нескольким практическим навыкам (например, ориентированию по Солнцу и часам), в основном, видимо, психологически готовили к воинской службе.

4. Приближение войны. Ее начало

Германия с Гитлером заодно вдруг оказалась нашей союзницей. Какой-то разговор об этом состоялся в нашем классе с классной руководительницей, и один из нас, Витя Мителиков, будущий офицер ВМФ, заметил: *ведь они же евреев притесняют*. Та не очень уверенно ответила: *ну, наверное это изменилось ...*

Перед войной слышал анекдот. – Почему немцы возле нашей границы войска сосредотачивают? – Так они там в полной безопасности от воздушных налетов ... – А наши почему там же? – Их защищают. Был с двумя или тремя однокашниками в каком-то Доме офицеров (как бы сейчас назвали, тогда еще не было офицеров). Висела в доме на стене громадная карта Европы, и один из моих товарищей спросил, был ли я где-нибудь кроме Лондона. Проходил мимо военный, сказал: – Не туда вы смотрите, ребята. Немцы уже в Белграде – и показал пальцем. А я подумал: ну и что?

Было это в апреле 1941 г., Югославия только-только заключила договор о взаимопомощи с Советским Союзом, который Верховный Совет, правда, не успел ратифицировать. Но разве это удержало бы Сталина, реши он помочь? ... А не было ли сговора двух диктаторов по этому поводу?

Через много лет, в годы холодной войны, объявился на радио *Свобода* Суворов, перебежчик из Главного разведывательного управления, – читали главы из его книги, *Аквариум*. Передачи глушили, а некоторые я пропустил, но общее впечатление оставалось: сообщал он совершенно не известные мне факты, и стиль был у него весьма своеобразный и действенный. Не мог не запомнить я описанную им готовность армейских частей, расквартированных в западных районах страны, ринуться в Европу. Всё было подготовлено, известны были цели и сроки, и безусловно знали об этом по крайней мере все офицеры. Довёл Суворов изложение вплоть до своего исчезновения в Англию, и я поверил каждому его слову. Но через несколько лет узнал, что служил он агентом ГРУ не в Австрии, а в Швейцарии, что жил он там не один, а с семьей. Зачем переиначил? Не знаю, но веры такой уже не было.

Ты поздно родился, о глушении не слышал? Русские передачи *Голоса Америки*, радиостанций Англии, Западной Германии и, кажется, еще нескольких стран, но особенно *Свободу* глушили беспощадно, во всяком случае в крупных городах. Обходилось это в добрую копеечку, но денег не жалели: “Марксистско-

ленинская идеология противостоит идеологии буржуазной и ведёт с ней непримиримую борьбу” (БСЭ, 3-е изд., т. 10, 1972, столбец 108).

Есть у тебя радиоточка (позже – с тремя программами), и газеты ты можешь читать, *Правду*, или на худой конец *Известия*. Так что тебе ещё надо, интеллигент собачий? Что, в *Правде* нет известий, а в *Известиях* – правды? В Магадан захотелось?

А затем прочел суворовский *Ледокол*. Многое мне не понравилось, начиная с его извинения перед своим отцом – к чему бы, если уж удалось ему вскрыть серьёзную историческую правду, – объявить, что Гитлер пришёл к власти только при помощи Сталина, который хотел, чтобы началась в Европе заварушка и воспользоваться ей, и что Сталин сам готовил нападение на Германию, опоздал только недели на две. Изложение было просто негодное: книгу вполне можно было бы сократить чуть ли не вдвое. Доводы в пользу подготовки нападения на Германию не были продуманы. Одним из них был, к примеру, появление в армии чудо-танка на колесно-гусеничном ходу. Прорвавшись к немецкой автостраде, он сбросил бы гусеницы и помчался дальше на колёсах. Но ведь этот танк мог бы вначале участвовать в отражении нападения – недаром в ходу было официальное и всем известное заявление: *На удар мы ответим сокрушительным тройным ударом, будем воевать на чужой земле, победим малой кровью!* Была и не менее популярная песенка: *Нас не трогай, мы не тронем, а затронешь – спуска не дадим ...* Но была и позабытая пословица: *цыплят по осени считают!* По осени сорок первого... Хорошо Блок когда-то сказал:

*Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем...*

Заметим в скобках: не забыл Блок, что

*Катька с Ванькой в кабаке,
У ей керенки есть в чулке.*

Да, пожар раздули, сами чуть не сгорели, а Сталин? Великий полководец, стал генералиссимусом. В Энциклопедии названы многие генералиссимусы, в том числе Суворов, так что преемственность налицо. Но позабыло авторитетное издание упомянуть еще двоих: испанца Франко и китайца Чан Кай-ши, никак не смотрелись они!

Но, с другой стороны, неужели там, наверху, не додумались: Зачем ждать удара? Мы можем и сами сразу же тройным ударить! В послевоенное время почти никто о подобном и не думал, так что идея книги была разумная, а вот её исполнение оказалось неудачным (хоть и навлек Суворов на себя ярость многих слоев населения России).

По крайней мере несколько человек предупредили Сталина о предстоящем нападении, но он никому не поверил. Одним из них был весьма успешный разведчик Зорге, и неудивительно, что когда японцы арестовали его и предложили обменять его на каких-то своих пойманных агентов, Сталин не согласился (и Зорге повесили). А как же иначе? Ведь был Зорге свидетелем его преступной глупости.

Придумал Сталин в свое оправдание басню о временных и постоянных факторах, действующих на войне. Неожиданное (будто бы) нападение – временный фактор, а вот постоянные факторы против нее работают ... А если немцы заняли всю Украину и Белоруссию – это тоже временный фактор? Подробно эту галиматью (в которую тем не менее, кажется, почти все поверили) разобрал впоследствии автор одной газетной статьи, если не ошибаюсь – крупный военачальник.

Евреи, оставшиеся на захваченной территории, почти все погибли. Не смогли бы их эвакуировать – всё произошло почти молниеносно, а транспорта, конечно же, и так не хватало. Но хоть предупредили ли их: убегайте немедленно? Об этом либо вообще не думали, либо боялись лицо потерять, разве что какой-нибудь местный партийный начальник оказывался совестливым и

знающим! Вот именно, знающим, ведь моего дядю, еврейское лицо которого было узнаваемо за версту, хотели было на случай потери Москвы оставить в городе в подполье.

Да, были дни, когда такая опасность казалась очень серьёзной, и читал я где-то, что по приказу Сталина Москву облетел самолет с особо почитаемой православной иконой на борту. Если так и было, то об этом эпизоде помалкивали: религия – опиум для народа ... (а летчика уж наверное на тот свет для верности отправили). *На вопрос, существует ли Бог, мы, большевики, отвечаем положительно: да, Бога нет!* Так, кажется, сказал в свое время Бухарин.

Можно было, хотя и с трудом, заранее узнать про страшное будущее, потому что в газетах советских о Гитлере плохого не писали или почти не писали. Муж моей двоюродной сестры, убежавший из Риги вместе с женой, рассказывал, что работал рядом с ним вежливый немец с нацистским значком на пиджаке. Отец сестры, вполне европейский человек, который мог бы при некоторых усилиях представить себе свою судьбу, верил в старых добрых немцев, удирать отказался и погиб в Риге вместе с женой и сыном (с моей теткой и двоюродным братом).

Особо сложилась судьба бессарабских евреев. По сталинскому плану советское наступление на Германию должно было начаться в Бессарабии (также и гораздо севернее), и перед несостоявшимся наступлением удалили оттуда еврейское население. В ночь с 13 на 14 июня 1941 г. всё оно было вывезено “в отдаленные районы Сибири”. На сборы было дано полчаса, отправляли в товарных вагонах и многие сосланные погибли.

Немало немецких евреев пыталось сбежать из своей страны, но это было нелегко. Часто бежать было просто некуда. Австралийский делегат, например, заявил в Лиге Наций, что его страна желает оставаться чисто христианской. Как же, осталась, после неизбежного наплыва китайцев и японцев! А вообще-то правительства многих стран не понимали национальных интересов своих собственных стран (не говоря о проявлении чистой воды эгоизма). Некоторые немецкие евреи укрылись в Советском Союзе, но не всех их, нет, не всех, миновало *око государево*.

О страшной неразберихе при отступлении писали многое. Сам я слышал от бывшего фронтовика, курсанта артиллерийского училища (см. п. 6), что он с группой солдат удирал на грузовой машине с тюками денег. Откуда взялись деньги, сказать сейчас не могу, а рассказывал он, что сдать деньги куда-то под расписку им не удалось, пришлось их сжечь. Но взял себе каждый по пачке, потом положил этот курсант крупную сумму на своё имя в сберкассу. Узнал политрук (тайна вкладов!), спросил откуда. – Дом свой в поселке продал.

Вообще же после воцарения второго европейского диктатора, Гитлера, большая война стала неизбежной. Англия и Франция, будучи демократическими странами, не могли толком готовиться к ней, многие их политические деятели не представляли себе грозящей опасности (особым исключением был Черчилль), а король Великобритании, Эдуард VIII, был поклонником Гитлера. В Википедии его разве лишь прямо не назвали бесплатным и очень успешным гитлеровским агентом, но, к счастью, в 1936 г. отрекся он от престола, чтобы жениться на американке и к тому же вдове. *Не могут короли жениться по любви ...*

Никак не оформлялся союз этих двух стран с Советским Союзом. Чтобы воевать с Германией, Красной армии пришлось бы вначале пройти через Польшу, но отказывались поляки пропустить сталинского козла через свой огород. Так или иначе, была Польша обречена. И начали Англия и Франция, и отдельно Советский Союз заигрывать с Германией ...

А следует ли удивляться пристрастиям бывшего короля? Совсем недавно один из внуков нынешней королевы Великобритании догадался прибыть в маскарад в мундире офицера СС (охранных отрядов нацистской партии). Святая простота! Знакомят английских (и не только английских) отпрысков с Аристотелем и Шекспиром (или Гёте, или Мольером), а о Гитлере и Сталине им невдомёк.

И вот о том же. Вторглись советские войска в Афганистан, и вдруг оказалось, что в американском посольстве в Кабуле никто не говорит по-русски.

Началась война, несколько раз объявлялась воздушная тревога, но были они то ли учебными, то ли ложными.

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!*

Слышал по *вражескому голосу*, что написал эту песню русский офицер в 1914 г. Офицер погиб, а песню (с одним изменённым словом) присвоил себе её официальный автор.

Телефоны почти у всех отключили, – видимо, чтобы слухов не распространяли. Появившиеся при этом неудобства и, может быть, несчастья никого наверху не волновали. Радиоприемники все обязаны были сдать в ближайшее почтовое отделение, – нечего Гитлера слушать! Официально об этом требовании не сообщили, проскочило только в газете, в *авторской* статье, укоризненное замечание, что, мол, некоторые ещё не поняли, что приемники надо сдать. Вклады разрешили изымать из сберкасс только понемногу, сколько именно – не помню. У отца конфисковали (если сказать реально) его английский мотоцикл.

Телефоны, видимо, остались только у *самых нужных* и, конечно, у *слуг народа*. Году в 1950-м некий деятель из этого разряда опубликовал статью в *Известиях*: ему, видите ли, телефонные звонки мешают жить и работать. Ну, написал я им письмо, напомнил эпизод из какой-то оперетты. Дама бальзаковского возраста своей родственнице: – Ты выходишь замуж, и я могу открыть тебе страшную тайну. Мужчины храпят ночью! Но без этого храпа намного хуже ... На “обычные” *письма трудящихся* советские газеты как правило отвечали, ответили и мне: затронутая тема, мол, тоже важна. Да, конечно, заядлых храпунов лечить надо.

И вот неожиданное окончание темы. Жена как-то сказала мне, что, будь в их коммунальной квартире телефон, вышла бы она замуж задолго до знакомства со мной. Вот так! Но сколько девочек, не имевших дома телефона, вообще замуж не вышли, или вышли за кого попало?

5. Челябинск

В товарном вагоне поезда мама и я с братом дней пять добирались до Челябинска, куда выехали семьи работников того наркомата (министерства), в котором работал отец, он же присоединился к нам через несколько месяцев. Нас ожидали, нам дали большую комнату в двухкомнатной квартире только что выстроенного дома на улице ... Да, ты угадал: на улице Сталина. Запомнился один эпизод. Зима, снег, вечер. На конечной остановке трамвая собралось много народа, ждём. И вот пришел “наш”, и сразу заполнились оба вагона. Вдруг объявили: трамвай пойдет по другому маршруту. Все вышли, а зашёл только один человек! Подошли к нему несколько только что вышедших, заявили, что дела так не оставят. Был он, оказывается, каким-то трамвайным

начальником. Слуга народа! А ведь надо было просто выкинуть его из вагона.

Там, в Челябинске, я окончил десятый класс. Помню, начали мы изучать неравенства, я же их невлюбил, всё пытался свести их к уравнениям с поправочным членом. Одну из соучениц, Таню Гнедину, через много лет встретил в Москве. Дочь известного и не то сиделого, не то сосланного журналиста или дипломата, стала она физиком. Написала биографию Эйнштейна, но её в каком-то московском издательстве отклонили: сионист, мол, этот ваш Эйнштейн. ЦК партии одобрял “опровержения” общей теории относительности как теории еврейского кумира; президент Академии наук Г. И. Марчук поддержал главного опровергателя, А. А. Логунова, который стал вице-президентом [1974 – 1991], см. С. П. Новиков, *Вопросы истории естествознания и техники*, 1995, № 4; на эту статью, написанную в 1991 г., мы еще будем ссылаться). Не обошлось, правда, без *периода вразумительности*: в 1955 г. теорию относительности (см. одноименную статью в БСЭ, второе издание, т. 31) согласовали-таки с диалектическим материализмом.

Впрочем, до гитлеровцев московские бонзы не дошли. В 1936 г. в журнале *Deutsche Math.* (подходящее название!) труды великого физика были расценены как “объявление войны на уничтожение нордически-немецкого чувства природы” (моя статья в *Hist. Scientiarum*, vol. 13, 2003, с. 136), т. е. на уничтожение приземлённой математики, и это после великих Римана и Гильберта (притом вовсе не евреев)!

Здесь же добавлю, что в этой статье я опубликовал обнаруженную мной архивную рукопись Рихарда фон Мизеса, крупнейшего математика и механика, *Математика и Третий Рейх* (т. е. и нацистская Германия). Была она подписана буквами R. S., что я расшифровал как Roh Stoff (сырьё, сырой материал) и посоветовался по поводу своей находки с одним немецким историком математики. Тот на дыбы встал! Rohstoff пишется слитно (но в данном случае – не обязательно!), так что авторство рукописи остается неизвестным, да и вообще, мол, Вы хорошо пишете о Советском Союзе (*Историко-математич. исследования*, вып. 6 (41), 2001), а уж Мизеса оставьте немцам, тем более, что я, мол, об этой рукописи еще сто лет назад знал.

Нет, не уступил я этому наглецу. По почерку (не говоря уж о стиле и сути рукописи) удалось мне доказать, что автором был Мизес, который, будучи евреем, в 1934 г. ещё спокойно уехал в Стамбул, читал там лекции на французском языке, потом перебрался в США.

Обширная есть литература о науке в гитлеровской Германии, и о том, какой урон она понесла от изгнания евреев из университетов, а потом и от последующих злодейств. Вот эпизод, относящийся еще к концу 1933 г. или началу 1934 г. Приехал в Гёттингенский университет министр высшего образования, спросил у Гильберта, правда ли, мол, что с уходом (с изгнанием) евреев уровень университета понизился. “Понизился? Да от него вообще ничего не осталось”. Был Гёттинген мировым математическим центром, теперь же он, как считается, находится в США.

В Челябинске же успел немного проучиться в тамошнем институте механизации сельского хозяйства. Кафедрой математики заведывал Юрий Юрьевич Нут, эстонец, выучившийся в России. Было у него два или три аспиранта, тоже эстонцы (многие эвакуированные эстонцы были, видимо, посланы в Челябинск), один из них (Гаршнек) вёл у нас практические занятия. Лекции Нут читал очень хорошо, я слушал чуть ли не с открытым ртом. На экзамене поставил он мне пятерку, сказал, что вообще-то мне надо было бы идти в университет. Был он депутатом Верховного Совета Эстонии.

Начертательная геометрия началась с теоремы: *Проекция точки есть точка*. Я не воспринял эту дисциплину всерьёз, а когда спохватился, пришлось долго и не очень успешно разбираться в ней. Перед экзаменом кто-то из нас припрятал самые неприятные модели пересечения геометрических тел, и наш доцент тщетно искал их, приговаривая вполголоса *Спрятали, наверное ...* Были основы марксизма-ленинизма, но об этой фундаментальнейшей науке я ничего не помню.

Была физика, снова с той же для меня методической трудностью, был английский язык. Пришёл я на экзамен, что-то сказал по-английски со всамделишными произношением и интонацией – пятёрка. Так же было позже во всех подобных случаях за исключением кандидатского экзамена, на котором сразу выяснилось, что с грамматикой я не в ладах (и допускал-таки ошибки при употреблении прошедших времен глаголов), но простили мне это. Но вот перед экзаменом пришлось мне сдавать *тысячи* (переводить сколько-то тысяч слов). Пришел, напереводил сколько-то, и попросили меня продолжить в следующий раз. Я отказался, пошёл на соответствующую кафедру жаловаться, и мне скостили остаток.

Заодно добавлю. На кандидатском же экзамене по философии еле вытянул на тройку, а ведь в студенческие годы, в геодезическом институте (п. 9), наивно конспектировал Маркса, отыскивал истины. И на экзамене по специальности тоже поплавал, но всё-таки одолел.

6. Артиллерийское училище

Призвали меня. Знакомый студент заметил: – А я было думал, что евреев в армию не берут. И попал я не в университет, а в артиллерийское училище в г. Сухой Лог, между Свердловском и Челябинском, – в привилегированное Одесское ордена Ленина, им. М. В. Фрунзе, большой мощности. Да, были у нас самые мощные перевозимые гаубицы калибра 152 и 203 мм, фотографию обеих можно увидеть в БСЭ (3-е изд., т. 2, с. 268), но я-то оказался в дивизионе артиллерийской инструментальной разведки, в топографической батарее, во взводе, почти целиком состоявшем из выпускников одной из московских артиллерийских спецшкол. Из таких же бывших спецшкольников было сформировано несколько взводов, в строю они пели артиллерийские и странные лирические и вообще непонятные песни:

Команду жди, команду жди,

*Не будет лишних слов,
По целям бьём, по целям бьём,
Не тратя зря снарядов,
По целям бьём, все цели разобьём.*

Или

*Таня, Танюша, Татьяна моя,
Помнишь ты знойное лето это?
Разве мы можем с тобой позабыть
Всё, что пришлось пережить, пережить.*

И вот шедевр:

*Пошел купаться Ваверлей, Ваверлей,
Оставив дома Дорофею,
С собою пару пузырей,
С собою пару пузырей
Берет он, плавать не умея ...*

Из тех, которых помню, назову нескольких. Сеницын, сын партийного работника; Андреев, отец его был каким-то милицейским начальником, сам он стал как бы придворным фотографом. На всех смотрах в этом качестве и появлялся, никак не в строю. Алферьев, сын генерала, пропавшего без вести. В конце войны знакомый генерал сказал матери Алферьева: попади он в плен, немцы раструбили бы об этом, и удостоверение личности на чужое имя не помогло бы. Еремин, которого вспоминаю по похабной частушке:

*Я не буду, я не стану,
Я боюсь, что не достану.
Нет, ты будешь, нет ты станешь,
Я нагнусь, и ты достанешь.*

Думаю, что все они прожили достойную жизнь, надеюсь, что хоть кто-то из них жив. Но особенно вспоминаю Белоскурского, очень жалею, что не встретились. Сын генерала, скромный, вежливый.

Но был и курсант Клеонский, еврей, инженер-электрик, к строевой службе психологически негодный. Возможно также, что не был он вполне здоров. Я сам больше других чувствовал усталость, сонливость, но только на гражданке узнал, что давление у меня низкое. Измеряли ли его в военкомате? Не помню, но всё равно призвали бы. Прострелил Клеонский себе стопу, будто бы неисправным карабином, и больше мы его не видели.

Старшиной одной из батарей был какое-то время фронтовик, еврей по фамилии Бун. Году в 1950-м случайно встретил я его в Москве, но он вскоре умер совсем ещё молодым. Каким-то образом мы были немного знакомы ещё в училище. Рассказывал он мне (когда именно?), что был он снайпером, окончил школу *снайпинга*.

Был награждён именным оружием (пистолетом), который отдал командиру батареи (не потому ли стал старшиной?).

Поддразнивали его курсанты, предваряя его фамилию гласной буквой, он не обижался. На гражданке стал он своего рода мастером по домашним холодильникам, жена, еврейка, преподаватель иностранного языка (кажется, немецкого), сидела без работы.

Офицеры всенепременно называли нас на Вы, обстановка была, опять же, как я позже понял, совершенно особая, притом ни малейшего антисемитизма я не чувствовал. И помню один из пунктов приказа по училищу; их нам зачитывали, не полностью, конечно: списать один патрон, израсходованный курсантом таким-то на таком-то посту (забрела чья-то корова ночью на пост, выстрелил он в воздух).

Начальником Коммунально-эксплуатационной части был лейтенант Беркович, про которого ходили анекдоты; возможно, что он сам их специально и распространял, и вот один из них. Приходит будто бы Беркович к дежурному по училищу. “На сегодня мне нужна лошадь или два курсанта”. И нам на самом деле частенько приходилось вкалывать на разных хозяйственных работах и, конечно же, чистить картошку на кухне.

Находясь в карауле и охраняя продовольственный склад, курсантам взвода из бывших спецшкольников хватило ума проникнуть туда и утащить немало. Долгое время понемногу подпитывались всем взводом, но попались (обнаружили оставленные про запас порции чего-то). Скандал был страшный. Весь взвод на какое-то время отправили на гауптвахту и всех сержантов во всех подобных подразделениях отстранили от должности (сохранили ли они лычки?). И в наш взвод, как и во все подобные, назначили сержантов из “взрослого” подразделения. Под суд, впрочем, никого не отправили, не иначе как замяли это дело.

Преподаватели были честные, добросовестные и знающие офицеры. Основные дисциплины? Топография, артиллерия, тактика, ну, и, конечно же, политподготовка. Изучали мы обращение с теодолитом, прокладку теодолитных ходов и их вычисление при помощи математических таблиц, глазомерную съёмку местности.

*То ли дело пар шагами
Расстоянья измерять!*

Попробуй поизмеряй как-нибудь и ты, но не вышагивай, а иди нормально, как всегда. Ещё лучше, как это ни странно, – тройками шагов. Песенку же наверняка кто-то скопировал со старинной солдатской песни:

*Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать,
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять!*

По артиллерии (преподавал капитан Алексеенко) помню *пристрелку по наблюдению знаков разрывов*. Цель, наблюдательный пункт, огневая позиция. Находясь на НП, совсем не в створе цель – ОП, должен вычислить дальность стрельбы и её направление. И, увидев в бинокль разрыв, подправить то и другое. Всё это на бумаге, вершиной же была пристрелка (взаимное ориентирование) нескольких батарей по воздушному реперу (по разрыву снаряда в небе), в принципе аналогичная астрономическому определению разности долгот двух пунктов по наблюдению одного и того же небесного явления (затмения Луны).

Тактика. Прочел нам преподаватель, капитан Бочкарёв восторженный репортаж в какой-то газете о подвиге наводчика орудия большого калибра. Остался он один в строю, сам подносил снаряды, сам заряжал и наводил. Спрашивает преподаватель: что скажете? Мы соглашаемся с журналистом, а он нас поучает: окопы надо в первую очередь отрывать возле орудия, чтобы всем в строю оставаться, а что толку в одном наводчике? Какую скорость стрельбы может он обеспечить?

Этот же преподаватель говаривал *икс-угрек* вместо *Иванов* или *Петров*, нарочно коверкал, чтобы оживить изложение. На письменном выпускном экзамене курсант Ракитянский написал латинскими буквами *x, y*, притом, видимо, без запятой. Поверяющие этого не оценили, пришлось ему объясняться.

Строевая подготовка. Ох, не силён был я в ней! Приемы штыкового боя (кажется, на занятиях по физической подготовке): *Длинным, коли! Коротким, коли!* Уставы. Запомнил, что приказ командира – закон для подчинённого. Дальше, кажется так: ... потому что он выражает волю народа (страны?). Юридических знаний нам не сообщали, а на гражданке узнал я: *ничтожные* приказы можно и не исполнять. В школе нам подробнее сказали, что была раньше в этой заповеди оговорка: “закон ... если он не вредительский”. Отменили её, потому что пользовались ей, чтобы опасных приказов не исполнять. *Вредительство*, впрочем, искоренялось и в армии беспощадно, расстреляли даже нескольких маршалов ...

Политподготовка. Над одним из преподавателей мы втихомолку посмеивались, а кто-то рассказал может быть и был: искал политрук в траве будто бы утерянное место нуля. Прочли нам покаянное письмо в газету раненого политрука. Остался он единственным офицером в строю на НП, видит: немецкие танки вот-вот прорвутся к мосту, командует по телефону на ОП: *По врагам революции, огонь!* Ему в ответ: *Угломер давай, давай дальномер, так твою и растак ...* Но вот уже в Болгарии, в артиллерийской бригаде, куда я попал после училища, был политрук, к тому же и еврей, которого солдаты безусловно уважали.

Какого-то *каптёрщика* засекли в длительной самоволке, судили. – Зачем в самоволку пошел? – А что мне, онанизмом заниматься? Штрафная рота. Сомневаюсь, что спасло бы его покаяние. Кормили нас по военному времени отлично, но каждый бы съел намного

больше, и спать приходилось явно маловато. И поэтому (а может и не подрост еще) не надо было мне в самоволку ходить.

Был у нас в батарее свой *каптерщик*, нестроевой солдат (стало быть, здоровьем не вышел, присяги не принимал), сидел он в своей *каптерке*, ведал обмундированием. Официально, оказывается, назывались они каптенармусами и должны были весть и оружием в своих подразделениях. Попавший в беду *каптерщик* тоже наверняка был нестроевым, так неужели можно было его в штрафную роту отправлять?

Начальника училища, генерала, сменил какой-то полковник и начал он гайки закручивать, хотя курсантов это и не коснулось. Но вот какой-то бедолага потихоньку закурил возле строя (почему он сам не был в строю?) во время исполнения новенького гимна (*Союз нерушимый ...*), и застучал его полковник. Тоже штрафная рота! Сталинская жестокость. А ряды курсантов (да и офицеров-преподавателей) стали пополняться фронтовиками, понюхавшими пороха и прочувствовавших советскую воинскую действительность. Это был совсем другой кадр, и антисемитизм начал проявляться.

В начале 1945 г. вернулось училище в Одессу, в свой городок. Переезд в нескольких эшелонах, с гаубицами и всем добром, притом с заготовленными дровами, хоть и запрещено было тратить на их перевозку железнодорожный уголь и тем более занимать даже не платформы, а (для маскировки) вагоны, занял несколько месяцев, и какое-то время не было занятий и в Одессе. Как разрешили всё это во время войны, – не знаю.

В Одессе, в нашем же громадном городке, разместили пленных немцев. Где-то они работали, несколько человек убирало нашу территорию. Один из них починил мне часы, другого наш комбат попросил наладить какую-то буржуйку. Вызвали меня переводчиком, я пояснил: – Печь делает много угля в воздухе.

На улице возле наших ворот видел строй (не очень строгий), шло человек 30, в чужестранной военной форме без погон, и конвоировал их солдат с карабином. Не очень надёжно, но всё-таки. Вдруг упало к моим ногам несколько пачек сигарет, и понял я: они из репатриированных, т. е. освобождённых союзниками, и так они молча приветствовали меня. Сказал им: – Я не курю, кто-то из них ответил – Дай другим. Но подсуетились уже прохожие, ни одной пачки не осталось. Лет в 12 затянулся я несколько раз, нет, не сигаретой, а папирсой. Очень мне понравилось, и я решил: ни за что не буду курить, а то ведь не бросишь.

А репатриированные, даже и возвращавшиеся добровольно, считались идеологически сомнительными, возможно и разведчиками *бывших* западных союзников, про тех же, кто вернулся против своей воли, и говорить нечего. Видимо все они попадали в лагерь. Про отношение к бывшим военнопленным всё известно. *Нет у немцев никаких наших пленных, есть только предатели!* Таково было высочайше высказанное утверждение, и в лучшем случае оставались они пожизненно под подозрением. А вот американцы в конце концов наградили бывших своих военнопленных особой медалью.

К выпуску написали каждому в характеристике “партии Ленина – Сталина предан”, а некоторым (я, впрочем, не сподобился) – “глубоко предан”. Не понял я *тогда*, что решено было вот таким

способом, употребляя неофициальное наименование партии, Сталина лишний раз прославлять. Уже в офицерских погонах походил несколько дней по городу, поболтал с американскими моряками с торгового судна. Сказали мне: ты хорошо говоришь по-английски, скопи денег и приезжай к нам. Мне, новоиспеченному офицеру, не понравилось это, а наивные они были – так ведь американцы. Разговорился с двумя другими моряками-иностранцами, довёл их до какого-то ресторана, сам туда заходить не собирался, да и денег было очень немного, но тут и патруль оказался, офицер и два солдата. Не положено, говорят, с иностранцами расхаживать, но с тем и отпустили.

7. Болгария

Училище я закончил в апреле 1945 г. и, как и большинство других выпускников, попал в резерв, в Гороховецкие лагеря, где и пробыл несколько месяцев. Жили в палатках. Холодно было, сыро, и скука страшная. Рядом с нами были какие-то *химики*, – воинская часть, простоявшая там *на всякий случай* всю войну. Затем получил направление в Болгарию. Проезжал через Одессу, зашел в училище, но всё показалось уже каким-то другим. А возле вокзала какая-то женщина без предисловий спросила, что я, – в офицерских погонах, – продаю?

Был в Софии Бульвар Царя-Освободителя (Александра II, отменившего крепостное право, но также и освободителя Болгарии от турецкого владычества), переименовали в честь почетного гражданина города, маршала Толбухина, позднее, однако, вернули старое название. А Бургас, один из главных городов страны и черноморский порт, стал на время именоваться *Сталин*.

В Болгарии, в гвардейской артиллерийской бригаде, стал командиром взвода топографической разведки. Казармы наши были в Пловдиве, возле поселка Столыпиново, а когда его так называли – не знаю. Был на каком-то дежурстве в этом поселке, зашёл там вместе с двумя солдатами в православную церковь. Шла служба, потом священник подошёл к нам, солдат поблагодарил за посещение, меня в упор не заметил. В центральной части города чистильщики обуви, мальчишки-турки, подзывали: – Чистим-блистим, московский специалист! Предлагали за деньги вымазать себе лицо ваксой.

Где-то, также с двумя или тремя солдатами, разговорился с болгаринном. Спросил он нас про колхозы, и один из солдат, кажется Грищенко, выложил ему в одной фразе правду-матку, я же неуклюже постарался смягчить ее. Через несколько лет возвращался я с производственной геодезической практики из Украины в Москву, на одной станции увидел того бывшего солдата. Выглядывал он из окошка арестантского вагона.

Начал читать болгарские газеты, отважился даже книги как-то читать, заговорил по-болгарски, запомнил: *Минаха години без да те забраве аз и Ако искаш пресна стока, ела при Бай Митко шопа. Прошли годы, но я тебя не забыл; Хочеш свежий товар – иди в магазин Дяди Митко*. И помню, как шёл куда-то, спросил дорогу, мне говорят: *Ела, братушка, направо*, а показывают прямо.

Немного прошел, снова спрашиваю, и всё повторяется. *Направо* и значит *прямо*!

Ставши инженером-геодезистом, перевел с болгарского книгу *Координаты Гаусса – Крюгера на эллипсоиде вращения*. Встретился с автором, В. К. Христовым, который приезжал в Москву, сказал он мне, что дух книги полностью сохранился. Пошёл он на прием к начальнику Главного управления геодезии и картографии Судакову, попросил меня быть переводчиком. Перевести пришлось только одно слово: не знал болгарин, что русское *Эйлер* и есть немецкое и болгарское *Ойлер*. А потом захотел он о чем-то особом с Судаковым поговорить и вежливо попросил меня выйти. Заранее не предупредил, очень некрасиво он поступил. До этого был с ним в исследовательском геодезическом институте с той же целью. Говорил он там с начальством, но ничего конкретного, кажется, не было сказано.

Вернемся в Болгарию. Странное было время: война кончилась, демобилизация же была крохотной и явно на несколько месяцев запоздалая, коснулась только сравнительно пожилых солдат, солдат-шахтеров и, кажется, агрономов. Вопросов об этом солдаты мне не задавали, сам я тоже помалкивал. Демобилизовали и пожилого, но поджарого и быстрого лейтенанта Серкова, инженера-геодезиста. Уважали его солдаты, и с каждым он на прощание поцеловался.

Служить, думаю, в такое смутное время было морально тяжело. Помню сержанта Дроздова, еженедельно ходил он на какие-то музыкальные репетиции, и был приказ по бригаде, разрешающий участникам репетиций участвовать в них. Спросил я его, желает ли он на самом деле участвовать. – Без них я повесился бы. Вскоре я заболел: простуда и паралич лицевого нерва.

8. Германия

Вылечили, а затем отец (в ту пору подполковник в Германии, занимавшийся демонтажем немецкого оборудования для отправки в СССР в счет репараций) перетащил меня в Группу советских войск в Германии. Подлечился я в госпитале в Потсдаме. Приходил к другому пациенту немец-массажист, тот его подкармливал. Не знаю, как это разрешалось: в Берлине врачам-немцам было запрещено принимать советских военных.

Неожиданно встретил своего дядю Яшу, глазного врача. Он работал в этой же больнице, был майором медицинской службы. Рассказывал, что приходилось ему подбирать очки высшим военачальникам, а также какому-то крупному немецкому чину. Того арестовали, очков он, видимо, не смог взять с собой. Провели следствие, а он читать своё дело без очков отказался. Попросили дядю подобрать, хотели дать переводчика, но дядя от помощи отказался. Мы встретились с ним и с его женой, чудесной женщиной, тетей Машей, в Челябинске, куда они успели удрать из Витебска.

Вышел я из госпиталя, и оказалось, что офицеры моей специальности не были нужны, и меня демобилизовали как малопригодного к строевой службе. Ошибки не было: на протяжении многих лет перенес паралич еще несколько раз,

хорошо, что не остался с перекошенным лицом. Да и не был я на своем месте, мог бы успешно служить разве только на штабной работе, да и то вряд ли.

Успел посмотреть на Берлин 1946 года. Надписи на покалеченном Рейхстаге, штабели кирпичей посреди более широких улиц от разобранных домов, полуголодные немцы с рюкзаками ... На вагоне метро (тогда его называли не *U-Bahn*, а полностью, *Untergrundbahn*, а автобус был не *Bus*, а *Omnibus*) надпись *Хлородонт*, что показалось мне чуть ли не кощунством. На улицах громадные плакаты с переведенными словами Сталина: “Гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий остаётся”. Стоял я на трамвайной остановке, слышу говорит немец кому-то: – Света нет (перебои были), а ратуша горит днем и ночью. А помещалась в районной ратуше советская комендатура.

Приходилось дорогу спрашивать, и каждый раз отвечали многословно и поэтому плохо понятно. Но вот один раз ответила мне немка чётко и коротко, так я на нее с подозрением уставился. Потом дошло: офицерская жена, немка по образованию. Заулыбался, говорю “Данке шён”, она тоже улыбнулась, поняла, что я её распознал, отвечает: “Битге шён”, и расстались мы, друг другом довольные.

Немецкого языка наши военные, если и знали, то только немного. И вот какую фразу будто бы выдал какой-то солдат: – Эй, хозяйка, дер корова в огород ушла! Вспомним пушкинского героя: “Я не могу дормир в потемках”.

Объявление в газете: Вдовец 53 года, беспартийный (т. е. не нацист), полностью разбомбленный, желает познакомиться ... Оттуда же: В день рождения Гитлера, в 1946 году!, кто-то послал ему поздравительную открытку, и почтальон, топтавшийся у развалин Имперской канцелярии, пытался её вручить. Вот немецкая дотошность! А посмотрите сейчас: стоят у светофора, зеленого света ждут, а машин и за километр не видно. Сгинул Гитлер в 1945 году, и отправили его челюсть в Москву для окончательного опознания трупа. Несколько дней до отправки челюсть хранила военная переводчица Елена Ржевская, она же – моя двоюродная сестра, Лена Каган. Рассказывала, что пришлось ей допрашивать пленного офицера – эсэсовца. Тот молчал, и она спросила:

А Вы знаете, кто я?

Да, конечно, Вы – молодая, красивая ...

Я – еврейка.

Взорвался эсэсовец: “Всё расскажу, только уберите её от меня!”

В Берлине – четыре сектора оккупации, но мне, офицеру, можно было пешком попасть куда угодно, а вот нескольких русских женщин наш патруль при мне задержал в одном из западных секторов. Они ко мне обратились за помощью, а что я мог сделать? Сказал им, что и вообще должен был бы помогать патрулю. Уж наверное ожидало их расследование и может быть отправка в родную страну, если не что-либо похуже.

В транспорте ездили наши военные бесплатно, и так было во всех освобождённых странах. Но слышал я, что кондуктор трамвая в Бухаресте как-то попросил двух солдат заплатить за проезд, они же ткнули пальцем в табличку: *Одесса, такой-то завод* (и уж наверное что-нибудь устно добавили). Тот замолк.

Был с отцом в Потсдаме, на одном частном домике видел плакат *Еврей*, но усомнился: не навредит ли сам себе этот человек? Отец нанял немца-водителя, но в основном сам водил свою машину (*Опель-кадет*, будущий *Москвич*), права получил в 1915 г., подписал их какой-то князь. Документ, к сожалению, не сохранился. Водителя отец, старший офицер, подыскал через биржу труда, что, наверное, было неслыханно. В училище на автодело нам отвели всего несколько часов теории и может быть полчаса вождения, так что я не смел садиться за руль. В 1991 г., перед выездом в Германию получил права, – на всякий случай, – но они мне негодились, да и не в тот день недели я родился, чтобы машину водить (вспомним мою боязнь паровозов!).

Помню, начал я тогда изучать устройство автомобиля, читаю: *ступица*. А что это? Бросил читать. Не уверен, что хоть раз видел толковое объяснение устройства и работы, ну, хотя бы современного телефона. Здесь, например, фирмы экономят на этом копейки, теряют многое. Дориан, соученик мой по англо-американской школе, уверял меня, что переводы многих инструкций по военной технике на английский язык оказались непонятными, но что спохватились слишком поздно. А были ли понятны сами оригиналы? И бывает, что приложенное описание относится к какой-то иной модели купленного товара.

9. Геодезический институт

И вот я дома. Не разобравшись толком в себе, поступил в Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии (МИИГАиК), бывший Межевой. Ну, как же, я ведь топограф, хоть только артиллерийский! Один из студентов, Юра Райныш, по виду украинец, на самом деле – еврей, побывал в плену, был репатриирован. В плену дрожал постоянно, боялся, что кто-нибудь выдаст. Дознавали наши родные органы: как выжить удалось? – Побывал бы на моем месте хоть сутки, прочувствовал бы.

Вспоминаю многих знающих и добросовестных доцентов, – А. И. Дурнева, П. С. Закатова (будущего директора, тогда еще не было ректоров, института), Б. Н. Рабиновича, Д. С. Шеина, А. А. Изотова, ближайшего помощника Ф. Н. Красовского (о нём ниже), – и профессора В. В. Данилова, руководителя моего дипломного проекта и любителя женского пола.

Слышал, что жил Изотов где-то в Москве на птичьих правах, увидел в институте объявление: требовался дворник, предоставлялась *жилплощадь* в ведомственном доме, во дворе института. Он и напиши заявление: примите меня, успею и тут и там. Как, что? Жить негде. Конфуз! Дали жилплощадь ему (уж наверное не ахти какую), очень долго *на ней* и прожил. Отнесли к нему по-человечески: работы дворницкой от него не потребовали!

Особую силу имел завкафедрой геодезии профессор А. С. Чеботарев, смешивавший Птолемея с грязью (“его система держала человечество в идеологическом плену”) и бывший грозой для соискателей ученых степеней. В 1947 г. вышла книга Н. И. Идельсона о методе наименьших квадратов, и доцент Г. В. Багратуни (позднее – редактор переводов трудов Гаусса по геодезии) заметил, что в ней – алгебра, а у Чеботарева – арифметика. Да, безнадежно отстал Чеботарев: не признавал математической статистики, не терпел тех, кто пытался её внедрять, о чем мы не догадывались. В 1953 г. Чеботарев заявил в печати, что выражение “вероятность описывается законом ...” неприемлемо: указал же Маркс, что мир надо изменить, а не описывать! Даже по советским меркам был это перебор изрядный.

Собственно уже в 1947 г. прошла как бы предварительная кампания против низкопоклонства перед Западом, и одной из ее жертв (не очень, правда, пострадавшим) оказался В. И. Романовский. Резолюция *Второго всесоюзного совещания по математической статистике* (Ташкент, 1948) с одобрением сообщила, что он признал свои прежние идеологические ошибки, – хвалил Карла Пирсона, главу английской биометрической школы, которого Ленин назвал врагом материализма. Этим-то и воспользовался Чеботарев, хоть и не сразу: в 1951 и 1953 гг. опубликовал статьи, содержащие бессмысленные обвинения против него; одно из них мы привели выше.

Не знал, правда, Чеботарев, что в 1978 г. будут опубликованы лекции Пирсона, в которых упомянут был Ленин: Петроград “по какой-то непостижимой причине был назван по имени человека, который практически разорил его”.

Был Романовский основателем ташкентской математико-статистической школы, труды которой высоко оценил Колмогоров. Там, в Ташкентском университете, он работал с момента его основания в 1918 г. до своей смерти (1974), стал деканом физико-математического факультета (1937) и депутатом Верховного Совета Узбекской ССР (1938). А в 1929 г. написал Р. А. Фишеру, с которого математическая статистика стала по сути отдельной дисциплиной, из Парижа: “ГПУ (предшественник КГБ) – самое ужасное и влиятельное учреждение в нынешней России”. Переписка Романовского с Пирсоном и Фишером появилась в 2009 г. в журнале *Archives intern. d'hist. des sciences*.

В 1981 г. ректор института В. Д. Большаков, ставший заслуженным деятелем науки и техники (о нем речь ещё впереди), отметил 100-летие со дня рождения этого динозавра. Его превознесли в восьми докладах (*Изв. Вузов. Геодезия и аэрофотосъемка*, 1982, № 6), сам же Большаков в соавторстве с умным карманным евреем Ю. И. Маркузе представил Чеботарева чуть ли не ближайшим последователем Гаусса в теории ошибок. Я сам несколько раз честно пытался найти хоть что-то полезное в чеботаревском *кирпиче* (1958 г., 605 страниц), но выносил лишь отвращение, юбилей же нужен был для прославления МИИГАиК и, конечно же, самого Большакова, любимого.

Именно в этом кирпиче, на с. 579, я и нашел отвратительное и глупейшее высказывание о Птолемея (см. выше). И там же, на с. 3, Чеботарев “с сожалением” отказался от рассмотрения теории относительности и квантовой теории, – объема ему не хватило! Спаслись эти теории от сокрушительного разгрома!

В 1978 г. в таком же формате отмечали в МИИГАиК столетие со дня рождения Красовского, так это было уместно и достойно. Но

вот Чеботарев? В красный угол коня с копытом, и туда же – рака с клешней!

Была в институте военная кафедра, на втором курсе один день в неделю полностью занимало военное дело, – военная топография. Меня освободили. Основы марксизма-ленинизма читал искалеченный доцент Шеенсон, бывший, как он сказал нам, начальником Чеквалапа (Чрезвычайной комиссии по снабжению армии валенками и лаптями). Пришли в Англии лейбористы к власти, он сказал нам: ничего не изменилось, для изменений нужны пушки и пулеметы. Начались передачи на русском языке из Англии, глушить их еще не могли. Кто-то с той же кафедры заявлял: глупости страшные передают, но конкретно ничего не пересказывал: пропаганду враждебных идей могли приписать.

Хорошо помню, что никак мы не могли понять каких-то простейших линейных уравнений, описывающих товарно-денежные отношения по Марксу. Что-то никак не сходилось, а преподаватель политэкономии, очень далекий и от математики, и от естествознания, не смог нам ничего путного сказать.

На старших курсах мы в основном имели дело с кафедрой высшей геодезии, т. е. с триангуляцией, фигурой Земли и прочими высокими материями, и в общем-то громадная советская триангуляция уравнивалась вполне разумно, хоть и без привлечения математической статистики. Корифеем оставался член-корреспондент АН Феодосий Николаевич Красовский (*Святой Федос*, как его уважительно прозвали), который, однако, лекций уже не читал. Геодезист по образованию, он изучал математику и физику в Московском университете и астрономию в Пулковско, в 1916 г. стал профессором будущего МИИГАиК. Он разработал чрезвычайно целесообразную схему обработки всё разрастающейся советской триангуляции, был пионером широкого применения гравиметрических измерений, определил наилучшие для того времени параметры геометрического тела (эллипсоида вращения), представляющего реальную фигуру земли, – *эллипсоида Красовского*, – воспитал многих выдающихся геодезистов. Был официальным членом Балтийской геодезической комиссии от СССР, стал и её председателем. Но время было страшное, начался Большой террор, боялся, видимо, Верховный пахан утечки информации, и отстранили Красовского от членства в Комиссии, а затем под надуманным предлогом СССР вообще вышел из неё.

Вспоминаю практику по астрономии во дворе института, на старинной астрономической площадке. Подробности не важны, но было мне гордо и приятно, что звезды проходили через сетку нитей окуляра моего инструмента точно в предвычисленные мной моменты.

Почти вся геодезия существенно опиралась на Гаусса, Бесселя и Гельмерта, и борьба с космополитизмом в 1949 г., как мне кажется, не была у нас слишком сильной. Но вот, будучи дипломником, захотел я хоть взглянуть на иностранные журналы по специальности, и пришлось мне испрашивать особого разрешения. По поводу этого очередного сталинского прижима отец вспомнил вопли обезьяньей стаи из Киплинга: “Мы великие. Мы свободные.

Мы замечательны. Мы самые замечательные создания в джунглях. Мы все говорим это, а потому это правда”.

Дошло ведь до того, что французские булочки стали называться городскими, английские булавки потеряли свое прилагательное, а хала стала плетенкой. Готовился Сталин к холодной войне (только ли к холодной?), настраивал народ против *внешних врагов*, на дыбы поднять хотел нищую, голодную, обескровленную им самим страну.

Не знаю, читал ли Беранже *Мудрый, родной и любимый*, но неуклонно следовал его совету: *Смотри, дружок, Начав прыжок, Не прыгай вползину!* И каждый прыжок сеял смерть. Умрет один – трагедия, сгинет миллион – всего лишь статистика ... Прыгал и Мао, но о Великом Кормчем мне писать не с руки.

Прыжки начались рано: лихорадочные коллективизация и индустриализация, разоблачение первых врагов народа (впрочем, ничем не отличались от них сотни тысяч изгнанных со своих мест зажиточных крестьян, *кулаков*). Спешил Сталин, в 1931 г. заявил:

Мы отстали от передовых стран на 50 – 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

Читай: *либо мы их не сомнем. Эх, Ямицик, не гони лошадей*, ведь ты их и так чуть не угробил! Мечтал Сталин (вслед за Лениным) о мировой революции, а на самом деле помышлял *Международный Паханат* учредить!

Антисемитизм к тому времени взошел уже вполне, постарались и немцы на захваченных землях, да и сам Сталин присоединился. Но вот наступление на *внешних врагов* неизбежно привело к небывалому всплеску антиеврейских настроений. Зачем, мол, искать врагов за бугром, они ведь среди нас самих окопались ... Подобное было в средневековой Европе: отправлялись крестоносцы освобождать от неверных гроб господень, но по пути не забывали и о внутренних неверных.

Когда-то Маяковский написал (напрасно похерив Антанту): *Антисемит Антанте мил, Антанта – сборище громил.*

*Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!
Denn es gibt kein andres Land auf Erde
Wo das Herz so frei den Menschen schlägt!*

И даже еврей вольно дышит? Любопытно, что музыку большинства таких патриотических и успешно-таки затемнявших страшную действительность песен сочиняли композиторы-евреи Блантер, Покрасс (но не Дунаевский, сын и внук которого много позже сбежали на Запад), нередко притом используя отрывки из впитанных с молоком матери еврейских мелодий – колыбельных, свадебных ...

10. Работа. Университет

Кончил я институт, был направлен в Московское аэрогеодезическое предприятие (об аспирантуре для еврея и речи быть не могло), затем преподавал в Московском топографическом техникуме. Получили мы там высокоточные теодолиты, и студенты работали с ними по-настоящему, в полном соответствии с инструкцией по триангуляции 1-го класса. Установили в концах физкультурного зала (был он на первом этаже) кирпичные столбы, как-то укрепленные в земле, на них студенты ставили теодолиты и

измеряли углы, кажется между какими-нибудь штрихами на стенах. Измерения они записывали только чернилами, зачеркивать что-либо категорически запрещалось. До сих пор горжусь этой своей работой, ведь подобной практики даже в МИИГАиК не было. Летом измеряли мои студенты углы городской триангуляции, но уже не со мной. На собрании после окончания работы один студент сказал, что ничего нового они там не узнали. – Как ничего? А переменные внешние условия? Да, вот этого я никак не мог в физкультурном зале создать.

Зацепиться в техникуме не удалось, работал затем в каких-то проектных институтах на малоинтересных полевых изысканиях. Занимался как-то простыми геодезическими работами под Москвой, на территории госдач. Одну из них в просторечье называли дачей Калинина, но при мне никого высочайшего, кажется, не было. Перед началом работ поехал туда завотделом изысканий Н. К. Набоко уточнять что-то, меня с собой взял, хоть был я совсем не нужен. Потом объяснил: хотел, чтобы они на меня посмотрели.

Было это зимой 1952/1953 г., и удивительно, что меня допустили туда. Время настало страшное, наступило *дело еврейских врачей*, будто бы отправивших на тот свет некоторых вождей народа. На улице надо было хорошенько подумать, прежде чем дорогу спросить, а приходящие в поликлиники отказывались идти к врачам-евреям. Более серьезного не знаю, но о самом страшном впоследствии многие рассказывали. Вот-вот должны были всех евреев, по меньшей мере из крупных городов, вывести в Еврейскую автономную область. Была, была такая, и сейчас она есть, на Дальнем Востоке. Когда-то переехали туда многие евреи, становились колхозниками, а сейчас население почти сплошь русское. Так вот, слышал я неоднократно, что уж построили там бараки для нас (негодные даже для солнечной Грузии), и будто бы сказал Сталин своим тонкошеим (как сказал поэт) подручным: – Не хватает барачков? Так ведь не все доедут!

Заехал как-то сам Брежнев в Еврейскую автономную область, встречало его местное начальство. Прочел об этом в газете, и были в ней опубликованы слова приветствия: “Брежнев нам брат, а Голда Меир не сестра”. Против тамошних евреев Брежнев вряд ли был настроен, а вообще-то вспомнил я: *Брат мой, враг мой* (заглавие книги Уилсона Митчелла 1994 г.). Был брат у Кагановича, нарком. Сталин вдруг сообщил главному Кагановичу, что его брата арестуют. И что же? Если надо, арестовывайте! Не *если виновен, а если надо!* Жена брата просила главного помочь, он же заявил, что его брата зовут Сталин! Погиб брат, а почему? Пахан доверял только самому себе, остальных вот такой звериной азиатской манерой проверял. Главный Каганович проверку выдержал с честью, ну, а брат? Так ведь Сталин был ему братом!

Но почил в бозе Диктатор как раз вовремя! И в тот самый день приехал я в командировку во Владимир, в вагоне поезда проводница плакала.

Покойная жена брата говорила о своем родственнике, связанного с *органами*, который жил в те годы где-то на Кавказе, но потом сумел отойти в сторону. Так там ежемесячно должны были оформляться уголовные дела на столько-то человек, притом на столько-то интеллигентов и евреев. Все эти числа менялись от месяца к месяцу, но как именно, она не сказала. *Плановое хозяйство!* Сам слышал, что частенько эти задания перевыполнялись: местные самодуры проявляли рвение, иногда сами и попадали в мясорубку.

Отец покойной родился в Балтиморе, а стал паспорт получать – место рождения *Балтийское море!* Начал этот желторотый птенец протестовать и добился-таки истины, понаделав себе неприятностей. Он, может, там не только пеленки пачкал!

Для издательства геодезической литературы перевел я две книги: одну – с болгарского (см. п. 7), другую – с английского, Г. Бомфорда, *Геодезия*. Написана она была на хорошем уровне, но всё же нашим геодезическим стандартам не вполне соответствовала. Повозиться пришлось мне с ней изрядно.

Работая в очередном проектно-институте, занимался на этот раз серьезными вычислениями, в том числе триангуляции 2-го класса. Было нас человек 20, в основном студенты из Московского института землеустройства, все работали в поле, я один вычислял, оставаясь в деревне, – в грязной и бедной татарской деревне. У многих татар были чисто русские имена. Их предков, оказывается, загнали в местную речку и разом всех окрестили.

Был у нас и хозяйственник, бывший полковник и бывший Герой Советского Союза. За что его лишили этих званий, я не знаю (хорошо еще, что на работу приняли), но подал он жалобу Хрущеву и месяцев через десять ее уважили.

Рассказывал о своей службе на Дальнем Востоке. Тамешним офицерам в течение долгих лет запрещалось даже на короткое время возвращаться по личным обстоятельствам в Европейскую часть страны. Многие, как он продолжал, спивались, некоторые стрелялись, но цель была достигнута: боевая подготовка воинских частей оказывалась отличной. Это – опять же на совести рассказчика.

А во время войны пришел к этому (видимо, будущему) полковнику сотрудник Смерша (смерть шпионам, название военной контрразведки в течение нескольких лет), просит разрешения арестовать двух солдат, надо будет, говорит, их обоих расстрелять. Сказал, мол, один из них другому: – “Сталин в сапожках, а Ленин-то в ботиночках ходил”. – “Посмей только подойти к ним, я тебя сам расстреляю”. Повидал полковник знакомого из Смерша рангом повыше, и того, ретивого идиота, куда-то перевели. Но хоть внушение сделали ли ему? Про ленинские дела, даром что в ботиночках ходил, почти все, конечно же, забыли, но интересно: какую обувь носили другие достойные сыны человечества, от Робеспьера до Пол Пота? Еще рассказал полковник, что перед офицерским строем расстреляли врача, который семь или восемь раз отставал от эшелона, шедшего к фронту.

Тогда же поступил заочно на мехмат МГУ. Ну, не чувствовал я себя в своей тарелке, хотел что-то понять, и прежде всего – теорию вероятностей, которая геодезисту-вычислителю ближе других математических дисциплин.

Первые два курса всё шло хорошо, я по своему геодезическому диплому начал даже преподавать математику в вечерней школе, а потом в Московском пищевом институте, хоть и с почасовой оплатой. Был я там и в приемной комиссии. Сдавала математику одна девчужка, но появился директор института, и встрял: чему равен тангенс 90 градусов? – Не существует. – Нам такие студенты не нужны. И удалился. Принимать экзамены в те годы должны были двое, и мы на это заявление не обратили никакого внимания, да ведь надо нам было так и сказать ей!

Пришлось мне иметь дело со студентами-иностранцами, – монголами и китайцами. Первых было несколько, всех их надо было бы прогнать. Разговорился как-то с деканом их факультета, он и говорит: – Блат и у них есть. Да, говорили тогда, что блат выше

наркома. А вот китайцы – совсем другое дело, и то же мнение слышал от других преподавателей. Двое у меня их было, спрашивают как-то: – как узнать, расположена ли некоторая точка ниже или выше данной плоскости? Для того времени хороший был вопрос, и достойно было, что решили его выяснить. Года через два, как я случайно узнал, оба по решению своего посольства (или Пекина?) перешли в авиационный институт, МАИ.

Позже, в МИНХ (см. п. 13), узнал я про студентов-африканцев. Некоторые из них (про всех не скажу) были не лучше монголов, и наши собственные студенты, видимо, плохо относились к ним. Видел надпись на парте: “Его сняли с пальмы и отправили в МИНХ – СССР”. Жили они лучше наших студентов, тепличные условия им создавали, – так удивительна ли такая неприязнь?

Занимался в Пищевом институте и частной практикой, готовил к поступлению. Было несколько грузин, тоже своего рода монголы почему-то попадались. Спросил одного, хотел его воодушевить: слышал ли он о Мухелишвили (крупный грузинский математик), а он неуверенно: – Это тот, который ударник в таком-то ансамбле? Совсем я разочаровался.

А в МГУ преподавали у нас знающие и *умелые* доценты: Вайнштейн (оставшийся без обеих ног после бомбардировки здания МГУ, во время которой он должен был пожары тушить), Моденов, Окунев. Основы марксизма-ленинизма мне зачили, но неприятно мне было, что на их лекции отвели лучшие утренние часы. Политэкономия почему-то заставили сдавать, и помнится, что были у меня тут какие-то трудности. Одну мою письменную работу забраковали, я пожаловался в деканат. Наш замдекана ознакомился и с моим опусом, и с рецензией на него, сказал, что и то, и другое неважное. Что дальше было – не помню.

Но вот с теорией вероятностей получилось скверно: я просто не понимал какой-то сути и сумел разобраться только много позже, когда начал заниматься ее историей. Лекций у нас было очень мало, и упор был на математическую сторону, а вот методическая часть этой теории оставалась в загоне. А затем вышло еще хуже: я слишком поздно понял, что на нас, заочников, почти махнули рукой и хотели в наших дипломах указывать *учитель*. Это формальное решение удалось преодолеть, но я, по крайней мере, окончив университет, даже и не знал, что современная математика в большей части осталась вне нашего официального учебного курса. Заочное отделение мехмата вскоре прикрыли; действительно, оставаясь на обочине факультета, слишком трудно было стать полноправным математиком. Но несколько известных мне заочников стали хорошими специалистами-механиками, устроились в *почтовые ящики*. Один из них увидел меня и отвернулся. Негоже, видимо, было ракетчику или схожему по *государственной важности* специалисту здороваться с евреем.

Не знаю как сейчас, а тогда почтовыми ящиками в просторечье назывались закрытые учреждения и заводы. На обычных письмах от них и к ним так и указывалось: город такой-то, почтовый ящик номер такой-то. Номера эти то и дело перетасовывали или еще как-

то меняли, *чтобы запутать шпионов*, и тогда некоторое время, как говорили, сами с трудом выпутывались.

Были среди моих знакомых и двое очень толковых математиков. Один, видимо, заслуженно приблизился к Понтрягину (такому же антисемиту, как Шафаревич), о другом (Чирикове) позже.

После долгих мытарств устроился я в Институт научной информации, в сектор *Геодезия*, занимался там редактированием рефератов по обработке измерений для одноименного реферативного журнала. Взяли меня в отсутствие зав. отделом *Астрономия и геодезия*, проф. К. Ф. Огородникова, который потом выразил свое недовольство: приняли, мол, еврея (хотя сам лично он вряд ли был антисемитом) ... Помогло мне знание языка и даже языков (немецкий оказался нужным!), и зав. сектором, покойный доцент МИИГАиК А. В. Кондрашков, рискнул: нужен был ему и знающий математику, и англичанин (переводчик Бомфорда!), притом в едином лице.

Огородников тоже был совместителем. Жил и работал в Ленинграде, к нам приезжал ежемесячно на несколько дней (уж наверное не за свой счет). Рассказал с подковыркой, за что уже не сажали, как следует по законам социалистического реализма рисовать портрет одноглазого человека. Пририсовать второй глаз? Нет, так всё-таки нельзя. Надо в профиль, со стороны единственного глаза ... И вот он же: как следует комментировать спортивные состязания. Забег двоих; американец бежал изо всех сил, но занял лишь предпоследнее место, а наш спортсмен был в хорошей форме и пришел вторым.

Ученым секретарем отдела была Л. Н. Радлова, родом из Ленинграда, какой-то, я бы сказал, петербургской культуры. Наткнулся я в своих исторических изысканиях на Э. Л. Радлова, философа и редактора влиятельного *Журнала Министерства народного просвещения*. Захотел сделать ей приятное, упомянул его (кажется, была она его внучкой), она же сразу в защиту: – Да, он был идеалистом, а не материалистом, так ведь в то время ... Ей, видимо, уже напоминали о деде и неприятным образом. Она же была родственницей режиссера С. Э. Радлова, сына Э. Л.

Небесной механикой ведал Б. М. Гельфгат, заядлый альпинист. Погиб где-то в горах совсем молодым.

Работала в секторе В. И. Синягина, толковый и добросовестный сотрудник. Ее брат занимал весьма важную должность видимо в Министерстве сельского хозяйства, потому что она рассказывала, что возражать против хрущевской кукурузной компании было слишком опасно: можно было остаться без работы. Кто не знает, объясню: решил Хрущев, побывав в Америке и досконально, как ему показалось, освоив тамошний опыт, что надо кукурузу возделывать повсюду, чуть ли не до районов вечной мерзлоты, и трудно сказать, во что обошлась стране его царственная глупость. Хотел он американцам *кузькину мать показать*, обогнать их по сельскохозяйственному производству.

Чувствовалась в Хрущеве какая-то *сермяжная правда*. Был болтлив и вел себя, как слон в посудной лавке, вот только лавкой оказался для него весь мир. Он ведь не только с кукурузой беды понаделал; не только стучал туфлей по барьеру

в ООН (так что выражение про слона можно было бы продолжить: *или как Хрущев в ООН*), он привел мир к грани ядерной войны (карибский кризис).

Полузабыта история крупномасштабных валютчиков (*фарцовщиков*) Рокотова и Файбишенко. Скупали они валюту (видимо, у мелких фарцовщиков), кому-то продавали, милицию московскую подкармливали. Узнал случайно Хрущев, что есть в Москве черный валютный рынок, приказал покончить с ним. Арестовать пришлось этих двух, судить их, приговорить к *срокам*. Ну, нет! Слишком мягко, и теперь приказал Хрущев изменить подходившую статью Уголовного кодекса. Изменили, предусмотрели смертную казнь, судили вторично, приговорили Рокотова и Файбишенко уже к *высшей мере пролетарского гуманизма* и расстреляли, нарушив основную юридическую заповедь: *закон обратной силы не имеет!* Возмутился мир, а дорогой Никита Сергеевич *слушает, да ест!*

А еще обещает он нам, своим возлюбленным чадам: Будете, будете жить при коммунизме, – и сам сгоряча поверил себе. *Дайте, дети, время, дайте, дети, срок, – сдался вам этот Рокотов, – Будет вам и белка, будет и свисток ...*

Черный рынок был неизбежен. Слышал историю, правдоподобно звучит. Решил Сталин определить разумное соотношение рубля к доллару, дали задание трем ведущим экономистам. Поднатужились brave молодые, заявили: доллар стоит 6 руб. 60 коп. Сообщили Сталину, тот дал команду: доллар равен 66 копейкам! Ясно показал, что идеология в десять раз важнее экономики. Было его соотношение особо неблагоприятно для иностранных туристов, так ведь они нам не нужны, даже вредны: охранять требуется наших граждан от тлетворного влияния... А валюта? Ну, есть же зэки, есть лесоповал, даже лесопильные заводы не нужны, без них проще.

А что это такое – коммунизм? Наивную ленинскую формулу (*Советская власть плюс электрификация...*) давно уж забыли, появилась новая, в Программе КПСС 1972 г. (БСЭ, т. 12, 1973, статья *Коммунизм*), она же – развернутая старая: *От каждого – по способностям, каждому – по потребностям*. Следовало еще добавить: у каждого крылышки ангельские за спиной вырастут ...

Другая сотрудница, А. В. Зенина, ведала фотограмметрией. Была она российской немкой, по-немецки говорила свободно, хоть писала с ошибками. Работала в Китае и Совете экономической взаимопомощи социалистических стран (СЭВ). Китайской вьедливостью, желанием всё выяснить досконально, восхищалась. СЭВ (1949 – 1991) был создан в противовес Европейскому экономическому сообществу. По какому-то случаю пригласила чешская группа тамошних сотрудников своих советских коллег в свое посольство – ни один не пришел. Через некоторое время приглашение повторили, на этот раз в письменном виде – и снова никто не явился. Рассказывала это Зенина будто о моральной победе над чехами, но вряд ли можно сомневаться, что решение об отказе было принято где-то наверху. Посещение иностранных посольств оставалось привилегией особо благонадежных.

Был у нас литературный редактор, Л. Г. Ефанов, пришел из редакции 2-го издания Большой советской энциклопедии. Работали они там в особых условиях, под крылышком *Высокого дома*: корректуру держали столько раз, сколько хотели, – пока опечаток совсем не окажется. Не слышал про этот дом? ЦК партии там размещался. Рассказывал Ефанов, что статью *Сталин* (разумеется, вместе с соседними) они могли бы раньше включить, но захотели на всякий случай отложить ее до следующего тома. Не сомневаюсь, что говорил он правду, но что-то напутал: статья эта начиналась на с. 421 в томе 40 (ноябрь 1957 г.), так не могли же они растянуть том 39 (март 1956 г.) еще на эти 421 страниц. И появилась статья с портретом на всю страницу и умеренной критикой, – жалко, что не в 1956 г., когда дышалось немного легче.

И про знаменитую фотографию рассказал: Ленин со Сталиным в благодушном настроении на скамеечке сидят:

*Папа Фиттих рядом с мамой,
Мама Фиттих рядом с папой,
На скамеечке сидят
Вдаль задумчиво глядят...*

Прислали им в редакцию БСЭ эту фотографию, вежливо попросили опубликовать. Тот, кто ведал ими, захотел на негатив взглянуть, как и положено было. Ему что-то наврали, он заартачился и ... исчез.

Был раньше Ефанов артистом, певцом, что-то случилось у него с позвоночником, но сумел он на новые рельсы перейти. Я у него немного подучился. Узнал, что существуют косвенные падежи, что следует точно различать *обоих* и *обеих* (к стыду своему, раньше не знал этого), что при перечислении, например, отдельных решений в резолюциях собраний или съездов всё должно быть написано в едином ключе, что римские цифры, в отличие, скажем, от французского языка, не *наращиваются*, – не XX-й век, а просто XX век. И вдруг оказалось, что расхожее математическое выражение ε -*окрестность* неграмотно: признавал русский язык только *окрестности*, во множественном числе. Но согласился Ефанов считать наш термин своеобразным и потому допустимым, а в 1969 г., а может быть и раньше, *Орфографический словарь* признал и единственное число.

Раскрыл нам Ефанов небольшой секрет статистов. Они иногда должны потихоньку разговаривать друг с другом, так о чем же? Оказывается, одну и ту же фразу повторяют друг другу: “О чем говорить, когда не о чем говорить?”

Нашими соседями были математики, и после своего ухода из геодезии я начал сотрудничать с ними, т. е. с реферативным журналом *Математика*. Были в институте и закрытые подразделения. Узнал случайно, что в одном из них вели картотеку иностранных ученых, хотели, видимо, отделять овец от козлиц, – тех, кто симпатизирует *первому отечеству трудящихся*, от тех, кто находится *в плену гнилой буржуазной идеологии*.

Много было в институте специалистов высокой квалификации, но без степеней, и слышал я, что директор наш, будучи у Президента АН, попросил каким-нибудь образом разрешить повысить им зарплату (меня это тоже непосредственно касалось). – О вашем институте я думаю меньше всего. Если и не мог Президент ничем помочь, то отвечать по-азиатски всё же не следовало бы, тем более будучи потомственным интеллигентом.

Вот суть анекдота на ту же тему. У инженера мания величия, мнит себя мясником (продавцом в мясном отделе). А мой родственник, больничный врач, плакался в жилетку. – Учился 15 лет, стаж уже солидный, пациентов приходится иногда от смерти спасать, получаю же в два – три раза меньше их, хоть они-то почти все быть может только школу кончили. Без угрызения совести брал подношения (правда, весьма скромные).

Работа меня как математика не могла устроить, но тут подоспели переводы классических мемуаров Даниила Бернулли и Эйлера, опубликованные в английском журнале, и я сразу же ушел в историю *теории ошибок*. С этого и началась моя научная работа. Из Института научной информации я ушел: в геодезии мне стало неуютно, да и назревали сокращения.

11. Семинар по истории математики

Приняли меня в Плехановский институт народного хозяйства (МИНХ), по знакомству, конечно, но главное – помог Колмогоров и другие математики своей критикой экономистов. Видные специалисты перепугались, захотели подстраховаться и взяли меня, хоть и не в сам институт, а в его лабораторию.

Защитил диссертацию по истории теории ошибок, на стыке геодезии и математики, но оказалось это совсем не легко. В МГУ был у меня диплом по математической статистике, руководил им ученик Колмогорова и будущий член-корреспондент АН, но рано умерший Л. Н. Большев. И всё-таки я оставался как-то между геодезией и математикой, тем более ввиду своей работы в реферативном журнале, и вначале подумывал о защите в МИИГАиК, но решил, что к математике (и математикам) я ближе.

На первый вариант моей диссертации тот же Большев, уже в качестве оппонента, дал отрицательный отзыв (руководителя у меня и в помине не было), и защищать её я не стал. Работал Л. Н. уже в Математическом институте (МИАНе), в отделе математической статистики под руководством Н. В. Смирнова, и было у них в отделе принято обсуждать приходящие к сотрудникам диссертации. Большев впоследствии сказал мне, что Смирнов полностью забраковал мою работу, он же возразил: *вполне на геодезическом уровне*.

Работу я переделал, Л. Н. отозвался о ней положительно, и я защитился. Спросил он меня через какое-то время, не обиделся ли я на его первый отзыв, а я честно ответил, что теперь сам бы обеими руками подписался под ним. О Большеве слышал самые благожелательные посмертные отзывы, и посмертно же вышел том его сочинений. Вспоминается он в основном в связи с составленными Н. В. Смирновым и им самим статистическими таблицами. После защиты своей диссертации я несколько раз приходил к нему, советовался (он безусловно интересовался историей своей науки), Большев же захотел помимо прочих своих дел привлечь математико-статистические методы в геодезию, обсуждал со мной свои предложения. Так, спросил меня, почему бы не применить последовательный анализ и не заканчивать наблюдения на пункте триангуляции как только будет достигнута требуемая точность, ведь именно так, наверное, поступал Гаусс. Ответил: оценка точности по внутренней сходимости ненадежна, а систематические ошибки исключаются лучше, если заранее знать число приемов, про Гаусса же нам говорили совсем другое (позже выяснил, что говорили верно). Это – пример трудностей работы математика в приложениях. Дед его был военным топографом (что означало: инженером-геодезистом), и удивительным образом подпись у внука была копией дедовской.

Напомню: был Л. Н. и членом редколлегии *Англо-русского словаря математических терминов* (1962), которым я то и дело пользовался, притом с большим успехом. Сказал он мне, что кто-то из работников МИАН предложил ввести в словник словаря термин *русская рулетка*. Выяснив для себя его значение, Большев решил отказаться от него, иначе, мол, нас всех разгонят. Обозначала русская рулетка идиотский выстрел себе в голову из пистолета, заряженного единственной пулей, находящейся *где-то* в барабане (обойме); нечто подобное описал Лермонтов в *Герое нашего времени*. Происхождение дикого обычая точно неизвестно, в англоязычной литературе термин появился в 1937 г. (сведения из Википедии).

Директором МИАН был зоологический антисемит И. М. Виноградов, и в нем же трудился его выкормыш Шафаревич. Про Виноградова слышал два анекдота. Вот первый. Виноградов отказался принять на работу Петрова (наполовину еврей), Иванова (жена – еврейка) и Сидорова (у жены – любовник-еврей). И вот второй. Ингуш (а может быть лезгин) прочел дельный доклад в МИАНе, его хотят принять на работу. – Нет, хоть он и не еврей, но похож, и мне неприятно будет видеть его ... Он же будто заявил, что мы слишком талантливы и можем всех оттеснить, так что надо нас изгонять.

С. П. Новиков, 1995, назвал Виноградова доносчиком с 1928 – 1931 гг., бесплодным с 1930-х годов. До 1932 г. пробыл Виноградов директором Демографического института. Работали в нем выдающиеся статистики (С. А. Новоселов, В. В. Паевский), он же к демографии не прикоснулся. В 1934 г. Президиум АН прикрыл институт: попытки преобразовать его работу на марксистской основе оказались, извольте видеть, безуспешными.

Году в 1985-м Юшкевич как-то сказал, что появилась возможность сотрудничать с МИАНом – но осталась ли она сегодня? Не знаю.

Меня хорошо приняли в семинаре по истории математики в МГУ, которым руководили трое, И. Г. Башмакова, крупный историк математики; К. А. Рыбников, тесно связанный с партийными органами, и, главное, А. П. Юшкевич. Никого из них уже нет. Юшкевич был сыном П. С. Юшкевича, либерального общественного деятеля, хорошо знавшего Луначарского (ученого, большевика, наркома, т. е. министра, просвещения, при котором школа пришла в неопишимо мерзкое состояние), бывшего *меньшевика-ликвидатора*, как его называли в БСЭ (3-е изд., т. 8. с. 100), переводчика классической научной литературы (например, Лейбница). Думается мне, что работал он у себя дома, нигде не числился, потому и оставался на свободе. Сын А. П. – крупный современный математик, работает в США. Ну, а сам он знал латинский язык, прекрасно говорил по-французски, быть может похуже – по-немецки, читал по-английски (и завидовал моему произношению – хоть в чем-то превосходил я его), обладал почти универсальными знаниями истории математики, пользовался непререкаемым международным авторитетом, а в Москве с ним сотрудничал и Колмогоров (см. ниже). Да, пострадал: выгнали-

таки, кажется, из Бауманского училища, но устроился в Институте истории естествознания и техники (ИИЕТ) зав. сектором истории математики, там и оставался до смерти. Впрочем, не сектором, а кажется группой, потому что не захотело высшее начальство утверждать еврея в действительно высокой должности.

Мне пришлось перевести несколько рукописей Юшкевича, и я бывал у него дома. Один раз пришел и вижу: расстроен он. Американец, видите ли, высадился на Луне, “обогнали они нас”. Говорю: давно уже в таких случаях местоимение *мы* не употребляю. – А как же тогда? – Обогнали красных.

На праздники все пишущие машинки в каждом учреждении сносились в *безопасное* место, чтобы никто не смог тайком напечатать на них *что-нибудь такое* ... И вот пришел я как-то в ИИЕТ после какого-то праздника, иду к Юшкевичу, а он и какой-то другой сотрудник института как раз заходят в свою комнатку. Увидел он на своем столе пишущую машинку, приподнял, подержал чуть над полом и выпустил из рук. Осталась машинка, кажется, цела, а А. П. сказал: “Пусть не ставят ничего на мой стол”.

Приняли, говорю, меня в университетском семинаре хорошо, но добавлю: видимо потому, что почти никому поперек дороги не стал. Подружился с одним из его членов, Михаилом Васильевичем Чириковым, которого знал еще по заочному отделению мех-мата. Талантливый был математик, вполне мог доктором наук стать, но одолел костный туберкулез. Преподавал в одном из московских вузов, но болезнь одолевала, работу бросил. Примерно в 1989 г. надеялся каким-то образом получить компьютер и отдать его на общую пользу историкам математики. Вырос в коммуналке, не мог забыть, как плакали и визжали взрослые мужчины, когда их выволакивали ночами из квартиры в черные воронки. Нужна была ему какая-то операция за рубежом, что было несбыточно. Будучи уже в Германии, попросил здешних мормонов-проповедников: нельзя ли помочь человеку? Как я понял, пришли к нему московские мормоны-проповедники, но стали его заодно наставлять на путь истинный, он же заупрямился. Ничего не вышло, а лет пять назад он умер.

Другим членом семинара был тувинец Х. О. Ондар. В студенческом/аспирантском общежитии МГУ поселили его со студентами из ГДР, что означало: вполне благонадежен. Рыбников его явно опекал, руководил же диссертацией Б. В. Гнеденко. Опубликовал он несколько статей по приложению теории вероятностей к медицине в середине XIX в. в России, докладывал об этом, и чувствовалось, что с математикой он не в ладах. Затем он разыскал в Петербурге переписку Маркова с А. А. Чупровым (первый – крупнейший математик, второй – столь же почитаемый статистик), опубликовал и ее, хотя комментарии не смог бы написать без активной помощи Гнеденко, и защитился, но серьезного ничего больше так и не сделал. И сильно подпортил он архивный материал, так что уверен я, что кто-то из архивных работников напечатал ему тексты рукописных писем, он же не сверил машинопись с оригиналом; ксерокопирование в те годы

если и было доступно, то не простым смертным. Я впоследствии опубликовал изрядный список исправлений к его книжке.

Вспоминаю также Ф. А. Медведева, занимался он историей теории множеств, умер в 1990 г. Был принципиален и упрям. Усердно читал литературу, конспектировал ее и чуть ли не дословно переводил для себя иностранные источники. Хорошие книги опубликовал, жил для науки, но вот сказать пару фраз, скажем, по-немецки, не отваживался, боялся. Слышал как-то доклад Ф. А. о Канторе. Заявил, что того усердно заманивали к себе “церковники”, и звучало это, будто заманивали его бандиты себе в шайку. Хотел так и сказать, но помешала случайная причина.

Кажется чуть позже меня появился С. С. Демидов, доложил об аксиоматическом методе в математике, получил за его публикацию какую-то международную премию. Юшкевич хорошо отнесся к нему, впоследствии принял его на работу в ИИЕТ. Еще позже Башмакова одобрительно заметила, что в его лице А. П. заранее подготовил себе замену. Да, после смерти Юшкевича так оно и вышло, тянет Демидов на своей шее еле посильный по нынешним временам груз – журнал *Историко-математические исследования*. Добился международного признания.

Сам я в своем первом докладе рассказал об американском математике Эдрейне, который примерно одновременно с Гауссом опубликовал вывод нормального распределения. Никто в семинаре о нем не слышал, и впечатление о докладе было хорошим, хоть математическую часть я скомкал: робел еще, не смел критиковать авторов, а надо было прямо сказать: достижение было существенным, несмотря на весьма сомнительное обоснование. Позднее я осмелел, стал называть *лопату лопатой* и даже сообщил (*Hist. Scientiarum*, vol. 10, 2000), что Бессель, этот крупнейший ученый, был также изрядным халтурщиком. Затем (там же, т. 16, 2006) заметил, что Марков напрасно заявил, что метод наименьших квадратов не обладает никакими достоинствами, притом он тем самым обесценил свою решительную защиту окончательного обоснования классической теории ошибок (Гаусс 1823). Указал я также, что Марков ввел малозначащую аксиому и решил, что она перевела теорию вероятностей в разряд чистой математики. Было это его попыткой с негодными средствами, к тому же сделанной после появления первых аксиоматических обоснований теории.

Вот еще пример. Был Гумбель в почете как известный немецкий, а затем американский статистик, к тому же активный антифашист, едва ноги унесший из Германии (а потом и из Франции), и за принципиальность его глубоко уважал Эйнштейн. Покопался я в его статьях об СССР и обнаружил, что был он также защитником сталинского режима (впоследствии раскаялся). Дошел до того, что заявил в 1927 г., что в результате революции “сотня миллионов крестьян избавилась от кнута”. А мы-то думали, что крепостное право отменил в России Александр II! А много позже Гумбель признался, что в 1926 г. “не знал, что произойдет в России под управлением Сталина”.

Обо всем этом см. мою брошюру 2003 г. *Гумбель, Эйнштейн и Россия*. Добавлю, впрочем, что тот же Гумбель язвительно заметил,

что “истинным символом” Советской России является не серп и молот, а конторские счета. Будь он советским гражданином, узнал бы на своей шкуре и про другие, более весомые символы.

Много было западных интеллигентов, красных (Арагон, Барбюс) и розовых, так или иначе поддерживавших сталинизм. Наивный Эйнштейн повесил портрет Барбюса в своем кабинете, рядом с портретом матери. Фейхтвангер был одним из трех редакторов подходящего московского журнала *Das Wort* (1936 г. и позже), другим редактором был Бертольд Брехт. Несколько книг Фейхтвангера было переведено на русский язык, в том числе *Москва 1937*, основанная на беседах автора с ведущими советскими деятелями, включая Сталина. Была в ней, правда, и критика *культы личности* (как позже стали стыдливо писать), и что же? Через некоторое время книгу изъяли из библиотек, а нескольких человек, которые наивно читали ее вслух, упрятали куда надо (свидетельство моего однокашника по МИИГАиК Игоря Корнеева).

Назовем и бывшего гуманиста и *Буревестника (а позднее стержневника) революции*. Много отвратительных утверждений можно найти у него, например, в брошюре *О русском крестьянстве*. Берлин, 1922. Вот на с. 43: “Полудикие, глупые, тяжелые люди” в русской деревне вымрут, и новое поколение заменит их. И в том же сталинском духе его упомянул Солженицин. Следует, конечно, добавить, что примерно до 1928 г. очень многие считали себя участниками великой миссии, но *Красное Колесо* продолжало укатывать Россию и вдоль, и поперек, и вымирание “полудиких” (и вообще любых) невообразимо ускорило. Да и сам Горький, хоть он и продолжал в том же духе, умер, возможно, не сам по себе.

В 1937 г. перепись населения насчитала 162 миллионов человек вместо гордо заявленных Сталиным 170 миллионов. Ну, сразу же снизили налоги, сократили срок воинской службы, из Гулага выпустили 2 миллио... Что, поверил? Дурачок! Перепись была объявлена вредительской, государственную статистическую службу разгромили, многих сослали в тот самый Гулаг, некоторых расстреляли. В 1939 г. перепись повторили, наскребли-таки 170 миллионов ...

Вот прежнее гордое и наивное утверждение:

*Наш паровоз, вперед лети!
В коммуне остановка.
Иного нет у нас пути,
В руках у нас винтовка.*

Но вот новое, приземлённое, из кинофильма *Путевка в жизнь* 1931 г.:

*Юбку новую порвали
И подбили правый глаз.
Не ругай меня, мамаша,
Это было в первый раз.*

В 1990 г. опубликовал я книжечку о Чупрове, основанную на архивных материалах, позже дополнил ее и перевел на английский (Гёттинген, 1996). Был Чупров видным кадетом (конституционно-демократическая партия, в которую вошли многие интеллигенты), летом 1917 г. выехал на несколько месяцев в нейтральную Скандинавию, чтобы поработать там в библиотеках, да так и не вернулся. Всю оставшуюся жизнь (умер он в 1926 г.) усиленно и плодотворно работал, но откопал я памфлет *Разложение большевизма*. Вышел он в 1919 г. в Стокгольме на французском языке, видимо, всего в нескольких экземплярах, а автором был указан его давно умерший отец, “нематематический” статистик.

Вот уж не знаю, кого сын наивно обмануть хотел. Памфлет сейчас переведен (*Вопр. истории* № 10, 2003), и в нём Чупров обвинил Ленина в “жажде власти во имя власти” без мыслей “о России и русском пролетариате” и в “неизменном равнодушии к судьбам людей”.

Впрочем, это цветочки, а ягодки – в архивном письме Чупрова того же 1919 г. в лондонский Комитет освобождения России. В нём он ратует за активное вооруженное вмешательство в гражданскую войну в России, потому что дело там шло “не о России только, а о судьбах европейской культуры”, см. нашу *Шестую хрестоматию по истории теории вероятностей и статистики*. Берлин, 2007, с. 14.

12. Экономика и статистика

В лаборатории МИНХ познакомился я с И. А. Кантор. Отец ее сколько-то отсидел, и *подделом!* Группа евреев, ответственных работников московского автозавода ЗИС, захотела, видите ли, Кремль взорвать, туннель под Москва рекой готовилась прорыть. ЗИС что означает? Завод имени ... нет, слаба буква С, заменяю-ка я ее на П: имени Проклятого.

Там же узнал я впервые про халтуру, – вначале про так называемые матричные методы составления планов предприятий. Матрица – это таблица (в простейшем случае – числовая), прямоугольная или в частном случае квадратная, но математики складывают и умножают матрицы и даже производят более сложные операции с ними. А экономисты? Да просто писали *матрица* вместо *таблицы*, но репутацию себе создавали и от денежек не отказывались.

Другие халтурщики *освоили* корреляционный анализ, благо появились вычислительные машины. Исследуют, например, специализацию производства. Чем она выше, тем, вроде бы, лучше. Но отчего она зависит? Выбирают какие-то факторы, числом пусть даже 15 (заранее ясно, что получится при этом белиберда, “роскошь в цифрах, математическое шарлатанство”, – писал Кетле), составляют уравнение попроще, запускают машину. И вот он, ответ. А при каких условиях всё это допустимо? Не зависят ли факторы друг от друга? Точны ли были исходные данные, не было ли в них приписок? И как всё-таки истолковать ответ? От таких вопросов отмахивались. Параметры вычислены, отпущенные средства освоены, диссертация готова! Как только появляются деньги, шарлатаны тут как тут (самопроизвольное зарождение).

Мой родственник был заводским экономистом, дал положительный отзыв на диссертацию. Пришел к нему уже остепененный диссертант, хочет внедрять свои предложения. – Так они же не имеют смысла! – Как же так, Вы же сами ... – Мало ли что, я всем положительные отзывы даю ...

Мне подумалось, что вводить математику в советскую экономику (а в мире экономика давно уже и не воспринималась иначе) следовало начинать с головы, – с Маркса, но об этом помалкивали. В году 1970-м, кажется, вышло юбилейное издание русского перевода *Капитала*, но и в нём Примечания оказались лишь библиографическими. То же случилось с *Диалектикой*

природы Энгельса. Написал он, что почти все вещества известны в твёрдом, жидком и газообразном состояниях, – так и оставалось, хотя давно уже стало известно, что от *почти* следовало отказаться.

Математическая неграмотность институтских преподавателей, как я позже узнал, не была, видимо, редким явлением. Доктор философии как-то без тени смущения заявил, что не знаком с интегралами, а одна доцент кафедры финансов (!) сказала, что, слава Богу, математику давно забыла. А какую именно математику? Признак делимости на три.

Политэкономические усилия, которые в Новосибирске начали принимать математическое направление, здесь, в МИНХе, отвергались с порога, а о прежних сочинениях, излагавших экономическое учение Маркса на математическом уровне (например, Борткевичем, в 1906 – 1907 гг., на немецком языке) почти никто и не знал.

Не терпела экономико-статистическая верхушка никаких количественных теорий, марксово учение в первоизданной чистоте сохраняла, и была у нее заветная фраза. Количество должно, мол, учитываться совместно с сутью дела, но суть-то была одна: отвадить математиков от своей делянки, плыть, куда прикажут: качественная теория вытерпит. Но сказал же в 1866 г. вице-президент Императорской академии наук В. Я. Буняковский, что “Тот не математик, кто не вникает в смысл, свойственный числам, над которыми он производит какие-либо вычисления”, и работать статистикам надо было с математиками совместно.

Как тут не вспомнить утверждение покойного Папы Иоанна Павла II (1985 г.): “Желание доказать Бога было бы равносильным его принижению до уровня существ в нашем мире”. Давно уже было замечено, что коммунизм – это своего рода религия.

Тогда же пришлось мне побывать в Центральном статистическом управлении (ЦСУ): кому-то нужно было выяснить, сколько в Союзе, – нет, не стульев, а всего лишь каких-то специалистов сельского хозяйства. Давно уже пользуются в таких случаях выборочным методом, ан нет! Учти поголовно (и ошибись больше)! И вот я задаю свой вопрос рядовому сотруднику ЦСУ. Тот раскрывает свою *простыню*, и я ужаснулся: карандашные записи со следами подтирки. У нас в геодезии за подобные журналы (притом полевые, а не кабинетные) выгнали бы взашей. Что-то этот сотрудник показал мне, потом стёр цифру, взял откуда-то другую. И это ЦСУ!

А всемогущий Госплан? Нехватка обычных товаров, заводские толкачи, выбивающие положенные Госпланом сырье и комплектующие с заводо-смежников, добывающие *манжетную* информацию (как бы в ресторанах, при угощении нужных сотрудников из министерств, записывая её на своих манжетах) о перспективах, – вот будни экономики. Неподъемная задача была у Госплана, притом колебания валют (а потому и внешняя торговля) были непредсказуемы. Примечательно, кстати, что торговля между социалистическими странами вовсе не была основана на марксовой теории стоимости и что внезапные волевые политические решения вообще перечеркивали любые экономические планы. А вот иной пример политического решения. Аляска стала новым штатом США, надо было менять государственный флаг. Поменяли, но только через год, чтобы не обанкротилась единственная фабрика, которая их изготавливала.

Один экономист из МИНХ уверял меня, что может доказать, что Госплан хорошо работает (или может хорошо работать?), я же предложил ему задачу полегче: изобрести вечный двигатель. Неувязки и нестыковки исправляла партия, опять волевыми решениями, которые поневоле оборачивались тришкиным кафтаном: если, к примеру, министерству *приказывали* срочно обеспечить такой-то завод таким-то сырьем, то осуществиться это могло только за счет других заводов.

И еще о невежестве. В 1954 г. в Москве прошла конференция по статистике, организованная Министерством высшего образования, ЦСУ и Академией наук. Странные там речи слышались! Оказалось, что “только революционная марксистская теория явилась прочной базой для развития статистики”, – той науки, которая *не изучает* массовых случайных явлений, вообще не обладающих никакими закономерностями. И, как заметил сам вице-президент АН (нет, уже не Императорской) Островитянов, Ленин “целиком и полностью подчинил статистические приемы классовому анализу деревни” (не подчинил, а приспособил, умнее всё же был, чем Островитянов). Он же, ничтоже сумняшеся, заявил, что нельзя применять одни и те же статистические приемы и в экономике, и в звездной статистике. Ну, не согласишься ты ничего в статистике, так промолчи, сочли бы за умного... Выбрал бы *для прогулок подальше закоулков!* Ведь Колмогоров на той же конференции косвенно утверждал обратное, и, кстати, обвинял зарубежных статистиков в непонимании сути дела, о своих же собственных благоразумно умолчал. Всё это было опубликовано в *Вестнике статистики*.

Что, 1954-й год – это слишком давно? Так вот 1959-й год, *Вестник АН*, будущий нобелевский лауреат Л. В. Канторович с возмущением сообщает:

Как последнее открытие преподносится, что закон стоимости не действует, а только воздействует, а средства производства – не просто товар, а товар особого рода.

Иными словами: увертки вместо формул. Критика была явно направлена против таких же островитяновых, которые и думать не позволяли о математизации экономики.

В 1960 г. прошла конференция с участием ведущих ученых (*Общие вопросы применения математики в экономике и планировании*, 1961; И. Бирман, *Вестник статистики* № 7, 1960). Колмогоров заявил, что требуется переход к новой стадии политэкономии и что состояние экономики следует оценивать единым показателем (читай: независимо от закона стоимости).

Но зачем нам Канторович, для чего Колмогоров, мы ведь и сами с усами! Вот Мария Смит, член-корреспондент АН (*Очерки истории буржуазной политэкономии*, 1961, с. 294):

В полном бессилии стоят адепты (надо было сказать прихвостни) буржуазной политэкономии перед страшной для них действительностью. В противоположность им сила и жизненность экономических учений Маркса и Ленина именно и состоит в ...

Пошла писать губерния! Ну, где она выкопала экономическое учение Ленина? И куда девались сила и жизненность? Это – та самая Смит, которая обвинила Гаусса (в её написании – Гауса) и Пирсона в грехах смертных и плотоядно заметила (*Теория и практика советской статистики*, 1931, с. 4), что “ряды арестованных вредителей полны статистиками”. Ее вклад, если не в статистику, то в русскую словесность (да и в работу *органов*) несомненен, недаром стала непотопляемым академиком!

Во время моей работы в лаборатории произошла “косыгинская” (по имени тогдашнего премьера) экономическая реформа. Изменили некоторые показатели (так, ввели *реализованную* продукцию вместо *изготовленной*), а инженерам и техникам предусматривались премии за успешную работу. О реальных результатах реформы судить не берусь, но позволю себе усомниться в её действительности.

13. Кафедра математики. МИНХ бурлит

Из лаборатории я вскоре перевелся на кафедру математики, стал старшим преподавателем, затем и. о. доцента, но продолжал усиленно заниматься историей теории вероятностей. Пришел новый зав. кафедрой, В. И. Ермаков, из космического *почтового ящика*. Порядочный человек, которого *ящик* отучил от уважения классики. Он даже снял висевшие у нас на кафедре портреты наших гениев, – видимо, набор портретов, задолго до того разосланный по кафедрам математики. Был там и Гаусс, и Чебышев, и многие другие, во главе, кажется, с Ньютоном. Меня это покорило, и я подал ему заявление с просьбой продать мне “ненужные портреты классиков различных времен и народов”.

Портреты повесили снова, и Ермаков внешне не изменился ко мне, хотя работать на кафедре стало труднее: он перетягивал всё новых и новых преподавателей из своего *ящика*, политически зашоренных (это несомненно чувствовалось), да и нацеленных на прикладную математику. Запомнился Тарас (отчества не помню) Шевченко. Спросил его как-то, какой язык он считает родным, украинский или русский? С ответом затруднился. Был он по натуре фельдфебель, и голосище имел подходящий, как у старшины батареи, отъявленный исполнитель партийных команд. Будучи уже без работы, увидел как-то из окна троллейбуса, что стоял он в растерянности на улице и одет был по-простецки. Не выгнали ли за какие-нибудь особые делишки?

Но оставались и другие. Был Григорий Львович Гинзбург, штурман дальней бомбардировочной авиации, 99 боевых вылетов, майор *в отставке с мундиром* (с правом ношения полной военной формы). Почему не 100? Так ведь за 100 положено было Героя давать, но не Гинзбургам же! Слышал как-то передачу из Израиля: советский генерал отвечал на вопросы. Правда ли, что среди Героев больше евреев, чем русских? – Нет, этого и быть не могло, но вот в процентном отношении действительно больше. А если бы еще и Гинзбург? Нет, не годится ... Был он рядовым математиком, но глубоко порядочным человеком. Защитил диссертацию на кафедре статистики, неважную.

Преподавал раньше в каком-то авиационном училище, дал *вводную*: Ваше боевое задание – уничтожить цели возле Вашингтона, вы подлетаете, вдруг – американский истребитель. Ваши действия? – Атакую. – Так, а ты что скажешь? А ты? Ничего вы не поняли. У вас боевое задание, вы пролетели тысячи километров, и бомбардировщик у вас с экипажем, а не какой-то истребитель, а вы рискуете! – А что делать? – Кричи (что-то сказал Гинзбург в данном случае двусмысленное, вроде *Родина-мать*) и ныряй в ближайшее облако! Всё так, но вот Вашингтон явно был лишним свидетельством сталинских бредовых идей – и ложного патриотизма Гинзбурга.

А вот свидетельство главного и засекреченного ракетчика, С. П. Королева (*Историко-математич. исследования*, вып. 12/47, с. 145): “Сталин чуть ли не еженедельно спрашивается, когда будет ракета, способная долететь до Вашингтона?” Не выдали курсанты Гинзбурга, а ведь крупные могли быть неприятности. Не понял? Сказали бы: идеологически неграмотен, воспитателем быть не может. Здоровье Гинзбург потерял, умер году в 1982-м.

Сорвал я голос, официально – несмыкание (кажется так) голосовых связок. Какие-то ингаляции оказались бесполезными, но я кое-как дотянул учебный год. Летом отправился на частный прием к Александрову, одному из двоих, видимо самых авторитетных отоларингологов (проще сказать – ЛОР-врачей). Пустой номер! Большой барин. Самоуверен, напыщен, не говорит, а вещает, и безразлично ему, понимают его пациенты или нет. А всегда ли понимали его другие врачи? Посоветовал мне уйти с работы (ингаляций, правда, рекомендовать не стал). Через некоторое время гордо закрыл он свой кабинет, – фининспектор придрался. А не оказалось ли, что ввиду его, прямо скажу, наглости, ему косвенно запретили практиковать?

По совету отца пошел ко второму авторитету. Женщина, тоже профессор, работала в поликлинике Большого театра, с голосами-то постоянно имела дело, приняла она меня, – как-то отец сумел этого добиться. Заглянула она мне в горло и рекомендовала дыхательную гимнастику у Стрельниковой. Вот кто вылечил меня, притом почти моментально! Было две Стрельниковых, пожилая мать (она-то меня и лечила) и дочь, обе знающие и толковые, но официально лишь *полупризнанные*. До сих пор вспоминаю мать с благодарностью. Она объяснила мне, что говорить и петь надо не горлом, а диафрагмой, что в этом и секрет *бель канто*. Петь я, правда, не начал.

Рассказала об известном оперном певце из Киева. Продолжал он петь в опере при немцах, за что впоследствии и схлопотал изрядный срок. Так ведь иначе и быть не могло! Просто уволить его (тоже ведь трагедия)? Нет, слишком мало ...

Я читал лекции по стандартному курсу дифференциального и интегрального исчисления на факультете товароведов продовольственных товаров. Чувствовал себя прескверно, потому что не видел в этой работе никакого толка. И тогда думал, и сейчас полагаю, что не нужен был моим студентам такой курс. Следовало бы прочесть им спецкурс элементарной математики и дать лишь понятие о высшей, объяснить, скажем, что такое интеграл

определенный и неопределенный и для чего они нужны, а вот вычислять только самые простые из них.

Приходилось принимать экзамены у заочников. Просил их пояснить сданные ими самими (но частенько написанные другими) контрольные работы, добивался, чтобы они всё-таки разобрались в них. Начали в вузах делать серьезные поблажки социально надежным студентам из рабочих (пусть даже с минимальным стажем). Теперь добавлю: в 1921 г. 15 профессоров Петроградского университета во главе с Марковым письменно (и, конечно, безуспешно) протестовали против той же практики (Гродзенский С. Я. А. А. *Марков*. М., 1987, с. 137).

Написал я учебное пособие по своему курсу, и издали его в институтской типографии. Постарался пояснить всё так, чтобы трудно было не понять. Например, подзаголовок такой выбрал, с явным излишком информации, но зато более понятным: *Единственность частного решения* (речь шла о дифференциальных уравнениях). Читал я и короткий курс линейного программирования, и тоже неприятно было: слишком трудно было бы применять его практически. Была у меня одна толковая студентка, сказал я ей как-то на практических занятиях: – Это Вы всё знаете, лучше я Вас попрошу выяснить, как распределены простые числа (т. е. решить труднейшую даже для самых выдающихся математиков задачу) ... Начала она сразу же что-то писать, но минут через пять сжалился я над ней, но всё-таки узнала она что-то интересное.

И пришел новый ректор, Б. М. Мочалов, *пузырь*. Он явно получил и с восторгом выполнял задание: очистить институт от евреев, а нас действительно было очень много. Начал он поспешно изгонять и евреев, и вообще порядочных людей, а на их место принимать новоиспеченных докторов науки, – недоучек и халтурщиков, *числом поболее, ценой научной подешевле*, – чтобы поднять официальный уровень института.

Ушел, правда, позднее, и быть может по возрасту, Николай Капитонович Дружинин, заведующий кафедрой статистики, глубоко порядочный человек, хотя недостаточно владевший математической статистикой, а на его месте оказался какой-то самоуверенный невежда. Был я несколько раз на дому у Дружинина, как-то раз пил чай с мацой (“я против юдофобства”, заметил он), а жена у него была еврейкой. Из его книг мне очень понравилась *Хрестоматия по истории русской статистики* (1963 г.). Рассказывал он мне, что на какой-то международной конференции убедил американцев, что у них действительно происходит относительное обнищание трудящихся. Про то же явление у себя дома, видимо, и не вспоминал.

Часто задумывался я: *охмурёж* идет полным ходом, но неужели все верят в официальную идеологию, или же какая-то часть населения только притворяется? Слышал поразительные истории, подтверждающие почти всеобщую веру. Родственник (настырный, но недалекий) согласился безоговорочно с высказыванием весьма высокопоставленного научного работника: “Сахаров так и не соизволил на годичное собрание Академии наук приехать”. Сахаров, сосланный в провинцию, находящийся под неусыпным контролем и подвергающийся издевательствам! А мой студент-вечерник молчаливо

согласился с утверждением своего дяди-министра: “Мы всё для *них* делаем, а *они*...” Не обязательно было изучать линейное программирование, чтобы представлять себе: *всё*, но только после дальнейшего повышения *нападениеспособности*, всемерного и однобокого развития промышленности и сельского хозяйства и удовлетворения неизменно растущих и основанных потребностей *трудящейся* элиты. Практически же, почти по Марксу, *нам* в целом доставалось столько, сколько требовалось для сохранения нашей работоспособности и нашего чуть расширенного воспроизводства. Охмуривали, стало быть, и министров.

*Перед вами, детки, герб,
Слева молот, справа серп.
Хочешь, жни, а хочешь – куй,
Всё равно получишь ... немного.*

Или вот майор КГБ, занимавшийся какими-то приборами. Вторглись мы в Афганистан, чтобы, мол, воспрепятствовать американцам захватить его. Я говорю, что не было у США для этого ни политической, ни военной возможности – не верит! Вторгаться потребовалось потому, что надо же было Третью мировую продолжать, да и устаревающего вооружения накопилось слишком много, к тому же маленькая победоносная кампания в любом смысле полезна. Получилось всё *с точностью до наоборот*, и, что гораздо хуже, развернулся весь мусульманский мир, да не в ту сторону...

Вырос майор в той же коммунальной квартире, что и моя жена, и отношения у них всегда были прекрасными. Упомяну ещё раз профессора Огородникова. Он наивно заметил, что православные священники напрасно не участвуют в обыденной жизни своих подопечных, как это делают их собратья-католики и протестанты. Про соответствующий запрет он не знал.

А затем, и особенно в последние годы советской власти, положение в стране стало ухудшаться. Слышал в очереди недоуменное замечание простой женщины средних лет: “Работаем всё время, жизнь должна была бы улучшаться, но почему-то не получается”. Святая простота ... Как будто от *низов* что-то существенное зависело! В вузах уже давно стали обращать особое внимание на заочное обучение, которое открывало двери работающим. Но качество обучения часто было неважным (и ведь со мной это случилось!), и было в ходу выражение: *заушное обучение*. Слишком много было вузов, слишком мало техникумов. Изменить это было, конечно, трудно, но мешала и идеологическая причина: надо же было показывать миру, что выпускаем так много инженеров, агрономов и т. д. Году в 1990-м рассказывал мне инженер, из года в год участвовавший в аттестации сварщиков. Раньше, говорил он, мы не пропускали того, кто не знал чего-то существенного, теперь же сами его и наставляем. Сварщиков, от которых так много зависит!

Гораздо труднее стало обращение к врачам-специалистам. В 1975 г. отец лежал в Боткинской больнице, после операции началось у него гнойное заражение. А ведь в середине XIX в. писала Флоренс Найтингейл, что именно относительное число таких случаев определяет качество работы больницы. Пришел я как-то в больницу утром, врачи – на политинформации ... Там же зашла врач в палату на шестерых, спросила всех что-то. Никто не ответил, а должен был ответить отец. Слух у него плохой был, он ничего и не понял. Умер отец, уже в другой больнице, *для гнойных*. Я сам за несколько лет до этого попал в Институт им. Склифософского. Помещения у них было слишком мало, объективные условия неважные, а туалеты – рассадник заразы. Вспомнил вопрос наивной туристки из США: почему, мол, у вас в общественных туалетах нет туалетной бумаги? Года с 1985-го начала возрастать младенческая смертность, что пытались объяснить улучшением статистических данных в Средней Азии. Не очень это убеждало, и было тревожно: слишком важный был показатель.

В Москву начали приходиться *колбасные* поезда, приезжал народ за несколько сот километров закупать мясо, колбасу, апельсины. Отпускали им в одни руки гораздо больше положенного, зато обвешивали и обсчитывали намного наглее, чем коренных жителей.

Было у Мочалова и другое любимое, но уже придуманное им самим занятие: приглашать в свой кабинет молодых преподавательниц и раздевать их. Узнали об этом многие, но жертвы упорно молчали, и доказать ничего не удалось.

Вот одно из неграмотных мероприятий Мочалова. Составил кто-то социологическую анкету, бланки принесли на кафедру. Отвечать на вопросы полагалось в обязательном порядке (сказали нам, что был такой приказ по институту), а сдавать, хоть и анонимно, полагалось на кафедре же. Один из вопросов: Заступитесь ли вы за избиваемого на улице? Профессор Л. Б. Новак, тоже *из ящика*, заполнял анкету вслух и со смехом сказал: заступлюсь. О венерических заболеваниях, правда, не спрашивалось. Я отказался участвовать уже потому, что подобные исследования могут проводиться только на добровольных началах, Ермаков не сказал мне ни слова. Случайно узнал: появилось в МИНХе какое-то социологическое подразделение, сотрудники все в белых халатах, вход к ним только для посвященных. Вот, подумал, куда уходят уволенные, но оставшиеся благонадежными сотрудники *органов*.

Взяточничество процветало, и не только в МИНХе. Л. Е. Улицкий, покойный профессор института, рассказал мне, что видел у кого-то записную книжку со списком институтов (только ли московских?) с указанием суммы, необходимой для верного поступления в каждый из них. Он же был в числе прочих в кабинете ректора, когда тому позвонил первый (?) секретарь Крымского обкома партии с просьбой *присмотреть* за его доченькой, поступавшей в МИНХ, Мочалов же с гордостью сообщил присутствовавшим об этом.

И невольно подумал я: не заплатил ли сам Мочалов, и сколько, и кому именно, чтобы стать ректором? Собственная его научная работа, как я слышал, гроша ломаного не стоила. Много позже достоверно узнал я: будучи еще в своей провинциальной вотчине, местный бонза заслужил прозвище *конвертик*, очень уж увлекался он содержимым конвертиков!

Знал я молодого человека, Владимира Власова. Отслужил он в пограничных войсках, поступил (был приглашён?) в какое-то милицейское учебное заведение и вышел лейтенантом милиции. Начал работать и немедленно со скандалом ушел, не стерпел какой-то грязи. Стал водителем пригородного автобуса, и спросил я его: “Спокойная ли работа?” “Очень спокойная”. Самое интересное: мой сын смог замолвить слово за Владимира у какого-то высокого начальника, рекомендовал как исключительно честного человека. Тот записал адрес Владимира, но так и не связался с ним. Не нужны были честные.

И вот снова Новиков: “Антисемитизм стал генеральной линией партии на втором месте после воровства [казнокрадства] и коррупции”. Как же чудесно обеим этим целям соответствовал Мочалов!

Члены нашей кафедры принимали вступительные экзамены по математике; меня в приемную комиссию не приглашали, а я и не напрашивался. Но узнали мы все: одному из наших членов комиссии дали список: вот, мол, абитуриенты, которых ты обязан

... Тот успешно попросил разрешения добавить в этот список еще одного по своему усмотрению, – но уж, наверное, кого-то правильных кровей. Не обошлось без скандала: по какому-то поводу родители поступавшего пожаловались именно на него. Сообщил нам об этом Ермаков на заседании кафедры, но фамилии обвиненного так и не назвал.

И подобный порядок (который вполне мог соблюдаться в течение всех лет обучения), конечно же, способствовал произрастанию дураков. Помнишь Райкина? Никак нигде не могли избавиться от дурака, в конце концов впихнули его в аспирантуру, и научный руководитель, чтобы отделаться от него, сам пишет за него диссертацию.

Невольно услышал разговор двух преподавателей (доцентов?) с кафедры политэкономии. Только что опубликовали сообщение о повышении цен, были там упомянуты мебель, хрусталь, кажется автомашины, что-то еще. Так они минут за пять обсудили и оправдали всё это и успокоились. Чувствовалось, что они согласились бы со всем, чем угодно, но вот подумать, почему на один товар – одна наценка, на другой – другая, и почему вообще повышение, им даже в голову не пришло. Снова скажу: никто о количественных теориях не помышлял.

Году в 1977-м меня уговорили поработать дополнительно в лаборатории, помочь в какой-то теме, связанной с математическими методами в экономике. Начальником лаборатории был некто Петров, мошенник высокого полета. Свою кандидатскую диссертацию он списал с двух дипломных работ, о чём некоторые мои знакомые разузнали, но по какой-то робости не посмели доказать (для какой, мол, надобности копаются они в архивных дипломных работах?) и опоздали: прошел положенный срок, и эти работы уничтожили. Я сам, как только узнал про это, сообщил заведующему той кафедрой, которую Петров собирался занять, тот же сразу засуетился, но поздно.

Петров ретиво выполнял свой долг: изгонял евреев из лаборатории. Не иначе, как за эту заслугу (да не подкармливал ли он к тому же Мочалова и его прихлебателей за счет хозрасчетных средств?) ему удалось (ему разрешили) защитить докторскую диссертацию о применении корреляции в экономике, и ее автореферат я заранее прочитал. *Полнейшее отсутствие всякого присутствия*, и не только статистического, но и общенаучного! До сих пор не понимаю: были ведь члены Ученого совета, которые голосовали против, но почему они явно не заметили грубейших ошибок Петрова? Почему критиковали *от сих и до сих*?

И вот одна из моих студенток отпрашивается у меня: ей, мол, надо после защиты преподнести цветы Петрову. Я разрешил, но добавил: а вдруг не защитит, работа ведь слабенькая? Студентка оказалась племянницей Петрова, и моя работа в институте должна была закончиться, хотя я еще долго сопротивлялся.

Мои знакомые доценты с одной из экономических кафедр МИНХ выявили плагиат и в докторской диссертации Петрова, начали сообщать об этом в различные инстанции. Один из них получил за свою *клевету* партийное взыскание, но их поддержал академик А.

Г. Аганбегян, появилась 28 окт. 1979 г. соответствующая статья в *Соц. Индустрии*, и Петрова лишили-таки докторской степени, да и Мочалов получил сполна: Ученый совет МИНХ лишили права присуждать докторские степени.

Петров покинул преподавание (успел уже перейти из лаборатории в сам институт), но на новой работе был уличен во взяточничестве, схлопотал 2 (или больше?) года условно, будто бы с учетом его возраста, а несколько лет назад умер. Умер и Мочалов, но успел прочесть статью в *Моск. Правде* под названием “Уроки мочаловщины”.

Вернемся к началу мочаловщины. Чуть ли не сотни анонимных заявлений о положении в МИНХ были разосланы по различным адресам, и со всех пишущих машинок института были взяты пробные тексты, позволявшие определить их авторство. Какой-то юморист за свой счет подписал Мочалова на журнал *Свиноводство*, тот же, вряд ли подумав хорошенько, сообщил об этом в партком как о допущенной кем-то ошибке. Вся подписка на газеты и журналы проходила через партком, члены партии обязаны были подписываться на партийную газету и партийный журнал.

Приходили комиссии, оправдывали Мочалова. Одну из них возглавлял В. Д. Большаков, ставший ректором моего родного МИИГАиК и будто бы хороший знакомый Мочалова, но во всяком случае невежда. Л. Н. Большев так и назвал Большакова в разговоре со мной и сказал, что докторскую степень тот получил несмотря на резко отрицательный заключительный отзыв Колмогорова. Очень уж кому-то потребовался *правильный* ректор! Слышал я, что был Большаков связан с *органами*. Став ректором, сразу повел себя круто, примерно так же, как позднее Мочалов, вот только евреев в МИИГАиК было не в пример меньше. А ведь студентом был – держался тише воды, ниже травы. Подозреваю, что черновой вариант отзыва Колмогоров сам Большев и написал, ведь это он геодезией интересовался (п. 11).

Борьбу с Мочаловым вначале вело большинство парткома, – безуспешно, потому что каждый обоснованно боялся за свою шкуру. Одним из главных, но очень осторожных противников ректора был небезызвестный Л. И. Абалкин, зав. кафедрой политэкономии и секретарь парткома, ортодоксальный марксист, ставший академиком и, кажется, рыночником. В те времена, как я слышал, его иногда отвозили куда-то, где он составлял доклады для Косыгина. Позднее партком заявил, что сотрудничать с Мочаловым не может, парторганы же, видимо, того только и ждали. Перевыборы парткома, победа Мочалова.

Другого своего противника, Пахомова, Мочалов как-то выгнал с работы, он же подал жалобу в суд. Был он, кажется, пасынком Ракоши, венгерского вождя-сталиниста, от которого его партия в конце концов избавилась. Жил в Москве, но как раз в то же время (1971) умер. Официально сопровождать его тело в Венгрию было, видимо, неудобно, и самое высокое наше партийное начальство потребовало от Пахомова, чтобы поехал он. – Не могу, дело мое в суде. Ну, партия всех судей выше. Тут же восстановили Пахомова (но в конце концов всё-таки выдавил его Мочалов).

14. Научная работа. Библиотека

Моя научная работа оказалась весьма успешной. Пришлось, правда, учить французский (заочно; говорить не могу, воспринимать живую речь не способен), вот когда маму и свою глупость вспомнил! С самого начала решил публиковаться главным образом за рубежом. Отечественные возможности были слишком скудны (история математики мало кого интересовала), да и боялся я оказаться заложником советской системы. Были же долгие годы, когда опубликованные труды неугодных ученых становились недоступными, они как бы переставали существовать. Помогли мне знание английского языка и усиленная образованием склонность к широкому описанию тем. Один историк теории вероятностей даже всерьез пожаловался мне: после меня, мол, тема закрывается. Надо было мне резко ответить, да не решился.

Исключительно важной оказалась возможность посещать невообразимо богатую Библиотеку им. Ленина (нынешнюю Росс. Гос. Библиотеку), через которую можно было заказывать недостающие изредка источники из других городов и стран, и всё это бесплатно. В некотором смысле, я бы сказал, слишком богатую: литературу XVIII в. выдавали в зал наравне с более новой, здесь же, в Германии, она выдается только под залог читательского билета, и не зря: сколько-нибудь известная книга того времени стоит немало! Многие работники библиотеки трудились на совесть, зарабатывали крохи! Здесь я вижу только слабое подобие такого отношения к делу. И именно к здешней жизни больше подходит знакомая нам фраза “Нам до лампочки”.

Был в библиотеке газетный зал и зал новых книг, печатались бюллетени новых поступлений, в Берлине же ничего этого нет. Пропускали в основном только *остепененных*, а у профессоров и докторов наук был свой зал. Я попал в него в 1990 г., ставши членом международной академии. Уют, спокойствие, даже книги на дом дают. В Германии же полная демократия, и гимназист не хуже других, а книги последних, кажется, 50 лет всем на дом дают. Там у выхода стоял милиционер с кобурой (пустой или нет?), неукоснительно следил, не утаскивают ли читатели чего-нибудь. Здесь лишь видимость контроля, и книги таки исчезают (в Москве тоже исчезали), а русские книги, видимо, частично оседают в библиотеках Астаны или Ташкента, а то и Киева.

В Ленинке мне нередко попадались книги с погашенными штампами берлинской библиотеки, и это облегчало мою работу. Но вот здесь-то оказалось, что многих книг не досчитываются, – “военные потери”. Очень неприятно. Нет, не ценили власти это сокровище, подобное которому имеют только американцы (Библиотека Конгресса) и, в меньшей степени, англичане (Британский музей). Подчинена была Ленинка не Верховному Совету, даже не Совету министров, а Министерству культуры и постепенно приходила в упадок. Книгохранилище, под которым с ведома и согласия директора-временщика провели линию метро, частично оказалось в аварийном состоянии, а необходимое второе здание построили аж в Химках, на краю Москвы, куда мне частенько пришлось наведываться. И дополнительная трудность:

иногда и библиотекари не знали, в каком здании хранится тот или иной источник. Ну, а с распадом государства настала просто беда, но об этом я почти ничего уже не знаю.

И неизменно Библиотеке присущи были советские особенности. Для ксерокопирования приходилось выстаивать в очереди (и немало книг и журналов было поэтому либо похищено, либо *раскулачено*), хотя читателям профессорского зала копирование было несравненно проще, но вот художественную литературу (например, Льва Толстого) копировать нельзя было – вдруг крамола! Помню, пришлось мне убеждать, что закон больших чисел к идеологии отношения не имеет. Многие книги и журналы запросто оседали в спецхране, а уж передать их оттуда в общее хранилище никому и в голову не приходило. Оказался там, к примеру, один из томов *Сочинений* Менделеева со статьями о порохам, хотя давным-давно никаких секретов там уже не было. И именно этого тома нет здесь, в Берлинской гос. библиотеке.

На время приходили в библиотеку книги и журналы для читателей из других городов и стран, и всё это без зазрения совести микрофильмировалось. Заметил я как-то подшивку лондонской *Таймс*. Лежала на прилавке выдачи газет в газетном зале, библиотекарьша прижимала ее локтем и смотрела в глубь зала. Я наивно спросил: – А можно ... Никакого внимания. И вижу: проходит вальяжный господин средних лет, с ним женщина, явно библиотекарьша. Прошли они – и исчезли *Таймсы*, будто бы доступные каждому читателю.

Другое ограничение касалось религии. Выписал я как-то *Мысли* Паскаля в переводе 1899 г., а добавление к заглавию, *О религии*, благоразумно упустил. Пришла книга, но не мне, а дежурной по залу. Ну, мне-то выдали её сразу же, заметили, что я читаю самую разную литературу, притом в основном старую.

Рукописи свои я относил Юшкевичу в ИИЕТ, как к соредктору трусделловского *Архива истории точных наук*, он их одобрял (позже понял: надо было относиться к ним гораздо строже), и уходили они за рубеж. Был Трусделл крупным ученым, в первую очередь механиком, и серьезным историком науки. Знал европейские языки, также и латинский язык, прекрасно владел своим родным, английским. От меня требовал ясных фраз, плохо переносил пассивные обороты (это у немцев они в почете), изгонял газетные штампы. Я вначале возмущался его *придирками*, потом согласился с ним и стал внимательнее писать, в том числе и по-русски. Наши ученые о стиле и не помышляют, и хуже всех в этом отношении был А. А. Чупров.

Но окно на Запад стало постепенно прикрываться. Началось с того, что один Юшкевич уже не мог решать ничего, требовалась подпись *треугольника* (директор, партком, и, для соблюдения приличий, профсоюз), а затем было учреждено Всесоюзное агентство по охране авторских прав (ВААП), как бы министерство иностранных дел для авторов. Благое дело? Сомневаюсь. Из гонорара доставалась авторам и переводчикам малая доля, остальное забирало оно себе, а перед отправкой рукописи за рубеж академический институт (но не иной институт, тем более не лично

автор, – не нужен советскому автору *берег турецкий, чужая земля не нужна!*) должен был для ее проверки на благонадежность представлять в ВААП ее русский текст. Пришлось писать по-русски и переводить текст пока его проверяли, но английский вариант оказывался хуже: оставался в нем русский дух. Так же обстояло дело даже с коротенькими рефератами, которые я направлял в ГДР, в *Zentralblatt für Mathematik*. В этом журнале сотрудничал до последнего времени. И второе обстоятельство, о котором чиновникам также, конечно, было невдомек: переводил свою рукопись и невольно подправляешь, а то и исправляешь и добавляешь. Поначалу это *правонарушение* сходило мне с рук, но нравы ужесточались, и одну рукопись мне вернули с укоризной, хорошо еще не погнажи, чтоб больше не заявлялся.

Но что делать было с положенными нам всё-таки остатками валюты? И, что важнее: что могла делать со своей, уж безусловно честно заработанной валютой, элита? Открыли в Москве магазины *Березка*, товары в них были заморские, покупать же их можно было на валюту. Э, нет! На руки выдавали нам не ее, а рублевые сертификаты (как уж обходились с элитой – не знаю). Вообще-то сертификатом можно назвать даже трамвайный билет, он ведь давал право на проезд, ну, а рублёвые принимали в *Березках*. Начался, конечно, же, обмен: за сертификатный рубль давали два обще-советских (хоть и подпадало это под серьезную статью о спекуляции валюты, и хоть захирели Березки: закупка товаров для них значительно уменьшилась).

Произошла с моим родственником, молодым москвичом, история с *Березкой*. Раздобыл он у родителей сертификатов, купил туфли и тут же продал кому-то по тому же соотношению. Сцапали его, и по нормальному сценарию должны были бы *по суду* отправить, скажем, на полгода, *на химию*; иначе: на шахту, на химический комбинат или на подобное предприятие. Из Москвы *выписали* бы, а уж вновь *прописаться* можно было, видимо, за увесистую взятку или (не уверен, что наверняка) если родители немощные, без ухода никак не проживут. Помогло стечение обстоятельств, а наверное и взятка: отделался *по суду* штрафом в 300 рублей. Не знаю, хватало ли у органов сил и желания вылавливать всамделишных спекулянтов.

Тексты статей и экземпляры книг для реферирования приходили ко мне из редакции *Zentralblatt* по почте. Не дошла книга Пирсона 1978 г. *История статистики ... на изменяющемся фоне интеллектуальной, научной и религиозной мысли*. Послали мне другой экземпляр – снова пропал. Не иначе как религии боялись, а ведь ученые прошлых веков, включая Ньютона, никогда о ней не забывали, природу изучали как творение Божье. Впрочем, быть может заметили и крамольное высказывание автора о Ленине, см. начало п. 9.

Наконец запретили академическим институтам принимать рукописи от посторонних, и две мои работы ушли к Труделлу контрабандным путем. А как теперь отправлять назад просмотренные корректуры? Одну из них вместо меня прочел по моей просьбе знакомый по переписке английский статистик, но

пять или шесть опечаток просмотрел. Ни о каких подобных прелестях читатели моих зарубежных публикаций и не подозревали. Всего Труделл опубликовал 29 моих статей, – рекорд и для журнала, и для меня, – и еще две я опубликовал там же после его ухода.

Такое же случилось и намного раньше. В 1975 г. проходила в Варшаве сессия Международного статистического института, и кто-то (не помню кто) переправил туда текст моего заказанного доклада, который, однако, должен был еще утвердить один английский статистик. Поляки ему ничего не послали, потому что получили мой материал неофициально, так я написал ему с десятков пустопорожних писем, каждый раз на обороте каких-либо страниц моего текста. Собрав мои плохо выглядевшие страницы, англичанин затребовал и получил-таки от поляков чистенький текст, который и был опубликован в 1977 г. Но приехать в Варшаву самому я и не мечтал.

15. Международная академия

Уже в 1975 г. меня выбрали членом Международного статистического института (что несомненно помогло мне дольше продержаться в МИНХе), а года через четыре Труделл по моей просьбе представил меня на выборы в члены-корреспонденты Международной академии по истории наук. Поясню: ни одна национальная академия наук историков науки не жалуется; каждая, к примеру, имеет среди своих членов математиков, но ни одного чистого историка математики. И в конце XIX в. собрались историки науки и учредили свою собственную академию.

Пришлось мне отсылать туда анкету. Послал в обычном конверте – не дошла, но успешно послал и окольным путем. Перед выборами в Международный статистический институт мои документы переслал рекомендовавший меня болгарин, работавший в Москве. Стал я безработным парией – он меня не узнал.

Разразился скандал! Как он посмел! И кто он такой вообще? Даже на Юшкевича напали: почему представлял мои рукописи? С него, правда, взятки были гладки: рукописи достойные представлял, к академии не причастен.

Позвонил мне инструктор ЦК партии Грибанов, попросил меня снять свою кандидатуру. Есть, мол, в области истории теории вероятностей более достойные, которых никто еще не выдвигал, (покойные) Б. В. Гнеденко и Л. Е. Майстров.

О Гнеденко речь еще впереди, но сразу скажу: был крупным ученым (была в нем искра божья, как сказал Юшкевич), но затем не то выдохся, не то потерял вкус к настоящей науке, а историком науки его можно было бы назвать лишь условно: впоследствии я понял, что он не читал западных классиков теории вероятностей прежних времен, писал в основном об отечественных ученых, а в конце жизни выпустил громадную историческую статью, опоздавшую появиться лет на 30. И Большеv сказал мне, что не считает Гнеденко историком теории вероятностей. Мало того. Лет 20 назад сказал мне один крупный математик в Москве (фамилию его, к сожалению, забыл), что Гнеденко не пользовался авторитетом (точнее, перестал пользоваться), Колмогоров же хотел

избавиться от него: написал кому-то записку, дал ее этому математику в открытом конверте. Колмогоров, оказывается, (безуспешно) предложил перевести Гнеденко в Сибирское отделение АН, – иначе, мол, мы в МГУ от него не избавимся. От члена академии, пусть даже республиканской (Украинской), действительно нельзя было избавиться.

А Майстров? Опубликовал он две книги, обе никуда не годные, но первая оказалась весьма успешной, потому что в то время ничего другого еще не было. Языков он не знал, был в основном советским философом с небольшим математическим багажом, поверхностно рассуждал о борьбе идеализма с материализмом. Во второй книге явно списал у меня некоторые места. Оговорюсь: были у Майстрова и другие научные интересы, выпустил он, к примеру, книгу об истории вычислительных устройств, но о ней судить не могу.

Грибанова я спросил (притом, кажется, повышенным тоном): знает ли он, что меня выгнали из МИНХа? Он сделал вид, что не понял, о чем речь идет, потом сказал, что это не по его части. Я отказался снять свою кандидатуру, а Юшкевич потом пояснил мне, что я накричал на Грибанова, перед которым директор ИИЕТ, член-корреспондент С. Р. Микулинский, на задних лапках стоит. Да, такова была сила инструкторов единственного реального органа власти в стране, ЦК партии. Был, кстати, приказ по МИНХу, который я почему-то запомнил: объявить благодарность студенту-первокурснику Грибанову в связи с какой-то самодеятельностью.

Микулинский был евреем, но в 1941 г. или чуть раньше записался русским. Было-таки такое время, когда при получении паспорта разрешалось указывать иную национальность. И начали Микулинского клеветать: как он посмел? Через какое-то время отстали, но всё-таки заявили, чтобы в партийных документах он числился евреем и только через какое-то время отказались и от этого требования. И кстати: нам в артиллерийском училище перед выпуском (неофициально?) разрешили поменять национальность, и стал наш Айзенберг *Айзенбергасом*. Родом был он из Литвы, возможно, что мать была у него литовкой, а лицо у него не было ни славянским, ни еврейским.

Голосование в Академии было заочным, и советские члены сдавали заполненные бюллетени в открытых конвертах секретарю ИИЕТ; правда, Юшкевич, который часто бывал на Западе (много раз в Париже), старался там и голосовать. Да и в самой Академии один из советских членов безуспешно требовал снять мою кандидатуру; мы, мол, против него, и должны же вы это учитывать. В члены-корреспонденты Академии я попал лишь в 1990 г., когда те же советские ученые неожиданно изменили свое мнение (и тот же академик громко заявил, что тоже будет голосовать за меня), а в 1995 г. я стал ее действительным членом.

16. Мною заинтересовались

Примерно тогда же, когда позвонил мне Грибанов, А. И. Володарский, специалист по истории математики древней Индии, но ничего не смыслящий в теории вероятностей (да и вообще недалекий человек), вдруг начал меня горячо убеждать в

значимости второй книги Майстрова. Спроста ли? Мне потом посоветовали, *ничего такого* при нем не говорить. В ИИЕТ он был в официальном почете, несколько раз выезжал за рубеж в составе делегаций на какие-то научные конференции, притом даже в качестве *ученого секретаря*. Были, оказывается, у делегаций такие секретари! Об его научных заслугах лучше умолчать, но году в 1991-м стал он членом-корреспондентом Академии. Вот так! Посетивший ИИЕТ американский историк математики сетовал на его глупость: заявил он, что нет у нас в Советском Союзе голубых. – Откуда Вы это знаете? – У нас в ИИЕТ таких нет. Думаю, что пел он с чужого голоса, только вот усердие проявлял не по разуму.

И опять же примерно в то время позвонил мне режиссер с Мосфильма, нужен-де ему графический материал по азартным играм (т. е. по истории теории вероятностей), а телефон мой ему дал Б. А. Розенфельд. Пришел он, начал меня вопрошать. Очень скоро понял я, что он такой же режиссер, как я кинооператор, и приходил он посмотреть на смутьяна, который нагло посмел баллотироваться в международную академию без благословения Высокого дома. Он еще позвонил мне на следующий день, спросил, что я думаю о теореме Бейеса. Не иначе, как и это было связано с графическими материалами! Хотел он меня окончательно убедить, что мной интересуются. А ответил я ему уклончиво, на поводу у него не пошел.

А Розенфельд? Крупный ученый, геометр и знаток арабской математики (выучил арабский язык!), но, со слов болтуна-Володарского, в сильнейшей степени небрежный в исторических работах (и бабник) и потому едва терпимый Юшкевичем. Такой же болтун, но вот о визите ко мне *режиссера* ни словом не обмолвился ... Жил где-то в США, почти ослеп, но публиковался до последнего времени, недавно умер. Не знаю, был ли он стукачом, но вообще-то спрашивал себя: сколько же их было *на душу населения в стране* (и сколько сейчас)? В 1946 г. одноклассник по русской школе, Юра Розенберг, пересказал мне слова своего болтливового товарища *из органов*. “Видишь ларек, двое капустой торгуют? Так вот, один-то уж наверное из наших” ...

17. Родная партия

Пять лет (1980 – 1985), вплоть до получения пенсии, я нигде не работал. Пора сказать: был я кандидатом партии с 1946г., – не понимал-таки, что почём, да и трудно было офицеру оставаться беспартийным, – а затем стал и членом партии. В те тяжелые годы обращался за помощью в райком партии и даже на самый Олимп, но только для вида: знал, что ничего они не сделают. Не посетил за то время ни одного партийного собрания, приезжал в МИНХ раз в месяц и, как не имевший заработка, уплачивал 2 копейки членских взносов.

Меня неоднократно предупреждали об ответственности за нарушение устава (и заочно ругали на собраниях, отмечая при этом добросовестную уплату взносов), я же неизменно отвечал: раз не работаю, то нет смысла посещать. Обошлось, быть может ввиду моих международных связей, а вообще-то мог бы попасть в книгу рекордов: пять лет в полном отрыве от родной партии, *от ума*,

чести и совести нашей эпохи! Достиг пенсионного возраста, снялся с партучета в МИИХе (они уж совсем было собрались мной вплотную заняться, да проще оказалось потерпеть еще месяц), пошел с той же целью в райком партии, там узнали, что я пять лет не работал. Сказать ничего не сказали, но посмотрели как на врага народа.

Стал на учет по месту жительства, там вообще кроме взносов ничего не требовали, а в 1990 или 1991 г. выкинул я свой партбилет. Позвонили мне, напомнили про взносы.

“Я больше платить не буду”. – “Тогда сдайте партбилет”. (Так вот что, массовый, стало быть, отток!) – “Я его выкинул”. – “Вы должны были подать заявление”. – “Так подайте на меня в суд”.

Второй звонок от другого деятеля той же парторганизации. – “Почему же Вы так поступили?” – “Пять лет был без работы, с меня хватит”. – “А почему так случилось?” Объяснил популярно. Попросили разрешения придти для душевспасительной беседы, но я отказался. Всё.

А ведь году в 1969-м выбрали меня в партбюро факультета, и не было никакого повода отказаться. Помню одно только: выбирали обычно в президиум факультетских собраний своё же партбюро, а я два раза оставался в аудитории. Но указали, указали мне, что не положено так поступать. Вспоминаю также собрание небольшой партгруппы, возможно еще в институтской лаборатории, под председательством Абалкина. Рассматривалось персональное дело одного из нас (родственника известного историка математики И. К. Андропова). Уехал он самовольно на несколько дней из Москвы, т. е. прогулял, а вернулся со сломанной ногой. Я сказал, что может быть ноги с него хватит, но нет! Нога – дело частное, к партии, к нашему рулевому, отношения не имеет, *другой зарок дала великая, негнущаяся партия!* Всыпали ему на всю катушку.

Взыскание же партийное было делом серьезным. *Снять* его можно было через какое-то время, если усердно выполнять партийные поручения, а до того ни о каком повышении по службе помышлять нельзя было, да оно как-то вообще принижало, притом трудно было с ним другую работу найти. А поручения были технические (ими я старался ограничиваться), как, например, проверка правильности уплаты взносов по документам, но упор был на идеологические: сделать доклад о каких-то партийных решениях, агитировать на выборах (вот именно: на выборах без выборов) и т. д.

Верно Маяковский подметил: *негнущаяся*, потому и распалась. А вот Абалкин и иже с ним вполне согнулись, а понадобится – снова разогнутся, лист Мёбиуса изобразят, – гладко перейдут с одной стороны поверхности на другую, а оттуда – обратно.

Не сумел Горбачев партию согнуть, так ведь всё государство надо было *перестроить*, тоже было немислимо. Его распад был неизбежен, и я решительно отказываюсь согласиться с тем, что это оказалось *катастрофой*, да еще *века*.

Вот горбачевский референдум 1991 г. и сведения о нем из Википедии. Вопрос был поставлен так:

Считаете ли вы необходимым сохранение СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?

Настолько несбыточным было подобное обновление, что вполне можно было бы добавить: ... и в которой вы станете маршалом/женой маршала? И мысленно объявить: *Тогда пойдет уж музыка не та: у нас запляшут лес и горы!*

И вот результаты: участвовало 79.5% имевших на то право, из которых 76.4% ответили на вопрос положительно. Можно по-разному оценивать эти цифры, но главное совсем в другом: “органы власти” шести союзных республик из 15 (Армении, Грузии, Молдавии и всех прибалтийских республик) воспрепятствовали проведению референдума! Читай: республиканские партийные власти перепугались и не стали проводить референдум с благословения Москвы. А как было на Западной Украине? Неизвестно. Лет за десять до этого прочел какой-то высший украинский партийный деятель доклад на русском языке. Знакомый спросил: почему не на украинском? “Своровал бы я миллион, так может и обошлось бы, но после доклада на украинском языке меня бы тут на следующий день не было”.

Распад Советского Союза стал неизбежен, его нельзя было бы остановить даже железом и кровью. Попробовали ведь, правда, в мелком масштабе в Прибалтике (застрелили *всего лишь* человек 12), политический же результат оказался противоположным тому, которого ожидали *несгибаемые, ничего не забывшие и ничему не научившиеся*.

Вот, кстати, мнение высокопоставленного казахского чиновника, высказанное примерно в 1996 г. российскому еврею: занимал он высокую должность в Москве, “но всё равно считали меня чуркой, а тебя – жидовской мордой”.

Выход республик из Союза? Была задумана для этого (впервые с момента образования Союза в 1922 г.!) процедура, рассчитанная лет на шесть (и разрабатывал ее всё тот же Абалкин), и еще до референдума, в 1990 г., был принят закон о порядке выхода, но поздно, поздно спохватились, и взорвался Союз.

И вот малоизвестный эпизод. В 1936 г., в канун Большого Террора, Чрезвычайный 8-й Всесоюзный съезд Советов принял конституцию, разумеется, сталинскую, самую демократическую (на бумаге) в мире. Был вначале опубликован ее проект с просьбой обсудить его, ну, и посыпались поправки. О конституции и о предложенных поправках докладывал на указанном съезде Сталин. Согласился с тем, что воинскую *повинность* правильнее называть *обязанностью* и еще кое с чем, но отказался преобразовать автономную республику немцев Поволжья в союзную, т. е. уравнивать ее в правах, например, с Украиной. Да, действительно, эта автономия по всем статьям превосходит (тут он назвал какую-то среднеазиатскую союзную республику, упомянутую немцами), но ведь ей выходить-то некуда! Вспомнил он о фактически не существовавшем праве на выход из Союза!

И также в канун Большого Террора, в том же 1936 г., выдал Лебедев-Кумач песенку с особой строкой: *Жить стало лучше, жить стало веселее ...* И повторил ее Сталин, вставил только слово одно: *Жить стало лучше, товарищи, жить ...*

18. Семья

Эти же пять безработных лет я усиленно продолжал свою научную работу и даже мысленно благодарил Мочалова за эту возможность. И снова пора сказать: был я женат с 1957 г. Моя покойная жена, Ида, урожденная Блоштейн, не пилила меня, понимала, что работу мне не найти, а деньги на ветер никогда не бросала. Ида где-то работала, и были какие-то сбережения, к тому же достались мне деньги после отца, кое-как дотянули до моей пенсии. Из своего *почтового ящика* Ида ушла по моему настоянию: и сын, и я были настроены на выезд, и надо было ей заранее отойти от секретов, хотя лично она несколько к ним не была причастна.

В детстве, при матери не от мира сего, да еще при двух старших сестрах, она почти голодала, всю жизнь ценила каждый кусок хлеба. Ее отец натерпелся от власти и рано умер. Лишили его избирательных прав, а в те времена это означало: *нежелательный элемент*, вполне могли из Москвы выселить с семьей вместе. Написал он письмо Горькому, просил помочь. Чем это кончилось – не знаю, но в Москве остался.

В 1989 или 1990 г. Ида стала адвентисткой. Я познакомился с некоторыми московскими адвентистами, вполне достойными и знающими древнюю историю людьми. Евреям они говорили: приходите к нам, станете вдвойне избранными. Здесь, в Германии, пыталась Ида посещать синагогу, но немецкий, тем более древнееврейский, язык стал серьезным препятствием. Перешла к мормонам, многие из которых заслуживают всяческого уважения, особенно искренне верующие и не получающие ни гроша молодые проповедники. Два года они служат своему делу, а послать их могут (в основном из штата Юта, в США) куда угодно.

Ида умерла в 2004 г. Был рак молочной железы, – обошелся сравнительно легко, но надо было пять лет принимать профилактическое лекарство. Через три года одолели побочные действия, попросила отменить его, и врач, вместо того, чтобы дать недели две отдохнуть, отменила совсем, я же почему-то не стал возражать. И снова рак, на этот раз неизлечимый. Нельзя доверять слишком добрым врачам! И добрые-то они быть может потому, что скрывают свое невежество. Но добавлю: с 1994 г. жила Ида с искусственным митральным клапаном, операцию в Кёльне перенесла, а вот в России вряд ли сумела бы долго еще прожить.

Я сам чуть не умер еще в Москве, потому что запомнил случайно услышанное замечание нашего невежественного участкового врача: – Аппендицита у Вас никакого нет, Вы бы сразу его почувствовали. А я вот заболел и почти ничего не чувствовал. Лишь через несколько дней догадался ткнуть себя пальцем в живот, а еще бы день прошел – и не спасли бы.

Наш сын Михаил (назван был в память умершего дяди), ни слова не знавший по-немецки, успешно занимается своим делом, к своим родителям, а теперь ко мне, относился (относится) действительно как родной сын, иначе сказать не умею; без его материальной помощи моя научная работа захирела бы, да и сам я оказался бы в скверном положении. Вот один только пример. Ортопед избавил меня от пяточной шпоры, надеюсь, пожизненно, но за три процедуры (которые он, правда, сам лично и проделал) заплатил я 258 евро. За желательные (частично и за необходимые) лекарства надо платить, и немало, раньше они были намного дешевле, да и доставались они нам, *социальщикам* (живущим на социальное пособие), гораздо чаще бесплатно.

А ведь я сравнительно здоров. В Москве начал когда-то заниматься штангой в секции *Крыльев Советов* на ул. Правды. Как-то пришел к нам потренироваться известнейший штангист, Гр. Новак. Коренастый, спина широченная, *лошажья*, как сказал наш тренер. Зашли за ним жена с двух- или трехлетним сынишкой, вышли они вместе, Новак нес сына подмышкой.

Не вышел из меня штангист, сердце не позволило, и даже бадмингтон оказался не под силу, но сумел бегать. Начал, когда еще моды такой не было, Ида боялась, что меня за сумасшедшего примут. Жили мы возле стадиона *Динамо*, я до него добежал за несколько минут, дважды обегал его и обратно домой. Занимало это минут 40 ежедневно, без выходных. Столько же пробегал (и в Германии тоже) лет до 72-х, затем начал постепенно сокращать дистанцию. Теперь хожу быстрым шагом вдвое дольше, продолжаю зарядку минут на 60, думаю не о том, чтобы съесть еще кусок, а как бы ужаться.

Еще в Москве перенес *мужскую* урологическую операцию. Беседовал в больнице с живым и приятным евреем, бывшим главным механиком атомного ледокола *Ленин*. Таких людей можно только уважать, но вот лет за пять до того перенес он такую же операцию, с тех пор почему-то ежегодно в больнице каким-то неприятным процедурам подвергался. Осмелел я, на морской язык перешел:

– “Вы уже давно дрейфуете, не вынесет ли Вас на скалы? Что если Вам уехать, может быть *там* лучше лечить будут?” – “Неудобно, я же участник (войны)”. – “А они не участники?” – “Надо будет с семьей посоветоваться”.

Внук Александр попал в Германию в четырехлетнем возрасте. В детский сад не хотел ходить: пусть, мол, все дети вначале выучат русский, но привык. Вскоре я спросил его: нравится ли ему Германия? Нравится, потому что ходит в детский сад и получает *ташенгельд* (карманные деньги). Немецкий стал его родным языком, и он закончил университет. Для иностранца, русским он владеет прекрасно.

19. Снова о науке. Монография

Для включения в задуманную монографию по математике XIX в. требовалась глава по теории вероятностей, и Юшкевич попросил Гнеденко написать ее. Тот сказал, что без меня писать не будет; спросили и меня (быть может вначале), я же сказал, что без современного математика писать не могу. Ну, тут нас и объединили. Я написал вчерне почти всё, но разделы, описывающие труды Чебышева, Маркова и Ляпунова, основал на статьях Гнеденко, а он к тому же написал Введение и Заключение и всё просмотрел. Одна моя фраза ему очень понравилась, – его собственная, которую он употребил в своей давнишней статье. Я ему так и сказал, он ответил: не помнит он ее, но фраза хорошая. Зашла почему-то речь о каких-то перпендикулярах, я сказал *восставить*, Гнеденко же помрачнел: знать, хотелось ему, чтобы я ошибся, он бы меня поправил.

Признаюсь, что долгое время уверенно говорил я *восстановить*, и ошибку заметил директор школы, А. М. Петров, в которой я преподавал. Рассказывал Петров, что 18-ти лет поехал он в командировку, а в выписанном удостоверении дату неверную ему указали. Схватили голубчика, в какой-то подвал сунули. Оттуда на расстрел выводили, и вот и его выкликнули.

Вовремя вспомнил он, что фамилия у него слишком обычная, оказалось – не его вызывали, другой Петров им понадобился ...

Попала наша рукопись к первому редактору, Колмогорову (вторым был Юшкевич), который нашел несколько моих ошибок (не замеченных Гнеденко) и напрасно полностью вычеркнул описание варианта введенной Лапласом дельта-функции Дирака. На современном языке обобщенных функций появившийся у него интеграл, как я позже понял, не имел смысла, но исследование было очень интересно с исторической точки зрения, к моему комментарию надо было просто добавить одну фразу. Гнеденко, я бы сказал, с рабской покорностью воспринял все решения Колмогорова, и статья пришла к Юшкевичу. Тот внес свои дополнения и несколько подправил нас.

Об этом исследовании Лапласа я докладывал на семинаре в МГУ, и неладное заметил только Розенфельд. Юшкевич заявил, что всё понятно, Розенфельд спорить не стал, остальные промолчали (разобрались или нет?). Розенфельд мне как-то сказал, что, будь воля Юшкевича, давно стал бы я доктором наук. Он же сам, надо сказать, меня перед Юшкевичем всячески старался принизить, не по специальному ли заданию?

Переводил я совместную статью *Геометрия* Юшкевича и Розенфельда. Попросил меня А. П. об этом, когда я очутился без работы, захотел заключить с ним трудовое соглашение, но он почему-то отказался, дал переводить кому-то другому. Перевод забраковали, А. П. снова ко мне, а я уже пришел в себя, начал переводить. Какой-то редкостный геометрический термин не стал разыскивать, подумал, что Розенфельд сразу его впишет. Он так и сделал, но не преминул сообщить Юшкевичу: а Шейнин-то и не знал этого ...

Гнеденко отнесся ко мне двусмысленно. Зная, что мое пребывание в МИНХе уже было под вопросом, он по собственной инициативе написал мне хорошую характеристику (которой я не смог воспользоваться) и дал мне телефон Колмогорова. Тот, правда, со мной говорить не стал: сказал, что прежде, чем помогать, нужно было бы посмотреть документы, а когда я что-то начал отвечать, просто положил трубку. С другой стороны, тот же Гнеденко попытался присвоить себе весь гонорар за главу, а знакомый историк математики сказал мне, что такие случаи бывали с его соавторами и раньше.

Хотел Гнеденко продолжать сотрудничество со мной, но я уклонился. Зачем нужен мне был современный ученый, который не замечает моих ошибок? Пытался и Юшкевич меня уговорить, быть может с его подачи, потом сказал кому-то, что от моего отказа Гнеденко пострадает больше, чем я сам.

Монография вышла в 1978 г., а в 1992-м была переведена на английский, притом нашу главу я перевел сам, а в 2001-м году вышло второе английское издание. Примерно в 1980-м году ее уже переводили на английский. Я узнал об этом, пошел в ВААП, сказал, что хотел бы сам переводить “свою” главу. Ну, нет! Нам даже неудобно, мол, ввязываться в дела иностранных издательств ... Так ведь чиновникам ничего не нужно было. Я всё-таки обратился в это

известнейшее издательство (Биркхойзер), но было уже поздно. Переводы отдельных глав начали приходиться к Юшкевичу, тот переправлял их соответствующим авторам, сам смотреть ничего не стал. Все авторы одобрили переводы, дошла очередь до нашей главы. Так ведь не Гнеденко же беспокоить, попросили меня проверить. Я посмотрел, ужаснулся и полностью забраковал работу, и поэтому (новый) перевод всей книги вышел в свет гораздо позже.

До сих пор не пойму, как могло издательство довериться явно случайному человеку, историку, который ничего не смыслил в математике. А почему другие авторы одобрили несусветную чепуху? Во-первых, английского толком не знали, а во-вторых, полагаю, были в восторге, что станут известны всему миру. С тех пор прошло немало времени, но и теперь, здесь, на Западе очень мало ведь кто читает по-русски, и Россия не может поэтому полностью принадлежать международному ученому сообществу.

Второе английское издание появилось для меня неожиданно, и такова, кажется, обычная европейская практика: переиздавать поспокойнее и побыстрее, читателям преподносить, стало быть, устаревший материал. А ведь могут авторы хотя бы дополнить библиографии, выправить ошибки, быть может чуть что-то добавить, да куда там! Один из переводчиков, который и ходатайствовал о переиздании, что-то, правда, исправил в “своих” главах, но это никак не оправдывает появившейся на титульном листе надписи “Второе пересмотренное издание”.

20. Париж

В 1990 г. меня, уже члена Академии, пригласили в Париж для научных докладов. Паспорта нам с Идой добыл, кажется, сын, – наступило, ведь, смутное время. Давно уже умер Андропов и вот эпизод из времени царствования этого (по твердому убеждению нынешних коммунистов) демократа. Пожилой москвич ляпнул неподобающий анекдот. Пронюхали, вызвали, – прийти с паспортом. Пришел, отдал паспорт, получил пропуск, зашел в кабинет. Долго ему читали нотацию, он слезно извинялся. Отпустили, пропуск подписали. Сдал пропуск, получил паспорт, с легким сердцем домой пришел. А на следующий день заявился участковый милиционер: – Почему без прописки проживаете? – Как без прописки, вот мой паспорт! А там штамп появился: выписан. Куда же деваться? Да, демократ, но только по сравнению с Исчадием ада, но не больше того.

Так вот, визы надо было нам получать во французском консульстве, но где же оно? В телефонной книге ни посольства, ни консульства не значились, в справочном киоске тоже не знали. Тебе нужно? На самом деле? Так ступай в Министерство Всеобщей Люб... то бишь иностранных дел. Там скажут, если сочтут нужным, но выпросят: зачем, кто таков, где живешь, работаешь? Но родилась уж частная справочная, узнал я адрес, пришел, увидел, получил.

Прочел я в Париже два доклада, оба на английском языке. Ходили по городу, Бульвар Сен Мишель, Эйфелева башня. Нет, наверх не забирались. Чкалова, знаменитого летчика, приземлившегося после беспосадочного полета в Америке, спросили: что чувствует он здесь? Будто бы ответил: тоску по родине. Я чувствовал тоску по работе, Ида же была почти на седьмом небе. Приехал повидаться с нами чудесный англичанин и

серьезный ученый, Билл Фейрбрадер, был на одном из моих докладов, спросил что-то. Я говорю: до сих пор думал, что владею английским. Французы тихонько захихикали, он же смутился. Повторил свой вопрос, уже на литературном языке, а не на диалекте.

Сходил в консульства Англии, США, Канады, узнавал о возможности иммиграции, но ничего путного не вышло. Уже в Москве с той же целью сумел попасть в английское консульство, долго говорил с кем-то, цитировал Лонгфелло (о котором тот не слышал). Итог: Да, мы согласны, но за пределами России у Вас должно быть двести тысяч фунтов. Почему-то не оказалось.

Уже здесь в Германии долгое время жили в Кёльне в гостинице при непрерывном шуме с улицы, а могло быть гораздо хуже. Селили даже “на пароходе”, на каком-то судне, стоявшем у причала на Рейне, в отвратительных условиях, соседями притом иногда оказывались арабы, ненавидящие евреев с пеленок.

Но нашли мы квартиру. Много было желающих немцев, но за наши красивые *глаза* выбрал нас домовладелец. Приехал к нему на другой день, говорил с ним по-английски, он – на хойдойч, и я всё понимал. Вроде бы всё выяснили, но стал он в Еврейской общине спрашивать: – что здесь этот Шейнин делает? Ведь он завтра же в Англию переедет. – Никуда не уедет, пособия там получать не будет (недаром двести тысяч надо было иметь). И вот оно, счастье: четвертый этаж без лифта, печное отопление, уголь в подвале. Так начинали.

21. Статистическое общество

В 1991 г. неожиданно получил я по почте диплом почетного члена лондонского Королевского статистического общества. Высокая честь, в свое время ее удостоился Чупров, а затем Колмогоров. Подозреваю, впрочем, что большинство таких членов оставалось свадебными генералами. Меня, во всяком случае, ни разу не приглашали выступить с докладом, ни с какими пожеланиями не обращались, сам я лишь опубликовал два или три письма в ежемесячном информационном бюллетене Общества.

И вот в 2005 г. в журнале Общества появилась статья двух авторов, посвященная работе Де Моргана, крупнейшего логика XIX в., кое-что сделавшего и в теории вероятностей. Послал я туда же заметку крошечного объема, указал, что в одной статье Де Моргана, на которую авторы сослались (указав, притом, неверную дату ее публикации и произвольно охарактеризовав ее содержание в одной фразе), он разъяснял, сколько раз произойдет событие, вероятность которого равнялась 2.5. Чушь собачья! По определению, не может вероятность превысить единицу. От журнала ни слуха, ни духа; через несколько месяцев начал их теревить, но получал лишь отписки типа “Авторы, кажется (!?) еще не прислали своего ответа на Ваши замечания”. Написал Президенту, тот отмолчался; решительно спросил редакцию, был ли дан авторам предельный срок. Ответ: “Мы” решили отклонить заметку, поскольку Вы уже опубликовали свою критику Де Моргана. Да, опубликовал, и упомянул это в своей заметке, так что ее можно было бы отклонить на полгода раньше. А по существу

авторы схлестурили и ввели читателей в заблуждение, а моей заметки они, стало быть, и в глаза не видели, притом без всяких *кажется*. Я отказался от своего почетного членства, и случилось такое быть может впервые в истории Общества, существующего с 1834 г. Напоследок мне сообщили, что всё это будет обсуждаться на Совете Общества, члены которого безусловно выразят свое сожаление (и прольют крокодиловы слезы?), и что я всегда смогу вернуться. Вернусь непременно, как только эти “мы” извинятся за свое издевательство, и произойдет это обязательно, пусть только приедут турусы на колесах. Вот что означает охрана чести научного мундира!

Недавно увидел я в книге вдовы Де Моргана текст его письма 1842 г. Дж. Гершелю (ответа которого не было) с указанием *несомненных* (и никак не поясненных) истин, а проще сказать, математических сапог всмятку: $\sin \infty = 0$, $\operatorname{tg} \infty = \pm 1$.

22. История науки

Мне 88 лет, я продолжаю свою научную работу. Вижу в истории теории вероятностей невероятное невежество в сочетании с самоуверенностью. Специалист по древним языкам перевела *Искусство предположений* Якоба Бернулли на английский язык, подтвердив, что *Беда, коль пироги начнет печи сапожник!* Она же взяла с потолка выходные данные русского перевода 4-й части *Искусства*. Другой, с позволения сказать, историк науки, опубликовал негодную биографию Карла Пирсона, прикладного математика, статистика и философа, и мимоходом заявил, что даже математики не могут доказать четвертого измерения. Есть и российский самородок с замашками Хлестакова, измышляющий закон больших чисел Кардано – Бернулли и вообще переворачивающий вверх дном всё, что попадет на глаза. Кардано, если он и сформулировал элементы закона больших чисел, то не обосновал их, а потому мог бы притязать на соавторство еще меньше, чем Гук, – на закон всемирного тяготения, который знал его формулу, но не обосновал ее. И нет на них никакой управы. *От блох не стало мочи, не стало нам житья!*

Статью свою самородок опубликовал в *Историко-математических исследованиях*, членом редакционного совета (т. е. снова свадебным генералом) которого я был, рекомендовал ее известный современный математик, либо полностью безразличный к истории науки, либо не понимающий в ней ни бельмеса, и вышел я из совета. Жалею, что с опозданием отпустил меня редактор журнала. Но как же он пропустил галиматью? Порядочный человек, но теорией вероятностей не занимается, – это одно. Главная же причина, видимо, в том, что боялся ссориться, могут, ведь, и съесть. Была для моего выхода из редакционного совета еще одна причина: сотрудники редакции воспринимали меня только как автора. Попытался я как-то предложить по телефону что-то изменить в принятой форме библиографических описаний, но мне сразу дали понять, что сунулся я в чужой монастырь.

Общественное мнение научного мира? Оно молчаливо поощряет мошенников. Трусделл рассказывал мне, что он попросил автора

рукописи, которую принял один из его со-редакторов, пересмотреть ее, тот же нагло заявил, что Трусделл отстал от жизни. Статья вышла (пришлось опубликовать), но затем другой со-редактор в том же *Архиве* раскритиковал ее. Автор промолчал; он и сейчас жив и в большом почете. Гораздо отвратительнее дело Стиглера, полубога статистиков, который оклеветал память Эйлера и Гаусса (и допустил иные недопустимые поступки). Я оказался единственным, назвавший вещи своими именами, но многие в частном порядке выразили мне свое неудовольствие; память о величайших ученых для них ничего не значила, живая собака важнее мертвого льва! Говорят, что многие американские доброхоты требуют гуманного отношения к схваченным убийцам, но редко вспоминают о семьях их жертв ...

Совсем неважно обстоит дело с реферированием. *PЖ Математика*, который, кажется, снова встал на ноги, здесь неизвестен, читают *Math. Reviews* (хотя ввиду его дороговизны отказались многие здешние библиотеки и от него, и от его электронного варианта) и *Zentralblatt MATH*. Давно заметил, что рефераты книг, да и журнальных статей, нередко просто негодны, что вызвано ограниченными материальными возможностями реферативных журналов, но также и непониманием важности этой научной деятельности. Вспоминаю *Новые книги за рубежом*: рефераты писали серьезные ученые, и относились они к этому занятию как к настоящей научной работе, здесь же такое отношение встречается редко. И это тем более отвратительно, что солидные издательства не брезгают дрянью публиковать, вспомним историю с переводом монографии, (п. 19).

Один из моих рефератов этот *Zentralblatt* потребовал обкарнать: я посмел назвать публикацию негодной книги *скандальной*. А дело-то в том, что издательства бесплатно рассылают экземпляры своих выходящих книг редакциям различных журналов. Помести объективную информацию о книге – посылать больше не будут! Что тут можно сказать?

В тяжелом положении оказалось, видимо, большинство научных обществ. Почти единственный источник поступлений – членские взносы, так что принимают они к себе чуть ли не всех желающих. И дошла очередь до нашей Академии по истории науки. Недавно прошли в ней выборы, получил я оттуда бюллетень для голосования. Выбрать надо было не менее столько-то из числа намеченных без должного обсуждения, иначе же голос окажется недействительным. Сообщил, что на таких условиях голосовать отказываюсь.

История науки – тыл современных исследований, он осмысливает и закрепляет завоеванные пространства и позволяет чуточку осветить предстоящие кампании. От своих воинов он требует знания языков (желательно и латинского, иногда и арабского, не говоря о русском), бережного отношения к нашим классикам и хотя бы общего понимания о положении в передовых окопах. Последнее вполне может ослабеть с годами, с изучением старого, но ведь даже Евклида и Аристотеля полагается комментировать на современном языке. Что, всё это давно

известно? А слышал ли ты, что каждое поколение заново открывает для себя Шекспира? Ну, то-то! И исключительно ценны те историки науки, которые хорошо владеют и современностью, чего о себе, к сожалению, сказать не могу.

Более непосредственно история науки используется при составлении биографий ученых для энциклопедий, при комментировании собраний сочинений классиков и для педагогических целей: она способна особо воодушевлять студентов, и во всяком случае помогает им понять суть нового. Известно ведь, что для лучшего восприятия теории на нее следует посмотреть со стороны (и с тыла).

Трудно несколько десятилетий оставаться в гуще современности, а вот в тылу можно работать гораздо дольше. В идеале хорошо бы исследователям исподволь готовить себя к новой роли, потому что сразу перейти в тыл очень трудно и вот пример. Был на нашей кафедре в МИНХе профессор Л. Б. Новак, как-то сказал он несколько слов о В. П. Ветчинкине, ученике Н. Е. Жуковского, с которым имел какие-то контакты. Я говорю: хорошо бы Вам написать статью о Ветчинкине, может быть чуть и о Жуковском. – Ну, придется сравнивать их, а это дело тонкое ... Вот так пропадают ценные свидетельства современников. Интернет стал могучим подспорьем и в нашей работе, но он и мешает: внимание невольно обращается только на последние публикации, старое и добротное часто упускается, и особенно это следует иметь в виду новичкам тыла.

Мне удалось раскопать неизвестные факты и вообще написать не существовавшую историю теории вероятностей и теории ошибок (и, в большой степени, статистики), притом с охватом приложений к естествознанию, потому что исследовал проникновение статистического метода в различные ветви естествознания. В масштабе истории математики это – совсем немного, но для одного человека – очень неплохо. Желаящие могут ознакомиться со многим из этого, просмотрев мою страничку www.sheynin.de, которую Google недавно полностью перенял, см. Oscar Sheynin.

Всего вышло в свет 4 мои книги и около 150 статей, и перевел я очень многое и с русского на английский, и с европейских языков на русский. Особо горжусь переводом на английский язык части 4-й *Искусства предположений* Якоба Бернулли. Исходил я из русского, французского и немецкого переводов латинского оригинала, сверил с ним насколько смог свой текст, удостоверился: моя компиляция оказалась лучше каждого перевода, указанного выше. Об отвратительном позднейшем переводе *Искусства предположений* я упомянул выше.

Находясь в Германии, опубликовал я в различных изданиях 45 статей на английском языке и три из четырех своих книг, а также 11 статей из общего числа 19, вышедших в *Историко-математических исследованиях*. Добром рассчитался, надеюсь, и с народом, за счет которого стал человеком и научным работником, и с тем, который содержит меня вот уже 24 года и к которому я теперь *официально* принадлежу.

23. Снова Германия

Приехали мы с Идой в Кёльн по приглашению, выпрошенному сыном у кого-то, сам он был уже там, а семья приехала к нему позже. Сравнительно легко сумел попасть в посольство ФРГ за визой, помог профессор Дитц, только что вышедший на пенсию директор тюбингенского Института медицинской биометрии. Начал он со мной переписываться после выхода в свет моей статьи об истории медицинской статистики (см. конец п. 22); интересовался он историей математической статистики, но заняться ей всерьез так и не мог. Так вот, прислал он мне по моей просьбе какое-то, помнится, научное приглашение, и в посольство я попал сразу же, минуя громадную очередь желающих.

Приняли нас в кельнскую еврейскую общину, раввин благоразумно ограничился нашим заверением, что мы *тяготеем* к иудаизму. Пошел я к властям просить разрешения остаться. – Земля Сев. Рейн – Вестфалия уже приняла в этом году ... человек (назвал он сколько-то тысяч), у нас не приют. – Мы – члены кёльнской Еврейской общины. – Другое дело. Говорил я с ним по-немецки, по-английски не захотел он. Получили мы *Дульдунг* (*Допущение*; нас терпят), вместе с ним и пособие, а через несколько месяцев окончательно разрешили нам бессрочное пребывание.

Демографическое положение Германии отвратительно; рождаемость слишком низкая, население быстро стареет. У немецких туток в этом смысле как раз всё в порядке, и по крайней мере в Берлине они понемногу вытесняют немцев, но погоды они не делают. Очень нужен постоянный и мощный приток извне, а его-то и нет. Даже высококвалифицированным иностранцам трудно переселиться сюда, власти же не могут не понимать этого, но видимо боятся мнения простых немцев, – те же напрасно опасаются безработицы. Иностранцы заполнили бы пустые ниши, а специалисты создали бы новые рабочие места.

И склад ума немецкий никак не способствует делу. Говорил мне когда-то русский, переселившийся в США лет 40 назад, со слов американца: раз он не собирается возвращаться в Россию, то должен считать себя американцем. Но вот интересно свидетельство А. А. Чупрова, который в письмах 1920 г. из Берлина сообщал, что к русским эмигрантам отношение очень хорошее: немцы боялись своих большевиков и русских даже “слишком уж за своего считали”.

И вот еще крохотный эпизод на ту же тему. Бегал мальчишка по площадке (не вполне ясного назначения) возле дома, случайно забросил мячик за ограду участка многоквартирного дома. Можно ли ему перелезть туда за мячиком? Француженка, много лет проживавшая в Германии, сказала: – Во Франции можно было бы, здесь лучше не надо. Не поймут немцы этого.

В Англии разрешено всё, кроме запрещенного; в Германии запрещено всё, кроме разрешенного; во Франции разрешено даже запрещенное; в России запрещено даже разрешенное.

Но вот выдержка у немцев завидная. В кассе, на выходе из магазина, очереди небольшие, но бывает, что с кем-то кассирша долго возится, и тогда все стоят, молчат, понимают. Подойдешь к кассе с одиночной покупкой, например, с двумя пачками молока – вперед пропустят, даже просить об этом не надо. Хочешь понабрать

продуктов побольше, хоть пять тележек заполнить – всегда пожалуйста! Изобилие, вот только цены растут. А как-то на вокзале сотрудница справочной службы с кем-то минут 15 провозилась, и хоть бы кто-нибудь слово сказал!

Получаешь *социал*? Открой счет в любом банке, тебе на него пособие переводить будут, подпиши только разрешение на проверку счета, – не слишком ли много денег заимел, откуда? Кассирш почти ни в одном банке не осталось, деньги берут в банкоматах, да кладут на счет в автоматах, без помощи рук человеческих, а в других автоматах можешь узнать, сколько денег у тебя на счету. В почтовых отделениях почтового банка всё это могут сделать и живые люди. Поинтересуешься наличием денег, тебе покажут на экранчике, да так, что кроме тебя никто суммы не увидит. А у окошка стоит только один человек, в затылок ему никто не дышит, дистанцию положено соблюдать.

Существуют степени шапочного знакомства. Заходит немец в лифт, в котором ты спускаешься из квартиры на улицу, – поздоровается, но увидишь его возле дома – не заметит. А уж если заметит, значит, чуть лучше к тебе относится.

Читал когда-то про Японию: приехал туда иностранец, решил написать книгу об этой стране. Через месяц понял, что осилит только статью, а через год вообще отказался от своей затеи. Похожее, наверное, можно сказать про любую страну, и я могу предложить только отрывочные впечатления.

Чтобы попасть на прием к чиновнику, приходится посидеть в приемной, но всё происходит чинно-благородно. Подходишь к автомату, отрываешь талончик с номером и смотришь на табло. Высветился твой номер, и звоночек раздался – заходишь в кабинет. Чиновники, кстати, относились к нам по-разному. Были человеческие, но были и явно враждебно настроенные, иногда к *русским* вообще. Один из них сказал что-то вроде – *А, вы из России ... Давай-давай, работай!* Это *давай-давай* я несколько раз слышал. Вот англичан немцы уважают, видимо чувствуют какую-то связь с ними, Россия же осталась в стороне.

Я этим обстоятельством стараюсь пользоваться. Пробыл недавно несколько дней в больнице, разговаривал с врачами, сестрами и даже уборщицей по-английски (очень многие немцы говорят и понимают, хоть далеко не всегда достаточно хорошо), и отношение ко мне было несколько особым. Говорил бы на *своём*, всё-таки ломаном немецком – совсем не то было бы. Не занимался я здесь немецким, газет их не читаю, программы не смотрю (а леонтьевых и *Больших стирок* терпеть не могу), и без того перебивает этот язык мой английский, на котором я составляю многие свои статьи.

Научные доклады очень часто на английском языке читаются, и вопросы-ответы тогда тоже на английском, и никто этому не удивляется. Я сам прочел их немало в разных городах, все на английском. Говорят, что научную литературу многие немцы стали охотнее читать на английском, а не своем родном языке.

Многие английские слова восприняли немцы. Помимо вездесущего *okay* привились, например, *clever* (умный, с хитринкой), *ticket* (билет), *last minute* (последняя минута). Аналогичный процесс идет и в

России. Чего стоит один только *ваучер* (Солженицын предложил *пай*) или *трани* (доля), употребляемые даже в телепередачах (Чубайс). Не лучше и другая крайность, видимо, бессознательная: *отнюдь* (Гайдар).

Отношение к русским иногда отвратительное. Один учитель в Кёльне перед всем классом заявил, что *русским* никогда хорошей оценки не выставит. Специалистов русских часто не ценят (иногда, впрочем, обоснованно). Учительница музыки подыскала себе место, пошла к властям за направлением, но место отдали безработному немцу, она же продолжала получать пособие (и работать по-черному уборщицей).

Не иначе как в любой стране тупых и жестоких чиновников вполне хватает. В России, где-то в провинции, отобрали недавно у женщины паспорт: должна была ее фамилия писаться через *ё*, а написано было *е*. Здесь, в каком-то городке размещали вновь прибывающих евреев, но через какое-то время подогнали автобусы. – Садитесь, будете жить в соседнем городе. Почти все отказались, побоялись, что хуже будет. Уехали автобусы, и только после этого им сказали: не захотели в автобусах, добирайтесь теперь своим ходом, завтра всех выселим. Сказать заранее, объяснить по-человечески? Не обязан.

Отправили обратно почти своего же, молодого российского немца. Жил он в какой-то деревне рядом со своим дядей, помогал ему дом перестраивать. – Ах, Вы работали (что-то нарушив), а у нас безработица! Донёс, конечно же, кто-то из соседских всамделишных немцев, охочи они *порядок* соблюдать... *Тащить и не пущать* по-немецки... Недавно видел в метро плакат, не иначе как для поддержки доброго мнения о голубых: родители и взрослые дети улыбаются, радуются: одна из дочерей – лесбиянка, как хорошо! Трудно было бы найти что-нибудь глупее и даже отвратительнее. Да, есть среди нас голубые от рождения, но может ли это радовать их родителей? А есть, думается, и перешедшие в их лагерь по своей воле, захотевшие пощекотать свои нервы, а это уже совсем скверно. Могут, кажется, голубые брать детей-сирот в свои *семьи*, но что станет с подобными приемышами?

Школьные учителя приравнены к чиновникам, а потому неуязвимы. Мой внук, будучи берлинским гимназистом, записал продиктованную формулировку закона сохранения вещества, но ничего не понял в нем. *Я прокукарекал, а там хоть и не рассветай!* Родительские собрания очень редки. Там же, на одном из них, родителям сообщают: кое-кто курит. – А кто именно? – Сказать не имею права, вы сами должны следить. Есть, кстати, такие отморозки (взрослые) – курят в лифте. Видел в лифте курящую маму с младенцем в коляске.

Все мы помнили, что русский язык *велик и могуч* и вроде бы не хуже всех остальных, вместе взятых, но вот здесь, в Германии, усомнился я в этом. Сколько слов было позаимствовано (в основном быть может из немецкого), обратного же заимствования наверняка было мало. И вот словари (все однотипные и изданы были в Москве, количество слов дано было приближенно): *Англо-русский* 1953 г.: 60 тысяч; *Русско-английский* 1985 г.: 55 тысяч; *Русско-немецкий* 1991 г.: 53 тысячи; *Немецко-русский* 1992 г.: 95 тысяч; *Франко-русский* 1991 г., правда, только 37 тысяч.

Есть, конечно же, в немецком языке особенности. Говорят они не *семьдесят восемь*, а *восемь и семьдесят*, и я до сих пор не вполне к этому привык. И вот фраза *Я перехожу улицу* звучит так: *Я хожу улицу пере*. Марк Твен сравнил такое раздвоение глаголов с прыжком через Атлантический океан. Ну, океан не океан, а озера встречаются. Существительные надо запоминать с артиклями, и вот немецкая лошадь – среднего рода, и, видимо, никто не знает, почему. Я еще в школе неверно ответил, что лошадь по-немецки женского рода. Неверно? Ну, значит, мужского ... Так нет же, дас пферд, дас пферд!

На обучение приезжих немецкому языку тратятся, должно быть, изрядные деньги, но занятия часто проходят формально, с очень малой пользой, очень похоже на объяснение закона сохранения вещества. Но многое делается добротнo. Высаживают деревья, каждое окружают несколькими толстыми жердями; возле каждого лифта надпись: “При пожаре не пользоваться”. В городе часто видишь надпись: проезд (к дому) для пожарных машин. Загородишь его своей машиной – увезут ее прочь, потом намучаешься. Ни полицейских, ни военных на улицах почти не видно, но случись что-нибудь – полиция тут как тут.

Изредка переименовывают улицы, но старые таблички оставляют с перечеркнутыми названиями. Переименовали и станцию метро; назвалась *Крейцберг* (название района города, ныне части района), теперь называется *Люфтбрюкке* (Воздушный мост), а перечеркнутый Крейцберг сохранили до сих пор. Новое название дали в честь избавления от сталинской блокады Западного Берлина (июнь 1948 – май 1949), первого шага его многоступенчатой Третьей мировой войны; далее последовали Корея, Вьетнам, страны Африки. Денег и продовольствия блокада стоила немало, но далеко не сразу дошло до Великого Авторитета, что пора бы ее закончить.

Иногда, впрочем, пресловутый немецкий порядок дает сбой. Задержала полиция явного жулика с партией контрабандных сигарет, нужно было срочно получить разрешение судьи на арест. Дело случилось в какой-то праздничный день, часы работы дежурного судьи закончились, и отправился он восвояси, жулика же пришлось отпустить. Вообще же, судя по газетам, система правосудия до тошноты либеральна по отношению к малолетним преступникам.

Три семьи проживают в одном и том же подъезде. Объединились, поставили антенну на крыше дома, с домовладельцами договор заключили, возможные убытки возмещать обязались, без разрешения подключились к домоводной электрической сети, дом обкрадывали евро на полтора в год. Через несколько лет заметил неладное наш *хаусмейстер*, потребовал либо антенну убрать, либо счетчик поставить. Предложили уплачивать втрое больше – нет, непорядок. Убрали антенну ... И вот в том же духе. Въезжаете в квартиру, стелите дорогой деревянный паркет на что-то искусственное и дешевенькое. Но будете съезжать – паркет снимете, не то снимет его за ваш счет домовладелец. Всё должно быть таким же, каким оно было! *Умом такого не понять, аршином общим не измерить!*

Но вот Маяковский (правда, о делах *давно минувших дней*):

*Товарищ Иван Ваньч
Ушли заседать:*

(Театрального общества и Главного управления коневодства). И чуть ниже: заседание о покупке склянки чернил ...

Многие работники сферы обслуживания, особенно судомойки и уборщицы, считаются *единоличниками* (лучшего перевода немецкого *selbstständig* или английского *self-employed* я не придумал), стаж им не засчитывается и медицинской страховки у них нет.

Отвратительно? Но иначе не получается: хозяева гостиниц, закусочных и т. д. не хотят (а многие из них и не смогли бы) уплачивать немалые деньги в пенсионный и медицинский фонды.

Много безработных, но вне зависимости от этого некоторые молодые люди (да и девушки) вообще не желают работать и отдаляются от общества. У них особая одежда (например, тяжелая обувь), прически по-ирокезски (выбритая голова с торчащим хохлом посредине), у многих из них собаки, обязательно большие и беспородные. Бродят они, видимо, по городам и весям, а подкармливают их церкви, и добрые люди подают тем из них, кто сидит на тротуаре с пустой одноразовой чашечкой.

Обязанностей у *наших* эмигрантов пенсионного возраста две: соблюдать правила дорожного движения для пешеходов (тут я не очень хорошо выгляжу) и выкидывать мусор отдельно, – бумагу в один контейнер, бутылки – в три других, для белого, зеленого и коричневого стекла, – и т. д. Вот это я соблюдаю, но многие немцы (или турки?) не желают себя затруднять. В Кёльне, кстати, к выкидыванию мусора относились очень строго.

Много пишут о проблемах вхождения в новое общество; зубной врач, который сумел продолжить здесь свою деятельность, сказал нам, что с немцами контактов у него почти нет. Но у меня всё было своеобразно. Сообщил о себе своим корреспондентам, один из них, очень известный, ныне покойный У. Краскл, рекомендовал меня профессору Пфанцглю, завкафедрой теории вероятностей в кёльнском Математическом институте. Тот принял меня очень хорошо, каким-то невысказанным образом выхлопотал для меня грант (по возрасту я никак не подходил), интересовался моей работой. Опубликовали мы с ним две совместные статьи, одну из них в *Биометрике*. Я откопал забытого ныне немецкого математика Якоба Люрота, который в 1876 г. вывел *t*-распределение Стьюдента. Статью свою он написал на языке теории ошибок, и пришлось мне разъяснять ее Пфанцглю, он же переписал результат Люрота на математико-статистическом языке. Вот пример совместной работы фронта и тыла!

Мое *вхождение* официально (но не фактически) завершилось восемь лет назад, после получения немецкого гражданства. Сдал я экзамен по немецкому языку, пошли мои документы на утверждение, через несколько месяцев пришло разрешение. Но было неприятное обстоятельство: за подачу заявления надо было заплатить что-то порядка 250 евро, которые пропали бы не только при отказе в гражданстве, но и при провале на экзамене (также платном).

Экзамены в различных землях, даже городах, даже в различных районах Берлина могут быть различными. Мне посчастливилось: не

спросили про политическое устройство страны. А вот сейчас хотят обращать больше внимания именно на это направление, требовать опознания здания Рейхстага по фотографии, и подобный вопрос еще, быть может, окажется самым простым. Ну, не понимают высокие чиновники истинного положения своей страны, не иначе как всё еще считают себя высшей расой.

Слышал в Еврейской общине доклад чиновника канадского консульства об иммиграции, в том числе еврейской, в их страну. Раньше устанавливала Канада норму, – сколько граждан каждой страны она примет ежегодно, затем стали они основываться на личных качествах желающих (пол, возраст, образование и т. д.). Приняли и много мусульман, и оказались они полезными гражданами. Поговорил я с ним после доклада. Мы, мол, принадлежим к иудейско-христианской цивилизации, а мусульмане к ней не относятся. И сколько же *полезных* потребуется, чтобы уничтожить Торонто? И еще сказал я канадцу, что многие немецкие должностные лица, как сообщали в газетах, разочаровались в немецкой политике *мульти-культи*. На том и расстались. Неплохо бы и немцам призадуматься о том же.

В 70 лет ушел Пфанцагль, как положено, с работы, познакомил меня с новым заведующим кафедрой. Тот был специалистом по страховой математике, и будто бы кельнские страховые общества очень ему обрадовались, я же его совершенно не заинтересовал. Почти прямым текстом сказал он Пфанцаглю и мне, что приезжает к нему его любовник.

Сын отыскал себе работу в Берлине, переехал, и мы вслед. Пфанцагль был огорчен; переписывался я с ним до последнего времени, но вот перестал он отвечать мне. Означает это по здешнему обычаю, что отошел он от научной работы.

Дополнительно остановлюсь лишь на нескольких моментах. Каждый подъезд имеет свой уличный номер, и если здание угловое, то подъезды в нем нумеруются по каждой из обеих улиц по отдельности. На типичной берлинской улице нумерация подъездов идет как бы вкруговую: пойдешь по одной стороне, номера возрастают подряд, 1, 2, 3, ..., повернешь обратно по другой стороне, – номера убывают (например, 50, 49, ...). И в то же время есть улицы, на которых с одной стороны четные номера, с другой – нечетные. На многих подъездах больших магазинов номеров вообще никаких нет, а названия улиц можно увидеть только на перекрестках, да и то не всегда.

Квартиры, как правило, совсем без номеров. Стоят в подъездах общие почтовые ящики с отделениями для каждой квартиры, а на них – таблички с фамилиями. Исчезла твоя табличка – нет, значит, тебя больше в доме. Газеты, письма, пакеты почтальон по отделениям раскладывает; не влезает конверт – половину снаружи оставит или оставит соседу, а тебе – уведомление в ящик: получите у соседа. Ненадежно? Пусть заказными отправляют. И меняются почтальоны очень часто, потому что нагрузка у них чрезмерная.

Отправить отписки – проблема. Тариф удешевленный, но клеивать нельзя, и даже завязывать запрещается: под веревочку чужая почта может прилепиться. Я первое время подсовывал в свои

оттиски письма, обманывал почту, потом как-то почувствовал себя чуточку немцем, перестал жульничать. Одно время получать свои оттиски из стран, не входящих в Европейский Союз, можно было только на таможене, с уплатой пошлины. Пробовал там убеждать, сказал, что нигде в мире такого нет, – да разве чиновников уговоришь. Написал жалобу министру, ответа и не ждал. Получил я 50 оттисков статьи о Ньюкоме, потребовали примерно 10 евро. Я заплатил половину, и 25 оттисков тут же под нож пошло.

Проблема с библиографией. В прежних картотечных каталогах русские (и, например, болгарские) книги вперемежку с остальными указывались, кириллицы я в глаза не видел. Приходилось долго отыскивать авторов; как, к примеру, найти Слуцкого? Ведь букву *ц* можно транскрибировать и так, и так. И даже теперь, когда компьютер печатает и кириллицу, всё это осталось по-прежнему. Но есть в новых каталогах и другие недостатки. Ошибки – это само собой, но частенько находишь в них указание: возможная *военная потеря*, проверьте по шифру. Иначе: поищи в микрофишном каталоге, а если нет – поищи во втором. Если и там нет – значит, пропала книга. Этот второй каталог (составляли его в ГДР) отвратителен, разобраться в нем трудно. И жалко: были же в Западной Германии *тучные годы* (даже более семи), а в порядок каталоги не привели. С тех пор поиски облегчились, но трудности не исчезли.

Застал я еще картотечные каталоги со многими заполненными вручную карточками. Понять почерк было подчас трудно, тем более, что его немецкая форма своеобразна (говорят, что в каждой земле почерк тоже свой собственный). Опять же, часто попадались карточки с записью выходных данных по какой-то старинной системе. Вот пример: сборник *Математические методы экономических исследований*, изданный в Москве, был описан так: *Методы математические исследований экономических*.

Вот главная берлинская библиотека, государственная (хоть есть подобные еще в нескольких городах). Два здания, пешком от одного к другому не доберешься, и три книгохранилища, путаница неизбежная. Заказывать литературу можно, правда, с домашнего компьютера. Одно из зданий – новое. Модерн, фасон без кальсон! Выдача книг в одном месте, читать можно только этажом выше. Есть два лифта, но неудобно же, а недавно оба они были остановлены на месячный ремонт ...

Врачи в основном частники, и далеко не у всех из них сладкая жизнь. Частично поэтому относятся они к пациентам формально. Сдал анализ крови – сходи и узнай что к чему, без тебя врач смотреть не станет. У пациента оказался сифилис? Врач сообщает об этом властям, но фамилию больного не указывает. Свобода личности иногда противоречит интересам общества.

Не так редко слышишь о казалось бы невозможных случаях. Вот разговор двух больничных врачей. – Этой пациентке я назначил операцию. – Вроде бы она ей не нужна? – В этом месяце я слишком мало заработал ... Н. И. Пирогов, который провел несколько лет в Германии, описал отвратительные обычаи “знаменитых клиницистов и хирургов” (о российских ничего не сказал), но подобного

издевательства над больными не заметил. Прогресс налицо! Seriously преуспела медицина со времен наивного Гиппократ.

Лет шесть назад появилась газетная статья двух врачей, выступили они с предложением выдавать пациентам старше 75 лет только обезболивающие средства и никакой иной помощи не оказывать. Появились протестующие отклики, авторы же от полемики отказались. Фактически что-то похожее имеет место. Для профилактики я дважды в год прихожу к урологу, он ежегодно назначал мне анализ крови. Стукнуло мне 80, – перестал назначать: больничная касса (а по существу – городские власти) не оплатит. Плачу теперь сам по 22 евро. Вспоминаю, что отец, ложась в московскую больницу, убавил свой возраст на девять лет (иначе, мол, толком лечить не будут).

24. Еврейская жизнь

Ее в семье родителей не было. Уж не говорю о том, что люди с каким-то положением не смели посещать синагогу. Мама, видимо, была к ней равнодушна, отец же, как я понимаю, думал о религии примерно так же, как и я (точнее, я – примерно как он). Здесь, в Германии, я не могу участвовать в ней: мысли у меня не те, притом здесь господствуют ортодоксы, которые вообще едва терпят русских евреев, да и разговорным немецким владею я слабо. Наконец, наши общины замкнуты в себе, участвовать в жизни страны не желают.

Году в 1999-м поехали мы с Идой в Израиль. Было в нашей группе 50 членов берлинской общины, поместили нас в Нетаньи в хорошей гостинице, возили на экскурсии, беседовал с нами несколько раз раввин, но на темы, очень далекие от современности. Ида была очень довольна, я же плохо схожусь с окружающими, чувствовал себя временами скверно. Экскурсовод был у нас замечательный, и некоторые его замечания прекрасно помню. – Не могу обещать, что останемся мы здесь и через 50 и 100 лет, но сделаем для этого всё возможное. – Одни считают их (основателей новых поселений) нашими лучшими гражданами, другие же полагают, что навлекают они на нас беду. Одно совершенно точно: это – сильные и смелые люди.

Добавлю. Закончилось несколько победоносных войн, надо было мир заключать, в том числе и с Арафатом, но тот мира боялся, на переговорах в США не согласился на самые выгодные условия, заставил палестинцев страдать. Поселения основывались, и уж наверное с благословения ортодоксов, но полагаю, что Израиль допустил стратегическую ошибку: надо было кричать на весь мир: “Смотрите, они не желают мира”, а палестинцев листовками забросать, объяснять им суть дела, заниматься пропагандой из месяца в месяц. Не было этого сделано, мир отвернулся от Израиля, а арабы становились всё сильнее. Чем же теперь это кончится?

А почему не было сделано? Не иначе как ортодоксы не позволяют. Вот есть оказывается Патриарх Московский и всея Руси. Рыльце у него в пушку, но какие перлы выдаёт! *Прижмут нас инопланетяне, так Иисус нас на другую планету переселит.* А евреи, как он всенародно объявил, менее достойны, чем православные. Такого не позволяли себе последние Папы римские! А что же еврейские

организации в России? Может что-то и шепнули в коридорах власти, но не более того, и снова тот же вопрос: почему молчим?

После двух недель все отправились обратно, а мы с Идой поехали погостить в другой город, к старинному знакомому. На беду началась серьезнейшая забастовка, междугородних автобусов не было, мы еле добрались назад в аэропорт, в Тель Авив. Самое скверное впечатление осталось у меня от этого, тем более, что потом слышал, что и бастовать было ни к чему. Минут 15 нас допрашивали, к самолету не допускали. Кто такие, где были, где узнали своих знакомых. Позже понял: вся наша история показалась неправдоподобной, но только лишь упомянули мы свою уже улетевшую берлинскую группу, как нас сразу же пропустили, чемодана даже проверять не стали.

И всё-таки опубликовал я статью о статистических идеях в Библии и Талмуде (*Annals of Science*, т. 55, 1998). Вот интересное место в Талмуде. Моисей устроил жеребьевку; участвовало 22 273 человека, из которых 273 должны были уплатить выкуп за перворожденных. В беспристрастность жеребьевки веры не было: последним, мол, достанутся лишь проигрышные билетки. И изготовил Моисей 22 273, а не 22 000 пустых билетиков, но оказалось, что все проигрышные вышли в тираж, притом равномерно. Вспомнил я лекцию доц. В. Н. Тутубалина в МГУ и его книжечку 1972 г.: аналогично, и безосновательно, как он доказал, засомневались члены кооператива при распределении квартир в их строящемся доме. Вначале послал я рукопись статьи в Потсдам, в подходящий еврейский журнал, фактически – к великому профессору Шёпсу (о нем ниже) – отклонили по надуманному предлогу.

Примерно год я редактировал переводы с немецкого на русский для нашей общины и придумал принятое ее руководством новое название взамен совершенно бесцветного: *Еврейский Берлин*, по примеру давнишнего *русский Париж*, а не вслед за *Русским Берлином*, чуть ли не российской правительственной газеты, с немецким, правда, привкусом. Да, Евр. Б. – почти двуязычное издание; почти, потому что всё-таки переводятся не все немецкие материалы, и это лишний раз свидетельствует о том, что мы не совсем *равны* немецким евреям. Были предложения выпускать Евр. Б. в двух вариантах, но почему-то оно не было одобрено.

Просят еврейские благотворительные общества деньги на различные нужды, и часто только на немецком языке. Каково? Я иногда иду навстречу, но только если просят и по-русски.

Переводила на русский энергичная женщина, и выпаливала она свои мысли со скоростью тысячи слов в минуту, но была литературно малограмотна. Не могла понять, почему я возражал против новомодных слов типа *адекватный*, *менталитет* (вместо *склад ума*), также против старого *адепт*. Вопреки моему настоянию написала *шалом*, а о Шолом Алейхеме не слыхала. Я-то чувствовал, что в России *шалом* победит, но подавать пример России не следовало, опасался поперед батьки в пекло лезть. Всё это мне надоело, и я бросил редактировать.

Есть в Берлине Еврейский музей, всё только о евреях. Логично? Но нет ничего о связях с христианами. Достоверно известно, что в 1938

г. полицейский Вильгельм Крютцфельд не допустил уничтожения одной берлинской синагоги, но ничего о нем не нашел. Эйнштейну отведен крохотный уголок, а Фейхтвангер будто бы писал только о еврее Зюссе. Никаких материалов и даже указателей на русском языке нет, экскурсоводы русского языка не понимают.

Здание уродливое, а все помещения неправильной геометрической формы, один только крохотный зеленый уголок прямоугольный. *Засажен* он в соответствии с религиозными традициями бетонными столбами, вертикальными конечно, местность же поката, и голова начинает кружиться. Так честно и предупреждают нас на табличке, а я вспомнил рассказ о Ходже Нассредине. Стоит в пустынном месте фонарь, вокруг него камни, фонарь подпирают. А для чего он? Чтобы никто о камне не споткнулся ... Окон нет, взамен – бойницы, видны из них будто бы особые еврейские места Берлина. Так надо было всё это на крыше устроить, а окна всё-таки человеческие предусмотреть. Тут я, правда, до Лукашенко не дотянулся; он ведь как-то ляпнул, что яйца в магазинах должны быть человеческими.

Несколько раз были мы с Идой в еврейском доме отдыха в Бад Бад-Киссингене, он же – место нашего приобщения к еврейской жизни. Обязательные молитвы по пятницам и субботам, также по особым дням, иногда многочасовые, на незнакомом языке (с дополнительным русским текстом); беседы на ничтожные религиозные темы, притом на элементарном уровне, с выпячиванием достоинств иудаизма и бездоказательным уничижением других религий. Горничным из русских немок запрещали говорить с нами по-русски, пусть, мол, эти русские побыстрее немецкий выучат.

Кошерное питание, но вот курение не запрещается, а во время вспышки коровьего бешенства свинина оставалась под запретом. Я забеливал чай каким-то белым порошком, увидел меня *начальник режима*, как я его назвал, с ужасом ткнул в мою сторону пальцем, думал, что смешал я молоко с мясом. Проживал он с помощницей-женой в лучшем номере на всем готовом, на пенсию ушел лет в 75 и дом купил себе в городе. Недурное было у него занятие: следить за *русскими!*

В субботу нельзя ортодоксу нажать кнопку электрического звонка (стучи в дверь!), нельзя открыть зонтик, потому что *нельзя дом строить*. А вот и похлеще. Несколько десятилетий назад некие канадские ортодоксальные евреи, квартиру которых в субботу нагло, на их глазах, очищали предприимчивые молодчики, не посмели позвонить в полицию (уж не говорю: воспротивиться). Потом, правда, раввин сделал для подобных случаев послабление. Но насколько ближе к жизни христианское поучение: упала твоя овца в канаву, – вытащи, хотя бы и в субботу.

Во втором *идеологическом* еврейском доме отдыха наш *русский* попечитель нажал в субботу кнопку электрической плиты, чтобы подогреть обед. Узнал раввин (без которого мы обойтись не смели) и не потребовал выкинуть весь обед только потому, что пострадали бы и дети.

Вспомним Россию конца XIX в. В местечко ворвались казаки, начался погром. Один еврей, защищая себя, убил двоих живодеров, а на следующий день раввин заявил, что этот смелый человек имел

право только молиться. Слепо доверились этому сумасбродному решению оставшиеся в живых жители местечка, отвернулись от смельчака, и сбежал тот в Америку – на свое счастье. В той же книге прочел: начался массовый приток туда русских евреев, и больше всех недовольны этим были осевшие уже там немецкие евреи. И опять же: насколько человечнее было подчеркнутое замечание виднейшего иерарха русской православной церкви в его телевизионной беседе. Да, Иисус сказал *Обрати и другую (щеку)* (От Матфея 5:39), но сам же и нарушил свою заповедь: когда стражник ударил его, Иисус спросил (и уж наверное не смиренно) *За что бьешь?* (от Иоанна 18:23).

Вот главное обоснование ортодоксального иудаизма: он сохранил еврейство, а вот от некогда живших по соседству народов ничего не осталось. Верно, но какой ценой? Беру нейтральный пример. При строительстве Петербурга осушали болота, и погибло при этом тысяч 10 – 12 согнанных туда мужиков, если не больше. Так кто из ныне живущих имеет моральное право сказать “Зато ...”? Никто. Так могли бы сказать только погибшие, но они молчат, да и вряд ли сказали бы, будь это возможно. Вывод: с общечеловеческой (а не с не признаваемой никем иным мессианской) точки зрения лучше бы мы несколько столетий назад растворились в христианстве.

Сам я не христианин, мне нравится стихотворение Беранже (перевод В. С. Курочкина):

Господа! Если к правде святой Мир дороги найти не умеет, Честь безумцу, который навеет Человечеству сон золотой. В новый мир по безвестным дорогам Плыл безумец навстречу мечте, И безумец висел на кресте, И безумца мы назвали богом.

Одобряю замечание Маркова (который даже подал прошение в Св. Синод об отлучении от православной церкви) из его газетного письма 1914 г. (моя статья в *Историко-математич. исследованиях*, т. 34, 1993, с. 200): семинаристы “своим воспитанием приучаются к особому образу суждений. Они должны подчинять свой разум указаниям святых отцов и заменять его текстами из священного писания”. Чуть-чуть изменить эту фразу, и подойдет она ортодоксальному иудаизму.

Наша религия должна была бы сплачивать нас; не даром Русская православная церковь гордо заявляет, что это она создала Россию (вовсе не евангелическими методами). Но вот Израиль создали евреи, не дождавшиеся гласа Божия. И похоже, что иудаизм там обладает слишком большой светской властью, частично во вред объединению всего еврейского населения. И нет в Израиле конституции, а взамен – религия. И земля в *субботний год* не обрабатывается, гражданские самолёты по субботам не летают, а смертный приговор Эйхману судьи выносили два месяца! Я скажу: заставь дурака Богу молиться.

Ортодоксы! Вы успели заучить тысячу запретительных и столько же разрешительных установлений? Осталось у вас хоть чуточка скудного умишки? Так скажите: почему именно нас Господь рассеял по свету за грехи наши? Что, мы грешили больше других? Да нет, потому, что Он нас *избрал*, и за это мы уплатили чудовищную цену, –

семь миллионов евреев. А вы, ортодоксы, удерживали нас в изгнании, и не было народа глупее нас, потому что доверяли мы вам, предателям! Думать надо было не о том, чтобы угодить боженке (которому наплевать было на нас), а о нашем физическом выживании. Но для этого надо было сохранить разум, что оказалось вам не под силу. Вот песенка: *Было у тётки семеро зятьёв*. Стала она их угощать: *Гришке – блин, Никишке – блин, ..., Ванюшеньке-душеньке – с начинкой пирожок*. Стала она их провожать: *Гришку – в шею, Никишку – в шею, ..., Ванюшеньку-душеньку по буйной голове!* Вот мы и получили по *дурной* голове, – с вашей подачи, ортодоксы!

Центральным советом евреев в Германии руководят, как представляется, ортодоксальные евреи. Во всяком случае, он никогда не одобрял въезда в страну евреев (приезжать в принципе следовало бы в Израиль), но и не препятствует этому, но вот евреев по отцу, а также неверующих и инаковерующих евреев, мягко говоря, не жалуется. Власти страны старались (хоть и не очень удачно) придерживаться именно этого курса, но я полагаю, что напрасно. Германия остро нуждается в притоке населения, и *не те* евреи для нее гораздо ценнее *настоящих* и упёртых, а для нас самих они просто необходимы. Нас так мало по сравнению с общим населением, что нам нужно объединять и тех, и других, пусть даже вопреки официальным еврейским требованиям. И не следовало бы стремиться превращать русских евреев в ортодоксов; это, в общем-то, слишком трудно, да и вообще не обязательно.

Я бы добавил: вредно. Зашоренные фанатики плодят себе подобных, и есть среди них даже не признающие государства Израиль и разъяряющие Катастрофу нашей же виной перед Богом. Я бы назвал таких недоумков *почетными людоедами*. Они к тому же забыли, что Бог однажды утопил всё человечество, затем раскаялся и создал радугу, чтобы все знали: потопов больше не будет! А Катастрофа? И где новая *радуга*?..

Нисколько не умаляя вины христианской церкви, в первую очередь католической (не религии, а церкви; недаром говорят; чем ближе к церкви, тем дальше от Бога) за притеснения, погромы и убийства евреев на протяжении многих веков, а косвенно и за Катастрофу, добавим: немалую вину во всё это внес и иудаизм. Вместо того, чтобы найти формы повседневного общения с христианами, мы высокомерно отделились от них, создали для себя духовное гетто, и окружающий мир неизбежно увидел в нас обособленную касту, члены которой вовсе не были морально выше других. А затем уже католическая церковь изобрела реальные гетто ... Мы поплатились сполна. Многие, правда, догадались сбежать в Америку, но уж не по совету раввинов.

Есть в толковом английском словаре слово *in-group*: небольшая группа с общими интересами, которая старается жить отдельно от остальных. И синоним: *клика*! За одно это нас ненавидели и ненавидят сейчас.

Ортодоксальные евреи до сих пор не учитывают, что гитлеры никак не различали нас по религиозному признаку, и точно так же поступают нынешние шафаревичи. Вот особый пример ортодокса:

профессор Шёпс, директор Центра им. Моисея Мендельсона по изучению европейского еврейства. 5 – 11 января 2008 г. его взгляды были описаны в анонимной статье в Интернет-издании лондонского *Экономиста* (с. 32 – 34). Жаловался бедняга: русские евреи не знают и не желают знать еврейских ритуалов и обычаев, их “культурные иконы – Достоевский и Чайковский, а не Гёте и Бетховен, тем менее Мендельсон или Гейне”, они хотят видеть в еврейских общинах “русские культурные клубы, а не религиозные объединения” и (о, ужас!) предпочитают играть в шахматы, а не в скат.

Пробовал я опубликовать в *Еврейской газете* протест – не хотят и слушать, тщетно обращался в несколько еврейских организаций. Он, мол, свое личное мнение высказывает, а вот как оно отражается на работе Центра им. Мендельсона? Никто и думать не желает. Интересно всё-таки, как Шёпс посмел вспомнить Гейне, который в своем стихотворении *Disputation* заявил, что “раввин и капуцин одинаково воняют”?

Анонимный автор сообщает и о “нашей” точке зрения и заключает, что времена изменились и что немецким евреям, занимающим руководящее положение в общинах, придется к ним приспособиться.

Именно Шёпс в середине 2007 г. предложил разбить Берлинскую общину на “немецкую” и “русскую”, против чего я возразил в нашем ежемесячном Евр. Б.; кстати, этот же Евр. Б. вычеркнул из моего второго письма фразу о желательности публикации статей о наших религиозных отщепенцах, – Спинозе и Гейне, а в Московской еврейской общине, как мне известно, отмахиваются от памяти вынужденных выкрестов, братьев Рубинштейн, основателей Московской и Петербургской консерваторий.

Далее, Шёпс как бы и не знает, что только третье поколение иммигрантов по-настоящему вливается в новое общество. И, наконец: быть может половина еврейского населения Израиля – “русские”, так не разделить ли Израиль пополам, г-н профессор Шёпс? Нет, делить не будем! И более того: нас, евреев, должна теперь объединять не религия, а национальность, притом понимаемая в широком смысле, т. е. включающая “полуевреев”, а также и неверующих, и инаковерующих.

Евреи всех стран, любители играть в нарды, шахматы и скат, соединяйтесь! Нам нечего терять, кроме цепей ортодоксального иудаизма.

Нас иногда сравнивают с турками. Они-де работают, а мы просиживаем у дверей врачебных кабинетов. Работают и молодые евреи, но их не видно, потому что не торгуют они овощами-фруктами, а у дверей кабинетов сидят и старые евреи, и старые турки, но увидеть последних можно только в приемных турецких врачей.

А вот, что турки смешиваются с немцами лишь чуточку лучше, чем нефть с водой, в расчет не берут. И забыли уже сообщения об отвратительных сценах в немецких кинотеатрах, когда молодые турки шумно восторгались людоедскими кадрами турецкого антисемитского и антихристианского фильма. И стоило бы тут подумать о допустимых границах демократии и вообще о медленном закате Европы.

Впрочем, не приходилось мне ни видеть, ни слышать, чтобы немецкие турки плохо относились к нам, хотя здороваются они с нами (или вообще с инаковерующими) далеко не всегда. А вот среди российских немцев антисемитов хватает. Ничем мы перед ними не провинились, но завидуют они нам. Мы образованны, легче переносим эмиграцию. Заметил Аристотель, что к рабу хуже всех относятся другие рабы, а ведь и мы, и они были наполовину рабами, так может быть они и в Казахстане ненавидели нас? Нас, правда, там почти не было, но ведь не мешает польскому антисемитизму почти полное отсутствие евреев в Польше!

Хочу напомнить: пятьсот лет назад Испания изгнала евреев из страны, остались только выкресты. Католическая церковь быть может и торжествовала, но вот государство наверняка ничего не выиграло от своей жестокости. Существует даже мнение, что она явилась одной из причин последовавшего упадка Испании, но вряд ли кто-либо принимает это в расчет. *История учит только тому, что она никогда, никого и ничему не научила.*

25. На Аллаха надейся, а верблюда привязывай

Эта заметка, которая дополняет предыдущий пункт, почти полностью появилась в Интернете (www.berkovich-zametki.com, № 72), а затем в *Jewish Diary*, – приложении к журналу Edita (Гельзенкирхен) № 1 (4), 2008, с. 13 – 14.

1. *Мы были избраны Богом.* Так утверждает Ветхий Завет, и для верующего человека, будь он иудей, христианин или мусульманин, это бесспорно. Но и для атеиста Библия остается достоверным источником знаний; он, конечно же, не поверит в описанные там чудеса, однако истинность содержащихся в ней конкретных сведений и подробности быта, описанные там мимоходом, были уже давно подтверждены учеными различных специальностей. Можно поэтому смело полагать, что во всяком случае древние народы признавали нашу богоизбранность, а в Коране об этом сказано прямо.

Так за какие заслуги Бог избрал именно нас? Или, опять же для атеистов: почему современники верили в это? Ветхий Завет свидетельствует: мы вовсе не соблюдали Божественных заповедей, потому в конце концов и оказались вечными странниками без родины. Но нам принадлежала великая идея единобожия и, к тому же, другие народы были, видимо, еще хуже нас.

2. *Так чем же мы отличаемся от других?* В дни нашей молодости, в России, нам вдалбливали в головы: все народы одинаково разумны и в равной степени способны воспринимать новые идеи; если же какой-то мальчишка-“нацмен” отстаёт от своих сверстников, то лишь потому, что вырос в неблагоприятной семье. И жизнь подгонялась под эту нехитрую схему. Нацменам создавались тепличные условия в науке и искусстве, а нас, евреев, держали в ежовых рукавицах. А еще прояснилось, уже на закате жизни Великого Вождя и Учителя, в конце 1940-х годов: русская наука потому только мало известна “за бугром”, что подлые иностранцы в сговоре с евреями всегда ее ущемляли и обкрадывали. И пенициллин, к примеру, изобрели русские, а не никому не ведомый англичанин (Флеминг), да и вообще Россия – родина слонов.

На самом же деле среди нас, евреев, относительно, т.е. в процентах, намного больше выдающихся людей, и лишь древние греки могли бы в этом сравниться с нами. По отношению к нам это можно частично объяснить особенностью еврейской жизни, а именно необходимостью выживать в условиях беспощадных гонений и непрерывным изучением Торы и Талмуда, – и, стало быть, бесконечным оттачиванием логического мышления. Мы также более восприимчивы к общественным неурядицам и частично это, видимо, объясняется повсеместным явным или скрытым антисемитизмом.

И вот, среди русских революционеров, да и среди правящей верхушки в первые годы Советской власти было много евреев. В России, где вплоть до 1917 г. существовала пресловутая черта оседлости, иначе и быть не могло: прозябавшие там и подчас не имевшие устойчивого заработка “люди воздуха”, Luftmenschen, легче всего поддавались воздействию радикальных идей. Подобное заметил Лев Толстой в эпилоге к *Войне и миру*: большую часть русских добровольцев, отправлявшихся помогать болгарам воевать против турецкого владычества, составляли люди без прочного положения в обществе.

А первым баламутом был еврей по имени Иисус (да, еврей в своей земной жизни): *Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее* (От Матфея 10:35). Знает ли это истинно верующий христианин Шафаревич? Это ведь он сравнил нас с бактериями (которых сколько угодно полезных) и объявил зачинщиками всех неурядиц. Иисус же своим существованием отрицал иудейский принцип единобожия, да еще подправлял божественные заповеди, полученные Моисеем в ветхозаветные времена. И он действительно возмутил население, – так чем же **в этом смысле** отличается от него Троцкий? Бациллой антисемитизма был заражен и другой истинно верующий христианин, доблестный (без кавычек) этнограф, описавший население, порядки и законы целого архипелага. Так выпукло изобразил, что само это слово, *архипелаг*, попытались заменить в русском языке термином *группа островов*. И вот аналогичная попытка. Появились *диссиденты*, т. е. *инакомыслящие*. Но... подобными словами *ярость масс* не поднять, пригодны они лишь для *образованщины*. Придумали: *перевертыши*, вроде бы понятнее. Логика нет? Это ты брось! Сегодня надо *кастетом роиться у мира в черепе*.

И вот аналогичная попытка. В Катюни четырнадцать тысяч пленных польских офицеров, как доподлинно известно, сами себя – нет, не высекли, куда там Гоголю! Сами себя расстреляли. Но чтобы иностранцы не путались под ногами, назвали Катюню и другое какое-то место, километров, кажется, за двести до *настоящего*.

Наконец, врачи знают, что мы более других восприимчивы к некоторым болезням. Страшное, но, к счастью, редкое заболевание *пузырчатка обыкновенная*, происхождение которой неизвестно, в медицинском обиходе даже называется еврейской болезнью.

Можно полагать, что указанные отличия еврейского народа были в какой-то степени заложены в генофонде наших предков и укрепились в результате тяжелых особенностей нашей жизни на протяжении многих столетий.

3. *Остались ли мы Богоизбранным народом?* Четкий и положительный ответ на этот вопрос дают только иудеи, христиане же утверждают, что Бог давно уже предпочел их (хотя ссылаются только на не вполне определенное утверждение Библии: От Матфея 27:51 – 53), да и мусульмане заявляют то же самое о себе. Нас, впрочем, интересует повседневная сторона дела, а именно: как воспринимают христиане и мусульмане нашу, по крайней мере явно не отрицаемую в Новом Завете богоизбранность. И не относится ли к нам мораль одной из басен Крылова: своим гоготанием ваши предки спасли Рим от внезапного нападения врагов, но сами-то вы, нынешние гуси, годны лишь на жаркое. ... Тем более, что наши предки никакого Рима не спасли.

Среди нас появлялись Колумбы, Левитаны, Гейне и Эйнштейны, но обычных людей, христиан и мусульман, это не интересует. Для них богоизбранность, видимо, проявлялась бы в высоких моральных качествах, – например, в правдивости и доброте, которыми мы наделены не щедрее других. Среди голубых тоже ведь гении были, назовем лишь Леонардо да Винчи и Чайковского, но разве об этом хотят помнить?

4. *Неизбежное следствие.* И вместе с тем переход в иудаизм, мягко скажем, труден, тогда как, например, крещение для нехристианина несравненно проще. И вот окружающий мир неизбежно видит в нас обособленную касту, которая бесосновательно считает себя солью земли. Добавим к этому сопутствующую многовековую ненависть католицизма (да и православия) к иудеям, вовсе не исчезнувшую и сегодня, и происшедшая Катастрофа оказывается легко объяснимой.

Выводы неутешительны. Мы не сможем морально превзойти других, а каноны иудаизма (как и всякой религии) незыблемы и мы, стало быть, рискуем оставаться ненавистными. То же самое относится и к государству Израиль, поскольку оно основывается на иудаизме. Можно сказать, что эта основа продиктована демографической обстановкой: евреев в Израиле скоро станет меньше чем арабов. Но вот пример Латвии, которую в свое время захлестнула волна приезжих из других районов Советского Союза: латыши проводят жесткую национальную (но никак не религиозную!) политику, за это их критикуют, но не ненавидят и санкций против Латвии не вводят. Быть может ее пример поучителен.

5. *Есть ли у нас будущее в странах рассеяния?* Ультрарелигиозные иудеи продолжают верить, что Господь (а не Богом проклятые сионисты) поведет нас всех в страну обетованную, а вот о погибших шести миллионах при этом как-то умалчивают. Так вот, пусть верующие надеются на счастливую и вечную жизнь на небесах, но никто не должен ожидать Божественной защиты здесь, на Земле. Только мы сами можем помочь себе, но нас очень мало и нам следовало бы привлекать к себе всех сочувствующих и в первую очередь "половинок", – евреев лишь по отцу, да и неверующих. Это, между прочим, означает: необходим постоянный диалог и с христианами, и с мусульманами, притом не только на "верхних", но и на "нижних" этажах, т.е. между "обычными" людьми всех

вероисповеданий. И нельзя забывать, что мы, вместе с христианами, принадлежим к единой иудейско-христианской цивилизации.

Но вот сообщение: в соответствии с уставом (общины?) ушел в отставку “вступивший в нееврейский брак” зам. председателя Берлинской еврейской общины. А какой был год во дворе? Две тысячи восьмой.

Далее, нашим молодым людям следовало бы овладевать искусством самозащиты, а правлениям Еврейских общин хранить наши списки от чужих глаз, и на конвертах с рассылаемой нам почтой прекратить указывать свою принадлежность. Короче, наш принцип, в неожиданном согласии с арабами, должен гласить: На Аллаха надейся, а верблюда привязывай!

б. *Что нового в этой заметке?* Ее канва хорошо известна, но мы надеемся, что наше изложение полезно своей краткостью и, как нам кажется, четкостью. Кроме того, мы указали некоторые желательные шаги. К великому сожалению, еврейские общины в Германии, а быть может и в некоторых других странах не желают (иначе не скажешь) прислушаться к голосу жизни и продолжают уповать на Всевышнего.

Послесловие. Думаю, что мне очень повезло в жизни, – и с доставшимися мне родителями и дядей, и в собственной семейной жизни, с полученным образованием, выбором основной темы научной работы, и, наконец, потому, что удалось общаться с замечательными людьми. Их я назвал поименно, и большинства из них уже нет. О нынешней России писать мне негоже, но хотел бы припомнить два высказывания (второе – Г. А. Явлинского). Первое: Хотели присоединиться к водопроводу капитализма, а подключились к канализации. Второе: Ельцин делал неправильные шаги в правильном направлении, Путин – правильные в неправильном. И многие, многие на тернистом пути *продали шпагу свою*. Но ведь не с пустого места начался он, и тысячу раз права была мать Сталина: “Лучше было бы для всех, если бы ты стал священником”. Был этот разговор в 1930-х годах, Сталин его своей матери не простил, на похороны ее не приехал (рассказ Мераби Гедеванова).

Была когда-то цель: *Грабь награбленное!* Новая задача появилась: Продавай то ли шпагу, то ли остатки совести, *Грабь всё, что удастся!* И много было и осталось таких, про которых сказал Евтушенко “Он знал, что вертится Земля, Но у него была семья” (и/или высокое общественное положение). Есть в Берлине *Русский дом*, как его попросту называют, прекрасное внушительное здание в центре города. Лет 12 назад немцы вдруг выяснили, что принадлежало оно уже какой-то немецкой фирме. Как, что? Пошло дело в немецкий, конечно же, суд, куплю-продажу признали ничтожной, вернули здание государству российскому. Так кто же прикарманил немалые денежки (хоть наверняка продал дом за бесценок)? С чьего молчаливого (и уж небескорыстного) соизволения? Кто пошел под суд? А накопленное и награбленное партией, куда оно подевалось? Ответил классик: Исчезло *как дым, как утренний туман*.

Теперь несколько слов о религии вообще, а не об ортодоксальном иудаизме. Она нужна сотням миллионов как стержень и смысл жизни и подчас придает ложную уверенность в

собственной безопасности. Называйте ее опиумом, но она необходима. Другой вопрос: спасает ли вера от несчастий? Можно верить или не верить в чудесное сотворение вселенной и в чудеса, происходящие в жизни отдельных людей. Главный советский ракетчик, Королев, изведal таки прелести Гулага и стал доходягой и от верной смерти спасся будто бы ниспосланной с неба пайкой.

Но где спасение человечества от войн, болезней, голода и грядущих бедствий? Почему оспопрививание было открыто только в конце XVIII в. (Дженнером)? Почему, с божьей помощью, не лет на сто раньше? Почему Бог не запретил крестовых походов? Инквизиции? Избиения своего собственного народа? Некоторые заявляют: сами виноваты, слишком много грехов на нас. На этот довод я и отвечать не буду. Другие талдычат: слишком силен сатана ... Так зачем нужен Бог? Вспоминаешь верную в общем поговорку:

You'll get pie in the sky when you die (Помрешь, так получишь пирог на небесах).